

Из фондов Российской государственной библиотеки

Гессен, Ю.И.
Велижская драма

Москва
Российская государственная библиотека
2007

Гессен, Ю.И.

Велижская драма [Электронный ресурс] : из истории обвинения евреев в ритуальных преступлениях / Ю.И. Гессен. - М.: РГБ, 2007. - (Из фондов Российской государственной библиотеки)

Текст воспроизводится по экземпляру, находящемуся в
фонде РГБ:

Гессен, Ю.И.
Велижская драма

Типо-литография А.Г. Розена, 1904

Российская государственная библиотека, 2007
(электронный текст)

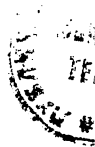
Ю. И. Гессенъ.

ВЕЛИЖСКАЯ ДРАМА.

Изъ исторіи обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 25 Іюля 1904 г.

2004127047

Типо-Литографія А. Г. Розена. (А. Е. Ляндау) Театральная Площадь.

Посвящается
Владимиру Балактіоновичу
Короленко.

Одна изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи культуры европейскаго общества должна быть отведена мнѣю о ритуальныхъ преступленіяхъ евреевъ, обогрившему кровью жизнь еврейскаго народа и создавшему единственную въ своемъ родѣ «кровавую» литературу. Трудно сказать, насколько значительно взаимодействіе этой клеветнической литературы съ одной стороны и многочисленныхъ судебныхъ ритуальныхъ процессовъ съ другой. Вѣроятно, бывали случаи, когда книга, воспалая фантазію и религиозное чувство человѣка, побуждала его возродить старый мифъ; весьма часто произведенія этой литературы служили важнымъ обвинительнымъ матеріаломъ въ судебныхъ процессахъ. Но все же въ исторіи навѣта книга играла далеко не столь видную роль, какъ общія условія общественной и государственной жизни страны, въ которой возникали обвиненія. Облекая въ кровь и плоть дикую сказку, авторы навѣта обращались къ помощи кровавой литературы лишь въ исключительныхъ случаяхъ, тогда, когда являлось опасеніе, что кампанія будетъ проиграна. Обыкновенно же они не безъ основанія и не безъ успѣха возлагали свои надежды на общественное настроеніе, на общественную поддержку.

Вотъ почему, борясь съ несправедливымъ обвиненіемъ, недостаточно обнаруживать ложь и клевету, нагроможденныя въ кровавой литературѣ ¹⁾, необходимо также распутывать ту сѣть клеветы и лжи, которую въ дѣйствительной жизни набрасываютъ на жертву обвиненія, необходимо выяснить культурно-общественныя условія, рождающія ритуальные процессы, питающія ихъ своими соками...

Предъ злобой и суевѣрѣмъ, вызывавшими навѣтъ, евреи были бессильны; когда обвиненіе выдвигалось съ корыстной цѣлью—они платили золотомъ, когда съ кровожадной—они платили мученической смертью, и послѣ каждой кровавой расплаты

¹⁾ Это выполнено маститымъ Д. Хвольсономъ въ трудѣ: „О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ“. Второе изданіе. Спб. 1880 г.

имъ оставалось лишь надѣяться, что принесенная жертва была послѣдней; ужасъ предъ новыми страданіями и появленіе защитниковъ изъ среды христіанъ заставляли вѣрить, что навѣтъ не потребуетъ болѣе еврейской крови.

Осуществила ли дѣйствительность эту вымученную надежду? На этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь завтрашній день.

Правда, въ послѣднія многія десятилѣтія почти всѣ ритуальные процессы и въ Россіи, и въ Зап. Европѣ завершались оправданіемъ евреевъ; судебное слѣдствіе обнаруживало полную непричастность евреевъ къ данному фактическому или вымышленному злодѣянію. Но все же... все же за нами тянется столь длинный рядъ суровыхъ обвиненій, а будущее такъ темно!..

ГЛАВА I. ¹⁾

6-го марта 1817 г. министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ обратился къ гродненскому губернатору съ нижеслѣдующимъ предписаніемъ: «По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто они употребляютъ въ опрѣснокяхъ христіанскую кровь, неоднократно были дѣланы во время польскаго правленія на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдывали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ по таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на евреевъ грамотами своими 1564 г. августа 9-го и 1566 г. мая 20-го дня запретилъ обвинять евреевъ безъ всякаго основанія въ употребленіи христіанской крови, зная изъ доводовъ

¹⁾ При составленіи настоящаго очерка мы пользовались: 1) официальной запиской о дѣлѣ, напечатанной лишь въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, 2) разнообразнымъ рукописнымъ официальнымъ матеріаломъ, 3) „Мнѣніемъ“ адмирала Мордвинова, имѣющимся въ рукописномъ сборникѣ его записокъ (т. 12, № 5, стр. 26—56).

„Мнѣніе“ адм. Мордвинова было представлено намъ съ рѣдкой любезностью извѣстнымъ историкомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Бильбасовымъ, которому мы почтительно приносимъ нашу благодарность. Подъ редакціей В. А. Бильбасова издается „Архивъ“ гр. Мордвинова и въ 8-мъ томѣ, когда настоящий очеркъ былъ законченъ, появилось „мнѣніе“ полностью.

Въ 1846 г. въ Лейпцигѣ была издана книжка (126 стр.) „Anklagen der Juden in Russland wegen Kindermords, Gebrauchs von Christen blut und Gotteslästerung“ (aus den Criminalacten wortgetreu ausgezogen) сжато передающая содержаніе печатной записки.

священнаго писанія, что евреи оной не употребляютъ. Въ новѣйшія же времена, и именно въ 1763 г. марта 21 дня, папскій нунцій по дѣлу евреевъ писалъ, что и въ недавнемъ предѣтѣмъ времени Римскій Престоль изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови для дѣланія своихъ опрѣсноковъ, но не нашелъ довольно ясныхъ и несомнительныхъ доказательствъ, которыя бы достаточны были къ утвержденію сего предразсудка противъ евреевъ такъ, чтобы можно было въ силу оныхъ объявить ихъ виновными въ такомъ преступленіи, и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ обвиненіяхъ утверждать на семь основаніи сужденія.

По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, якобы для той-же надобности, его императорскаго величество, приѣмля во вниманіе, что таковыя извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объявить всѣмъ г.г. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобъ впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови, но если-бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія однако-жь, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ вѣроисповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи смертоубійства >.

Это повелѣніе должно было успокоить евреевъ въ Россіи, внушить имъ увѣренность, что въ дальнѣйшемъ подобныя навѣты не будутъ нарушать обычное теченіе ихъ мирной жизни.

Въ душевномъ спокойствіи пребывало и еврейское населеніе города Велижа, Витебской губерніи, расположеннаго у рѣки Двины. Составляя часть мѣстнаго торгово-промышленнаго сословія, евреи, между прочимъ, принимали участіе какъ въ сословныхъ, такъ и городскихъ органахъ самоуправленія. Однимъ

изъ двухъ евреевъ, засѣдавшихъ въ городскомъ магистратѣ, былъ Евзикъ Цетлинъ. Въ качествѣ ратмана, онъ наравнѣ съ коллегами-христіанами отправлялъ правосудіе, производилъ слѣдствія. Это былъ зажиточный коммерсантъ, видный членъ мѣстнаго еврейскаго общества, занимавшій почетный постъ погребальнаго старосты. Его жена, Ханна Цетлинъ, содержала шинокъ, въ который частенько захаживали представители мѣстной администраціи, чтобы выпить стаканъ вина. Дочка же ихъ, Итка, выросшая на рукахъ старой служанки Максимовой, безпечно проводила свои юные годы въ кругу подругъ.

Въ добромъ знакомствѣ съ Цетлинами находилась семья велижскаго 3 гильдіи купца Шмерки Берлина. Впрочемъ, неудача, постигшая торговое дѣло, предпринятое сообща Евзикомъ Цетлинымъ и Шмеркой Берлинымъ, нарушила прежнія хорошія отношенія. Шмерка Берлинъ жилъ въ домѣ своей тещи Мирки Аронсонъ; его семья состояла изъ жены Славки, сына Гирши съ женою Шифрою, и дочери Ланки, замужемъ за Янкелемъ-Гиршей Аронсономъ.

Было 22 апрѣля 1823 г., первый день христіанской пасхи. — Евзика Цетлина постигло горе: его малолѣтній сынъ заболѣлъ. Евзикъ Цетлинъ хотѣлъ-было пригласить штабъ-лѣкаря Левена, но не сдѣлалъ этого, такъ какъ Левенъ былъ занятъ праздничными визитами, да и самъ Евзикъ Цетлинъ, по долгу службы, ходилъ поздравлять городничаго и другихъ оффиціальныхъ лицъ. Но день 22 апрѣля 1823 г. долженъ былъ принести Евзику Цетлину, а вмѣстѣ съ нимъ и многимъ другимъ евреямъ, еще большее несчастье.

24-го апрѣля велижской полиціи было дано знать, что малолѣтній сынъ солдата Емельяна Иванова, Федоръ, выйдя изъ дома 22 апрѣля, не вернулся болѣе къ отцу. Полиція предписала ратману Олейникову совмѣстно съ надзирателемъ произвести розыскъ, но 28 апрѣля эти лица донесли, что мальчикъ не отысканъ. А 2 мая одинъ прохожій случайно нашелъ въ полуверстѣ отъ города, вблизи дороги, въ лѣсу трупъ исчезнувшаго ребенка «чѣмъ-то въ нѣсколькихъ мѣстахъ пронзеннымъ». —

Началось слѣдствіе. Мать ребенка, Агафья, подтвердила, что мальчикъ исчезъ 22 апрѣля и показала, что на третій день

праздника къ ней пришла какая-то неизвѣстная женщина, оказавшаяся потомъ Марьей Терентьевой, которая въ присутствіи постороннихъ людей объявила, что угадаетъ, гдѣ находится ребенокъ, а затѣмъ, пустивъ воскъ на воду, заявила, что мальчикъ находится «въ домѣ *еврейки Мирки*, въ погребѣ; еще живъ, сегодняшнюю ночь намѣрены его освободить, но сомнѣвается, чтобы зло не открылось, а когда не будетъ освобожденъ, то умертвятъ». Не повѣривъ Терентьевой, Агафья, зная по наслышкѣ, что въ деревнѣ Сентюры, лежащей въ одной верстѣ отъ Велижа, какая-то «больная дѣвка» Анна Еремѣева «много предугадываетъ», отправилась къ ней. По пути Агафья вошла на крыльцо дома Мирки Аронсонъ, но тотчасъ пошла прочь, опасаясь навлечь на себя подозрѣніе въ воровствѣ. Послѣ усиленныхъ просьбъ, больная дѣвка сказала Агафѣ, что идя въ Сентюры она, Агафья, зашла «въ тотъ домъ, гдѣ сынъ ея хранится и очень слабымъ; если захочетъ видѣть его, то наступающую ночь стерегла бы, онъ будетъ кончать жизнь». Агафья обо всемъ рассказала мужу, но тотъ ничего не хотѣлъ предпринять, а 1 мая къ ней вновь пришла Терентьева и, спросивъ, почему она прекратила поиски сына, заявила, что ребенокъ былъ взятъ на мосту одной еврейкой и уведенъ во дворъ Еввика Цетлина, гдѣ онъ и оставался до ночи, а потомъ переведенъ въ домъ Мирки Аронсонъ.

Отецъ умерщвленнаго ребенка заявилъ, что онъ не знаетъ, кто убилъ сына, и подозрѣнія, *кромя евреевъ*, ни на кого не имѣетъ, а тетка убитаго показала, что «по всѣмъ замѣчаніямъ въ пронзеніи племянника доказывается, что загубленъ евреями».

Этихъ данныхъ было достаточно, чтобы слѣдствіе съ перваго же шага было направлено въ одну опредѣленную сторону, именно въ сторону *евреевъ*; не извѣстныхъ, такъ сказать конкретныхъ евреевъ, а вообще евреевъ, точнѣе—всей еврейской массы. И подозрѣніе на евреевъ казалось тѣмъ болѣе естественнымъ, что штабъ-лѣкарь Левенъ, освидѣтельствовавшій трупъ ребенка, констатировалъ, что ребенокъ кончилъ дни мученической смертью. Канва для ритуальнаго процесса была готова.

Вблизи мѣста, гдѣ былъ найденъ трупъ, сохранились на дорогѣ слѣды проѣзжавшей телѣги, запряженной парой лошадей,—

и жители ближайших деревень опрашиваются слѣдственной властью: не проѣзжали-ли по дорогѣ около 2 мая *евреи*? Отвѣтъ получается отрицательный и это приводит властей къ убѣжденію, что евреи, бросивъ ребенка, вернулись въ Велижъ и что здѣсь кроется корень преступленія.

На запросъ слѣдственной власти Анна Еремѣева, 12 лѣтъ отъ роду, показала, что уже второй годъ жила въ Велижѣ подаяніемъ; 25 марта она была въ Сентюрахъ и тамъ во снѣ ей представился, въ видѣ старца, архистратигъ Михаилъ, который, взявъ ее за руку, водилъ по разнымъ мѣстамъ и, рассказывая ей многое изъ будущаго, сказалъ, между прочимъ, что на первый день святого Христова Воскресенья одна христіанская душа будетъ загублена евреями, о чемъ, проснувшись, объявила хозяйну дома, въ которомъ нашла пріютъ. А передъ пасхой она еще разъ увидѣла во снѣ св. Михаила, сказавшаго ей, что въ наступающую ночь «евреи захватятъ христіанскую душу и будетъ она въ домѣ еврейки Мирки». Когда же на третій день къ ней явилась солдатка Агафья, она ей объявила: «ты идучи ко мнѣ заходила въ тотъ домъ, гдѣ сынъ твой хранится, и если въ силахъ взять его, то приложите старанія, а буде не умѣете, то по крайней мѣрѣ караульте».

Хотя закономъ возбранялось предугадывать, ворожить и т. п., тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе показанія Еремѣевой, 5 мая былъ произведенъ обыскъ въ домѣ купца Шмерки Берлина, т. е. въ домѣ его тещи Мирки Аронсонъ, и всѣ жившіе тамъ евреи, хозяйева и слуги, были допрошены. Ничего однако подозрительнаго въ домѣ не было найдено, не оказалось тамъ также и брички, которая соотвѣтствовала-бы слѣдамъ, оставшимся на дорогѣ.

Вѣсть объ убіеніи евреями христіанскаго ребенка быстро, конечно, облетѣла городъ; обыскъ въ домѣ Берлина долженъ былъ еще болѣе утвердить населеніе въ правдивости слуховъ. И вотъ, на сцену начинаютъ выступать свидѣтели. Многія ихъ заявленія тотчасъ оказываются ложными, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, что всѣ эти свидѣтельскія показанія были злонамѣренной клеветой. Достаточно представить себѣ, какое настроеніе должно было охватить низшіе слои велижскаго населенія, особливо женщинъ, при страшной вѣсти

объ убіеніи ребенка, чтобы понять, что многія показанія были рождены не злой волей, а своего рода религіозной экзальтаціей. Факты, случайно запечатлѣвшіеся въ памяти, свидѣтели связывали съ кровавымъ событіемъ, не работая о томъ, совпадали ли показанія съ дѣйствительностью. Къ такого рода ложнымъ показаніямъ слѣдуетъ, повидимому, отнести и заявленіе шести свидѣтельницъ-христіанокъ, что 2 мая, т. е. въ тотъ день, когда былъ найденъ трупъ, онѣ видѣли утромъ двухъ проѣзжавшихъ евреевъ, одного стараго, другого молодого, которые вскорѣ вернулись въ городъ; при этомъ одна изъ свидѣтельницъ заявила, что въ еврей съ рыжей бородой она узнала приказчика Берлина, Йоселя Мирласа. Дѣйствительно, свидѣтельницы могли видѣть двухъ евреевъ, ѣхавшихъ въ бричкѣ, но, во-первыхъ, то не былъ Мирласъ, покинувшій Велижъ еще 29 апрѣля и отправившійся тогда же на баркѣ въ Динабургъ, что подтвердили его спутники-христіане, а во-вторыхъ, евреи проѣзжали не 2 мая, а нѣсколько ранѣе. Дѣло въ томъ, что къ Шмеркѣ Берлину пріѣхалъ дальній родственникъ его снохи Шифры, съ которымъ она тогда впервые познакомилась, Йосель Гликманъ, вмѣстѣ съ 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ. Йосель Гликманъ пріѣхалъ 27 апрѣля, а покинулъ городъ 1 мая, что подтвердилъ сосѣдь-христіанинъ. Но за два дня до обнаруженія трупа Гликманъ ѣздилъ съ однимъ евреемъ въ деревню Павловку за покупкой сѣна. Этихъ двухъ евреевъ и могли видѣть свидѣтельницы и надо думать, что, слыша о проѣзжавшемъ какомъ-то Йоселѣ, свидѣтельница указала на мѣстнаго жителя Йоселя Мирласа, не зная, что ѣхалъ Йосель Гликманъ.

Но злонамѣренной лже-свидѣтельницей явилась Марья Терентьева, вынесшая, можно сказать, на себѣ всю тяжесть велижской драмы... Кто же была эта женщина, державшая въ своихъ рукахъ судьбу нѣсколькихъ десятковъ велижскихъ евреевъ, и даже, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, судьбу всего еврейскаго населенія Россіи?

То была предававшаяся пьянству и разврату нищенка, ходившая по домамъ за подаяніемъ, не имѣвшая своего угла. Она заявила слѣдственной власти, что видѣла, какъ въ Христова Воскресенье Ханна Цетлинъ взяла на мосту за руку какого-то мальчика и повела его съ собою въ домъ, около котораго находи-

лось нѣсколько евреевъ — какъ ей показалось, всѣ изъ дома Шмерки Берлина—изъ коихъ четверо пошли вслѣдъ за Ханной Цетлинъ. Когда же ей, Марьѣ Терентьевой, стало извѣстно объ исчезновеніи солдатскаго сына, она отправилась къ его матери и ворожила. Несмотря на то, что христіанки, жившія на одной улицѣ съ Ханной Цетлинъ, заявили, что въ первый день пасхи онѣ никого не видѣли изъ евреевъ, кто бы велъ христіанскаго мальчика, слѣдственная власть придала полную вѣру словамъ Марьи Терентьевой, ссылаясь на то, что на очныхъ ставкахъ она тотчасъ узнала въ лицо Ханну Цетлинъ,—но вѣдь пьяницѣ Терентьевой было не трудно знать въ лицо Ханну Цетлинъ, въ шинокъ которой она не разъ, вѣроятно, заходила за водкой. И Ханну Цетлинъ вмѣстѣ съ Марьей Терентьевой водили къ мѣсту, гдѣ будто былъ похищенъ ребенокъ.

Начавшееся по этому дѣлу слѣдствіе велось при полномъ нарушеніи правъ еврейскаго населенія. Ратманъ Цетлинъ, до сего времени находившійся прикомандированнымъ къ полиціи для присутствованія по дѣламъ, въ коихъ замѣшаны были евреи, былъ устраненъ отъ слѣдствія, такъ какъ на его жену пало подозрѣніе въ участіи въ этомъ преступленіи; вмѣсто него же никто не былъ назначенъ, и такимъ образомъ, вопреки тогдашнимъ требованіямъ правосудія, евреи были лишены своего представительства, являвшагося важнѣйшей гарантіей правильности слѣдствія. Когда же Евзикъ Цетлинъ сталъ настаивать на привлеченіи его къ производству слѣдствія, власти обратили подозрѣніе на него самого.

Легко понять, что если еврейскому населенію было отказано въ оффиціальной самозащитѣ, то съ какой суровостью была встрѣчена попытка евреевъ принять мѣры самозащиты болѣе частнаго характера.

Важной судебной уликой являлись слѣды подъѣзжавшей брички; поэтому необходимо было узнать, у кого изъ жителей имѣется соответствующій экипажъ, и полиція дѣйствительно производила розыски въ этомъ направленіи, но исключительно среди евреевъ. Между тѣмъ въ тотъ день, когда нашли трупъ ребенка, въ Велижъ пріѣхалъ въ бричкѣ, запряженной парой лошадей, ксендзъ Серафимовичъ и остановился въ домѣ землемѣра Котова; это обстоятельство

побудило евреевъ просить мѣстную власть распространить слѣдствіе не только на еврейское, но и на христіанское населеніе, и, послѣ долгихъ просьбъ ратмана Цетлина, полицій-мейстеръ командировалъ 17 мая одного квартальнаго надзирателя и ратмана Олейникова измѣрить бричку ксендза. При измѣреніи присутствовали Цетлинъ, гласный Берсонъ и многіе другіе евреи, помѣстившіеся, изъ вполне понятнаго любопытства, на ближайшихъ крышахъ и заборахъ. Такого рода дѣйствіе въ отношеніи ксендза привело въ негодованіе заинтересованныхъ христіанъ. Землемѣръ Котовъ поспѣшилъ обратиться въ полицію съ просьбой допросить подъ присягой лицъ, измѣрившихъ бричку, «съ какимъ умысломъ они съ великою толпой жидовъ напали на его домъ и, что по сему окажется, его увѣдомить, дабы онъ въ начальствѣ могъ сыскать защиту и огражденъ былъ отъ опаснаго и угрожающаго несчастіемъ съ великою толпой жидовъ нападенія, и въ теперешней чувствительнѣйшей обидѣ удовлетворенія». Еще большее значеніе придалъ указанному событію ксендзъ Серафимовичъ, считая такое «для себя и всего христіанскаго духовенства крайне обиднымъ». А уѣздный стряпчій Русецкій, принимавшій ближайшее участіе въ раскрытіи преступленія, заключилъ, что евреи прибѣгли къ измѣренію брички, «дабы таковыми еврейскими предприимчивостями или затмить ходъ сего дѣла, или какой либо сдѣлать отводъ, отвѣсть падаемое подозрѣніе на евреевъ и возложить оное не токмо на христіанъ, но даже и духовенство ихъ, безъ малѣйшихъ побудительныхъ причинъ и подозрѣнія; а можетъ быть цѣль и стремленіе кроется у евреевъ и на тотъ конецъ, чтобы чрезъ голословные ихъ доносы узнать при вымѣриваніяхъ или осмотрахъ экипажей описанныя примѣты въ подвозной телѣгѣ или бричкѣ къ болоту мертваго тѣла сего младенца, а открывши секретъ сей, взвести, по приисканіи подобнаго экипажа навѣрно у кого-либо изъ христіанъ, подозрѣніе на оный и симъ себя очистить». Такимъ образомъ, законное стремленіе евреевъ искать слѣды преступленія среди христіанъ являлось въ глазахъ слѣдственной власти предосудительнымъ; подозрѣніе пало на евреевъ и никто другой, уже въ силу своей принадлежности къ христіанству, не могъ быть заподозрѣнъ въ преступленіи. Въ связи съ этимъ власти стали

жадно заносить на бумагу все, что говорили против евреевъ добровольцы-сыщики.

Вполнѣ понятно, что слѣдователи обратили вниманіе на заявленіе одной женщины, слышавшей, будто Мирка Аронсонъ приходила къ Еремѣвой и предлагала ей денегъ, дабы она не подозрѣвала евреевъ въ умерщвленіи мальчика; такое показаніе (впрочемъ, опровергнутое мѣщаниномъ, у котораго жила Еремѣва) могло имѣть значеніе въ данномъ дѣлѣ, но какую цѣнность, въ смыслѣ улики, представляло собою утвержденіе одной мѣщанки и двухъ солдатъ, что „по всѣмъ признакамъ въ насильственной его (т. е. ребенка) смерти, они заключаютъ, что послѣдовала ему таковая отъ евреевъ». Но и эту просвѣщенную экспертизу власти вносятъ въ дѣлопроизводство!

При „повальномъ обыскѣ“ о поведеніи Шмерки Берлина и Ханны Цетлинъ изъ числа 12 опрошенныхъ лицъ двое показывали, что оба подозрѣваемые были всегда хорошаго поведенія, восемь—что до сего времени Ханна Цетливъ и Шмерка Берлинъ «въ подозрѣніи не замѣчены», но всѣ 12 христіанъ заявили, что мальчикъ былъ загубленъ евреями,—и это показаніе также принимается за улику. Между прочимъ одинъ изъ опрошенныхъ добавилъ, что, видя всегда Евзика Цетлина «много безпокоющимся о семъ дѣлѣ», онъ заключаетъ, что быть можетъ самъ Евзикъ Цетлинъ причастенъ къ преступленію, о чемъ, встать, и носятя слухи, и это замѣчаніе заносится въ производство, причемъ даже не отмѣчается то обстоятельство, что безпокойство Евзика Цетлина было вполнѣ естественно разъ его жена была заподозрѣна въ преступленіи.

Между тѣмъ власти продолжали привлекать къ слѣдствію новыхъ лицъ. Вновь былъ произведенъ «повальный обыскъ» о Шмеркѣ Берлинѣ, его женѣ Славкѣ, тещѣ Миркѣ и сынѣ Гиршѣ съ женою Шифрой, и всѣ опрошенные 12 христіанъ и 12 евреевъ «одобрили ихъ въ поведеніи»; такого «одобренія» удостоилась и Ханна Цетлинъ, но все же, по настоянію уѣзднаго страпцаго, противъ желанія магистрата, она была взята подъ стражу; кромѣ того было обращено подозрѣніе на Юселя Гликмана и его спутника-мальчика, пріѣхавшихъ въ Велижъ за покупкой сѣна и уѣхавшихъ оттуда 1-го мая.

Наконецъ полиція закончила слѣдствіе и собранный ею матеріалъ былъ препровожденъ (15 декабря 1823 г.) въ городовой магистратъ, который совмѣстно съ повѣтовымъ судомъ долженъ былъ разслѣдовать дѣло о «подозрѣваемыхъ» Гликманѣ и его спутникѣ и «оговоренныхъ» Шмеркѣ и Гиршѣ Берлиныхъ, Ханнѣ Цетлинѣ и солдаткѣ Марѣ Терентьевой.

Въ магистратѣ, кромѣ устраненнаго уже Цетлина, засѣдалъ еврей бургомистръ Левитесь, но власти, направивъ огульно обвиненіе противъ евреевъ, не желали, конечно, имѣть въ своей средѣ еврея, и вотъ магистратъ устраняетъ бургомистра Левитеса отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла подъ тѣмъ предлогомъ, что сынъ Левитеса, Ицка, находившійся среди любопытныхъ, слѣдившихъ за измѣреніемъ брички ксендза Серафимовича, былъ допрошенъ по жалобѣ послѣдняго. Когда же бургомистръ Левитесь потребовалъ, чтобы его замѣстителемъ былъ назначенъ гласный Берсонъ, соединенное присутствіе магистрата и повѣтового суда отказало и въ этомъ ходатайствѣ, такъ какъ на Берсона была подана жалоба землемѣромъ Котовымъ опять-таки по поводу измѣренія брички ксендза. Такимъ образомъ еврей и въ судѣ были лишены своего представительства.

Въ это время на сценѣ появляются новыя свидѣтельницы: служившая у Ханны Цетлинѣ въ теченіе девяти лѣтъ солдатка Авдотья Максимова и ея незаконная дочь Маланья Степанова Желнова. Впрочемъ, въ настоящую минуту Максимова еще не вошла въ ту роль, которую она сыграла впоследствии въ велижской драмѣ, и мы только для памяти отмѣтили ея выходъ.

Все дѣлопроизводство поступило въ повѣтовый судъ, который, разсмотрѣвъ его совмѣстно съ членами магистрата и депутатами «съ военной и духовной стороны», вынесъ 16 іюля 1824 г. резолюцію, гласившую: «1) хотя возникло подозрѣніе на домъ еврея Шмерки Берлина или тещи его, еврейки Мирки, въ загубленіи въ ономъ сына солдата Иванова, а по воровствѣ Марьи Терентьевой, по словамъ предугадывающей дѣвки, людей показывающихъ, что видѣли проскакавшихъ въ бричкѣ двухъ неизвѣстныхъ евреевъ, и по свидѣтельству уѣзднаго штабъ-лѣкаря, заключившаго, что, по мнѣнію его, мальчикъ разсудительно замученъ, и слѣдуетъ положить сомнѣніе на евреевъ, но какъ по обыску въ домѣ Берлина ничего подо-

зрительнаго не открыто и никакихъ законныхъ уликъ къ безошибочному обвиненію ихъ не предвидится, основываться же на показаніяхъ угадывающихъ невозможно, и какъ всё они въ поведеніи одобрены, то... до времени, не откроется ли впослѣдствіи виновности, оставить ихъ отъ сужденія и взысканія свободными... 2) Изъ показанія солдатки Марьи Терентьевой видно, что она въ первый день христіанской пасхи, идя по берегу рѣки Двины, видѣла, какъ еврейка Ханна Цетлинъ вела похожаго по примѣтамъ на найденнаго послѣ мертвымъ мальчика; но Ханна Цетлинъ объявила, что тотъ день, по случаю болѣзни сына, никуда не выходила и впослѣдствіи чрезъ 8 мѣсяцевъ представила въ томъ четырехъ свидѣтелей; но одна свидѣтельница состоитъ въ родствѣ съ Ханной и на ея показаніи утвердиться нельзя; равномѣрно и въ показаніи прочихъ троихъ наводится сомнѣніе (ибо велижская мѣщанка Дарья Косачевская и дочь солдатки, Маланья Степанова, утверждаютъ, что дѣйствительно въ день христіанской пасхи видѣли, первая, какъ Ханна Цетлинъ шла по улицѣ и возлѣ нея шелъ въ близкомъ разстояніи христіанскій мальчикъ, а вторая, что видѣла ее, Ханну, стоящую на улицѣ, возлѣ дома своего, около калитки) и въ признаніи иновѣрными (т. е. достовѣрными) показаній свидѣтелей, ею (Ханною) поставленныхъ, наводится сомнѣніе, потому что можетъ быть сіе учинено ею, къ оправданію своему, какими либо предпринятыми средствами, или можетъ быть сіи самые свидѣтели причиною смерти мальчика, кои легко уже могли лжесвидѣтельствовать, лишь бы только удобно было приккрыть вину свою; но какъ таковое разсужденіе неоспоримымъ признать безъ опасенія не можно и, не имѣя въ виду ясныхъ и неоспоримыхъ доказательствъ въ умерщвленіи ею мальчика, опасно, дабы сверхъ чаянія неумѣреннымъ приговоромъ къ наказанію не отяготить безвинно судьбы ея, то... оставить Ханну Цетлинъ въ сильномъ подозрѣніи и отдать одобреннымъ въ поведеніи ея на поруки. 3) На Полоцкаго мѣщанина Іоселя Гликмана, бывшаго въ городѣ Велижѣ 27 апрѣля, — лошадь и бричку котораго видѣли: дворянинъ Козловскій, вятъ его канцеляристъ Щука, работница Козловскаго, показавшіе впослѣдствіе, когда тотъ Гликманъ по дѣлу сему былъ вытребованъ въ

Велижъ, что они лошадь его признають за ту самую, на которой онъ и въ первый разъ прїѣзжалъ, а бричка не та, ибо прежняя была съ окованными колесами,—падаетъ сильное подозрѣніе, по пребыванію его въ домъ Берлина, въ вывозѣ имъ умерщвленнаго сына солдата Иванова за городъ; но съ одной стороны, какъ онъ въ семь не признался и по дѣлу открылось, что онъ 1 мая изъ города выѣхалъ, умерщвленный же мальчикъ найденъ за городомъ мертвымъ 2-го числа, и какъ помѣщика Реута люди подъ присягой показали, что бричка, на которой Гликманъ прїѣзжалъ, та самая, которая ему была ими выдана, и бытность его 1 мая въ корчмѣ Бѣляевой, на другой день въ городѣ Суражѣ, а 3-го числа возвращеніе въ домъ, тоже подъ присягою, утвердили мѣщане Зубковъ, Лабковскій и помѣщикъ Карлъ Реутъ; а съ другой, полагая показанія дворянина Козловскаго, канцеляриста Шуки и работницы перваго неподлежащими никакому сомнѣнію, можно заключить, что бричка могла имъ быть и дорогою перемѣнена; со всѣмъ тѣмъ, какъ онъ съ мѣста жительства выѣхалъ 25 апрѣля, а мальчикъ пропалъ прежде сего, и именно 22 числа, и найденъ 2 мая, а Гликманъ изъ Велижа выѣхалъ 1-го и прибылъ въ домъ 3-го числа, почему и не могъ онъ возвращаться въ Велижъ для вывезенія мальчика въ поле, и какъ онъ 12 человѣками въ поведеніи одобренъ, то оставить его въ сильномъ подозрѣніи, до разсмотрѣнія сего обстоятельства высшимъ начальствомъ, а о взятіи его подъ стражу... предписать... ¹⁾ И, наконецъ, какъ въ умерщвленіи солдатскаго мальчика по дѣлу спрашиваемыя лица полагають сомнѣніе на евреевъ, и какъ *христіанамъ къ убійству его никакихъ поводовъ не было, тѣмъ паче, что сей мальчикъ денегъ не имѣлъ, то и полагають надобно, что сдѣлано таковое изъ недоброжелательства къ христіанамъ евреями*, и таковое умерщвленіе мальчика необыкновеннымъ образомъ отнести слѣдуетъ на евреевъ; токмо кто именно причиною—не дойдено; а потому смерть его... пре-

¹⁾ За участіе въ измѣреніи брички ксендза, что было сочтено судомъ за нанесеніе обиды ксендзу, а также Котову, Цетлинъ, Берсонъ и еще одинъ еврей были присуждены къ 20-ти дневному заключенію въ городской тюрьмѣ и къ уплатѣ ксендзу и Котову суммы, равной ихъ двойному жалованію.

дать волю Божіей, умерщвление же оставить въ сомнѣніи на евреевъ»...

Этотъ приговоръ вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ повѣтовый судъ препроводилъ „на ревизію“ въ 1-й департаментъ витебскаго главнаго суда, и главный судъ постановилъ (22 ноября 1824 г.): «Случай смерти солдатскаго сына Федора Емельянова, по необнаруженію никого въ причиненіи оной виновнымъ, предать волю Божіей и всѣхъ евреевъ, на коихъ вообще показаніемъ многаго числа христіанъ *гадательно* возводилось подозрѣніе въ убійствѣ сего мальчика, будто для достанія крови его, оставить безъ всякаго подозрѣнія“; тѣхъ евреевъ, противъ которыхъ, помимо голословныхъ заявленій христіанъ, имѣлись улики главный судъ также призналъ невиновными, „предоставляя только времени, ¹⁾ не откроется-ли преступленіе какими либо непредвидѣнными случаями“, и только Марья Терентьева „за блудное житіе“ была приговорена къ церковному покаянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, главный судъ предложилъ вновь произвести разслѣдованіе по дѣлу объ убійствѣ солдатскаго сына.

Рѣшеніе главнаго суда было утверждено губернаторомъ и вслѣдствіе сего 15 января 1825 г. главный судъ предписалъ велижскому повѣтовому суду привести въ исполненіе означенное рѣшеніе, а вслѣдъ затѣмъ, 14 марта того-же года, губернское правленіе поручило городской и земской полиціи приступить къ разслѣдованію обстоятельствъ, сопровождавшихъ умерщвленіе ребенка.

Г Л А В А П I I .

Такъ закончился первый актъ велижской драмы. Никто изъ дѣйствующихъ лицъ не зналъ въ это время, какія роли ея авторы приготовили имъ для слѣдующихъ актовъ. А между тѣмъ, маленькая сценка, разыгравшаяся незадолго до того въ польскомъ городкѣ Ленчицы, должна была показать, что для евреевъ издавна существуетъ одна лишь роль: героевъ-мучениковъ.

¹⁾ Гл. Судъ отмѣнилъ наказаніе, наложенное на троихъ евреевъ за вымѣриваніе брички, за отсутствіемъ состава преступления.

Въ 1639 г. нѣкоторые ленчицкіе евреи были обвинены въ умерщвленіи христіанскаго ребенка. Это событіе тщательно сохранялось католическимъ духовенствомъ въ народной памяти. Такъ, въ 1822 г. нѣкій живописецъ Орловскій нарисовалъ картину, изображавшую, какъ евреи выцѣживаютъ кровь изъ мучимаго ребенка, причемъ одному изъ нарисованныхъ лицъ онъ придалъ сходство съ извѣстнымъ въ Ленчицахъ евреемъ, и эта картина, будившая въ народѣ ненависть къ евреямъ, была помѣщена бернардинскими монахами на фасадѣ ихъ церкви. По жалобѣ евреевъ русскія власти предписали ее снять. Но въ слѣдующемъ году Орловскій нарисовалъ такую же картину, въ увеличенномъ размѣрѣ, изобразивъ на ней въ качествѣ мучителей ребенка ленчицкаго раввина и другого ленчицкаго еврея, откупщика акцизныхъ сборовъ. Новая картина также была помѣщена на фасадѣ церкви, и когда мѣстныя власти пожелали снять ее—духовенство воспротивилось. Видя это столкновение (въ мартѣ 1823 г.), отставной поручикъ Венцеславъ Дунинъ-Скржино бросился въ приходскую церковь и приказалъ своему лакею ударить въ набать, а затѣмъ, вернувшись къ церкви бернардиновъ, сталъ призывать народъ заступиться за духовенство. Его возгласы: „да здравствуетъ вѣра“ увлекли сбѣжавшуюся толпу; она разбушевалась и власти должны были отступить передъ ней. ¹⁾

Этотъ эпизодъ не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ; и въ другихъ мѣстахъ, хотя и иными способами, въ христіанскомъ населеніи злонамѣренно распространялась легенда о кровавыхъ преступленіяхъ евреевъ, а при такихъ условіяхъ легендарному еврею-мучителю ежеминутно грозила опасность превратиться въ дѣйствительнаго мученика.

И если въ Ленчицахъ легенда распространялась усиліями католическаго духовенства, то нѣсколько лѣтъ позже представитель русской церкви, какъ увидимъ дальше, выступить съ требованіемъ самаго широкаго оповѣщенія христіанъ объ опасности, угрожающей имъ отъ сосѣдей-евреевъ. Если въ Ленчицахъ русскія власти желали снять картину, такъ какъ „она возбуждала

¹⁾ Въ силу особыхъ тогдашнихъ политическихъ условій Дунинъ былъ преданъ военному суду.

ненависть католиковъ къ евреямъ и слѣдовательно была несогласна съ духомъ истинной вѣры“, то вскорѣ представители русской власти сами будутъ культивировать кровавую легенду, кичась тѣмъ, что дѣйствуютъ въ духѣ истинной вѣры...

Оправдавъ евреевъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности по велижскому дѣлу, витебскій главный судья постановилъ вновь разслѣдовать событіе. Тайственная смерть ребенка и молва, что онъ убитъ евреями, волновали не одно только мѣстное общество; тревожное извѣстіе дошло и до Петербурга; быть можетъ, оно было привезено прїѣхавшимъ тогда (въ 1824 г.) витебскимъ генераль-губернаторомъ, кн. Хованскимъ, который по повелѣнію государя и вступилъ тогда же въ объясненія по поводу процесса съ начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., Дибичемъ. Но и при вторичномъ разслѣдованіи убійцу не удалось обнаружить, вслѣдствіе чего дѣло было производствомъ прекращено... Казалось, оно кануло въ лету.

Но вотъ, осенью 1825 г., крестьянкѣ Марья Терентьева, назвавъ себя вдовою - солдаткою, подала императору Александру I, при проѣздѣ его черезъ Велижъ, по пути въ Таганрогъ, жалобу, „будто сынъ ея (!) въ 1823 г. умерщвленъ евреями и что она по просьбамъ своимъ не только не получила удовлетворенія, но претерпѣвала еще истязанія содержаніемъ подъ стражей“.

Невольно возникаетъ вопросъ: что могло побудить эту темную, пьяную женщину вдовъ ополчиться противъ евреевъ. И могла ли въ ней самостоятельно зародиться и созрѣть смѣлая мысль обратиться лично съ жалобой къ государю и назвать себя матерью умерщвленнаго ребенка, дабы имѣть нравственное право просить государя. «Сей обдуманнй вымыселъ, хотя въ прошеніи облеченъ въ самыя простонародныя выраженія,—говорилъ впоследствии членъ Государственнаго Совѣта адмиралъ Мордвиновъ,—не могъ принадлежать Терентьевой, женщинѣ праздношатающейся и преданной пьянству». За спиною Терентьевой дѣйствовали другія лица.

Прошеніе Терентьевой привело къ цѣли. Препроводивъ жалобу казая Хованскому, начальникъ главнаго штаба Е. И. В.

сообщилъ ему (20 сентября 1825 г.), что государь повелѣлъ «произвести по содержанію оной строжайшее изслѣдованіе и, что окажется, увѣдомить его, начальника гл. штаба, съ возвращеніемъ прошенія, для доклада его величеству».

Это разслѣдованіе было возложено кн. Хованскимъ на состоявшаго при немъ для порученій надворнаго совѣтника Страхова, совмѣстно съ адъютантомъ, штабъ-ротмистромъ Бенкендорфомъ.

Страховъ началъ съ допроса лицъ, которыя давали показанія при первоначальномъ разслѣдованіи преступленія и всѣ они подтвердили то, что тогда говорили. Но нѣчто новое, должествовавшее совершенно измѣнить фонъ велижской драмы, сообщила Страхову главная обвинительница евреевъ, Марья Терентьева.

Оставаясь въ границахъ официальныхъ документовъ, мы не можемъ отыскать ячейки, изъ которой вылупился велижскій навѣтъ; для насъ остается совершенно открытымъ вопросъ: сплетеніе какихъ обстоятельствъ привело къ смерти солдатскаго сына и при участіи кого была совершена сложная работа, предшествовавшая обнаруженію трупа ребенка? Но наши официальные данныя достаточно ясно говорятъ о той атмосферѣ, въ которой навѣтъ получилъ жизнь и развился, они ясно говорятъ о томъ, что велижскіе евреи пали жертвою заговора, нашедшаго широкую и сильную общественную поддержку.

Надъ трупомъ несчастнаго ребенка составилъ молчаливый союзъ враговъ евреевъ. Правда, до насъ дошли лишь нѣсколько именъ, но и по нимъ видно, какъ суевѣріе, жестокость и злоба сплотили воедино людей разнообразнаго служебнаго положенія, различныхъ общественныхъ классовъ, людей, которые внѣ кроваваго событія въ Велижѣ не нашли бы между собой ни малѣйшей связи, ни одной точки соприкосновенія. Видную роль играли въ велижской драмѣ сапожникъ Азадкевичъ и учитель Петрица; ея развитію способствовалъ въ значительной степени уніатскій священникъ Тарашкевичъ; кн. Хованскій и флигель-адъютантъ Шкуринъ приложили стараніе къ тому, чтобы велижскому злодѣянію былъ приданъ характеръ всееврейскаго преступленія; душою же союза явился Страховъ.

А менѣе всѣхъ виновной была Терентьева, несмотря на то,

что она причинила много горя и страданія евреямъ. Ее, пьяную, голодную нищенку, уговорили подать государю прошеніе, а когда она это сдѣлала—ее первую арестовали, чтобы тамъ, въ тюрьмѣ, превратить въ слѣбое орудіе жестокаго замысла.

19 ноября Терентьева была арестована, а 22 ноября она заявила, что *сама принимала участіе въ кровавомъ дѣлѣ евреевъ*. Чѣмъ же было вызвано это столь неожиданное, столь страшное для нея признаніе? Вѣдь всего-то два мѣсяца назадъ, чтобы опустить на головы евреевъ карающую руку, Марья Терентьева рѣшилась подать государю прошеніе, обманувъ его при этомъ. Къ чему же было ей прибѣгать къ такому трудному и рискованному средству, когда она могла сдѣлать тогда признаніе, которое сдѣлала теперь. Вѣдь если евреи дѣйствительно убили ребенка, то Марья Терентьева, подавая государю прошеніе, должна была предвидѣть, что они, въ случаѣ осужденія, выдадутъ ея соучастіе. вмѣстѣ съ тѣмъ она и въ тюрьмѣ могла по прежнему ограничиваться однимъ показаніемъ, что видѣла, какъ Ханна Цетлинъ вела ребенка. Объясненіе здѣсь одно: клевета государю на евреевъ, Терентьева не предполагала очутиться за рѣшеткой; она ждала отъ своихъ сообщниковъ иной награды; она не знала, что подача прошенія превратитъ ее въ такую же жертву замысла, на которую были обречены евреи. Для достиженія цѣли заговорщиковъ одно возобновленіе разслѣдованія дѣла было недостаточно; данныя, заключавшіяся въ старомъ слѣдственномъ матеріалѣ, были непригодны для осужденія евреевъ; требовались новыя, болѣе вѣскія, и сильнымъ, неопровержимымъ доказательствомъ ихъ вины должно было именно явиться «признаніе» Терентьевой въ соучастіи въ убійствѣ ребенка. А для этого и нужно было заключить въ тюрьму невѣжественную женщину: тамъ ее не трудно было склонить, какъ будетъ дальше видно, къ принятію на себя вины.

По словамъ Терентьевой, въ первый день Св. Недѣли, около полудня, она увидѣла, какъ Ханна Цетлинъ повела отъ моста солдатскаго сына къ своему дому, гдѣ служанка Ханны, Авдотья Максимова, отворивъ дверь, внесла ребенка въ комнаты, и Марья Терентьева послѣдовала за ними. Ханна Цетлинъ давно просила Терентьеву привести къ ней христіанскаго ре-

бенка, и вотъ теперь, напоивъ какъ Терентьеву, такъ и Максиму виномъ, Ханна предложила имъ отнести мальчика къ старухѣ Миркѣ Аронсонъ, что обѣ женщины и исполнили въ тотъ же вечеръ. Мирка взяла у нихъ ребенка во дворѣ и «унесла въ горницу, а изъ оной въ склепъ, куда и она, Терентьева, съ Ханной и Максимовой ходила; на третій день, въ четвертокъ, придя въ домъ, ходила она... въ тотъ склепъ, въ которомъ увидѣла новую начовку съ кровью и мальчика, лежащаго на землѣ *мертвымъ*, у котораго тѣло и голова чѣмъ-то были исколоты, ногти на рукахъ и ногахъ, какъ нельзя болѣе, обрѣзаны и дѣтородный удъ по самый мѣшокъ и *языкъ обрѣзаны*, и бывшіе тамъ пять евреевъ, обмывши, одѣли его и накрыли холстомъ».

Прошло уже два года съ момента умерщвленія ребенка и, при желаніи, можно допустить, что если Терентьева и принимала участіе въ кровавомъ дѣлѣ, то за это время она перезабыла подробности и потому говорила, будто трупъ ребенка не только былъ исколотъ, но что злодѣи отрѣзали половой органъ и языкъ, хотя этого въ дѣйствительности и не было, какъ гласилъ медицинскій протоколъ.

Но что могли подумать слѣдователи объ ея участіи въ преступленіи, когда она заявила (на допросѣ отъ 22 ноября), что въ Оминъ понедѣльникъ Ханна Цетлинъ попросила ее, Терентьеву, и Максиму, чтобы онѣ убитаго солдатскаго сына отнесли за городъ и *«бросили съ камнемъ въ воду, что ими послъ полуночи и исполнено»*.

Такимъ образомъ, найденный въ 1823 г. на кочкѣ, вблизи дороги, убитый солдатскій сынъ, былъ, по словамъ Терентьевой, брошенъ ею въ воду! Ясно, что если бы Терентьева сама относилась ребенка, она бы помнила, что съ нимъ сдѣлала: бросила ли въ воду, или положила на земь, вблизи дороги. И сопоставляя ея послѣднее заявленіе съ остальнымъ содержаніемъ показанія, нельзя не убѣдиться, что Терентьева даже не присутствовала ни при томъ, какъ заговорщики кололи трупъ мальчика (хочется думать, *случайно* убитаго), чтобы направить обвиненіе противъ евреевъ, ни при томъ, какъ его уносили за городъ. Терентьева, по всей вѣроятности, видѣла мелькомъ трупъ ребенка, какъ его, впрочемъ, видѣли многіе велижане; она знала кое-что

и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это событіе—по городу носились разнообразныя слухи; нѣкоторыя свѣдѣнія она могла получить при первомъ разслѣдованіи злодѣянія,—но все же представленіе Терентьевой о кровавомъ событіи было самое смутное; хмельная, невѣжественная баба не могла даже подвести итогъ тому, что ей было извѣстно объ этомъ событіи. И вотъ почему въ дальнѣйшемъ, наряду съ фактическими данными, отчасти согласными съ дѣйствительностью, отчасти неточными, ея показанія стали наполняться еще болѣе невѣроятными сообщеніями, и эта творческая фантазія вызывалась въ ней не столько злобой, сколько беспомощностью. Бѣдной женщины было внушаемо, что показывать, но при глубокомъ невѣжествѣ она не могла совладать съ тѣмъ, что ей говорили о событіи, и она по необходимости выдумывала на допросахъ разныя небылицы, къ чужой лжи присоединяя и свою.

Вслѣдствіе оговора Терентьевой была арестована (1 декабря) и Авдотья Максимова, равно какъ и ея дочь Маланья Степанова Желнова. Авдотья Максимова показала, что въ понедѣльникъ Святой Недѣли она случайно замѣтила въ комнатѣ своей хозяйки въ углу, за кроватью, христіанскаго ребенка; въ среду же, зайдя въ «особую на дворѣ свѣтелку», нашла тамъ мальчика еще живого, лежавшаго въ большомъ сундукѣ.

Это заявленіе Авдотьи Максимовой не соответствовало тому, что говорила Терентьева; Максимова, по собственному показанію, явилась лишь свидѣтельницей подготовлявшагося злодѣянія, а по словамъ Терентьевой—Максимова, внеся ребенка въ домъ, съ самаго начала приняла участіе въ зломъ дѣлѣ. Это противорѣчіе было впрочемъ скорѣе устранено. Трудно сказать, какимъ образомъ это произошло; таинственное ли вдохновеніе подсказало Максимовой, что она должна говорить на слѣдующемъ допросѣ, или сами слѣдователи познакомили Максиму съ показаніемъ Терентьевой и убѣждали ее «признаться», но уже на другой день Максимова даетъ новое показаніе; противорѣча самой себѣ, но въ согласіи съ тѣмъ, что говорила Терентьева, она заявляетъ, что сама у калитки дома взяла ребенка изъ рукъ Ханны Цетлинъ и внесла въ комнаты, куда послѣдовала и Терентьева,

и въ тотъ же вечеръ перенесла мальчика къ Миркѣ Аронсонъ. Послѣ этого оставалось лишь согласовать показаніе Максимовой, будто она видѣла ребенка живымъ въ среду въ домѣ Цетлинъ, и заявленіе Терентьевой, будто видѣвшей его мертвымъ въ четвергъ въ домѣ Мирки Аронсонъ, и вотъ Максимова спѣшитъ добавить (4 декабря), что она—неизвѣстно, впрочемъ, почему—нѣсколько разъ переносила мальчика изъ дома въ домъ, и именно въ среду онъ былъ у Ханны Цетлинъ, а въ четвергъ, сойдя въ погребъ въ домѣ Мирки Аронсонъ, она увидѣла тамъ ребенка мертвымъ.

Объявивъ себя такимъ образомъ причастной къ умерщвленію солдатскаго сына, Максимова должна была, конечно, и впредь слѣдовать по выпавшему на ея долю пути.

5-го декабря Максимова показала, что въ Оминъ понедѣльникъ приказчики Мирки, Иосель Мирласъ и Абрамъ Глушковъ, пріѣхали во дворъ Цетлина въ бричкѣ, изъ которой она, «по приказанію хозяевъ вынуть мальчика, обмыла запекшуюся кровь, и, одѣвъ его въ его платье, положивши его опять въ бричку, отвезла его съ тѣми евреями за городъ и положила на кочку».

Эти слова должны были послужить коррективомъ къ необдуманному показанію Терентьевой, будто трупъ былъ брошенъ въ воду. Но тотъ, кто руководилъ Максимовой и Терентьевой, не могъ «вбить» въ голову этимъ темнымъ женщинамъ сложную картину измышленнаго преступленія и, поправивъ одну ошибку свидѣтельница, онъ долженъ былъ тотчасъ сглаживать новое противорѣчіе. При такихъ обстоятельствахъ допросы Максимовой и Терентьевой—каждой въ отдѣльности—не обѣщали успѣха, и Страховъ сталъ прибѣгать также и къ очнымъ ставкамъ, на которыхъ легче было согласовать разнорѣчивыя показанія обвинительницъ. Дѣйствительно, на первой же очной ставкѣ, 7 декабря, Максимова «утвердилась» на показаніи Терентьевой.—5-го декабря Максимова, какъ было выше отмѣчено, показала, что она отвезла ребенка за городъ въ бричкѣ совместно съ Иоселемъ и Абрамомъ; но послѣ того ей было сообщено, что важнѣйшая улика противъ евреевъ заключается въ томъ, что, по заявленію нѣкоторыхъ свидѣтелей, въ день когда былъ найденъ трупъ, двое евреевъ, безъ сопровожденія

женщинъ, проѣхали по дорогѣ въ бричкѣ; кромѣ того, она узнала на очной ставкѣ съ Терентьевой, что, по словамъ послѣдней, онѣ вмѣстѣ унесли ребенка изъ дома. И, предавая полному забвенію показаніе, данное 5 декабря, Максимова заявляетъ 7 декабря, что, когда, положивъ ребенка на кочку, она возвращалась съ Терентьевой домой, «на встрѣчу имъ проскакали въ бричкѣ на парѣ лошадей два еврея, изъ коихъ одинъ былъ приказчикъ Йосель». ¹⁾

Эта же очная ставка дала возможность и Терентьевой внести поправку въ свое прежнее показаніе и заявить (8 декабря), что ребенокъ «былъ отнесенъ за городъ», а не брошенъ въ воду, какъ раньше говорила.

Но чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. 8-го декабря Терентьева обнаружила новую подробность изъ фантастической трагедіи: именно, когда она съ Ханной Цетлинъ и Максимовой пришли къ Миркѣ, эта послѣдняя съ находившимися у нея евреями и со своей прислугой Прасковьей Козловской мучили въ склепѣ ребенка и онъ черезъ полтора часа умеръ, послѣ чего христіанки обмыли мальчика и одѣли его, а затѣмъ Максимова съ Терентьевой отнесли его за городъ. И Максимова подтвердила это показаніе Терентьевой, упуская изъ виду, что 5 декабря она сообщила, будто несчастный ребенокъ былъ привезенъ въ домъ Цетлина и тамъ обмытъ.

Привлеченіе служанки Берлиныхъ, Прасковьи Козловской, къ участию въ преступленіи было весьма важно въ цѣляхъ навѣта; находясь въ домѣ, гдѣ произошло умерщвленіе ребенка, Козловская *должна* была явиться одной изъ доказательницъ виновности евреевъ.

Прасковья Козловская была арестована; 15 декабря ее подвергли допросу, но она заявила, что никакіе евреи и никто изъ христіанъ не приходилъ къ нимъ, что хозяйева и работницы все время оставались дома и что солдатскаго сына она ни въ погребѣ, ни въ комнатахъ не видѣла ²⁾.

¹⁾ 8 Декабря, по словамъ Страхова, Максимова утвердила показаніе, данное Терентьевой 7 Декабря, но этого показанія въ текстѣ записки нѣтъ.

²⁾ Въ это время, неизвѣстно по какой причинѣ, Бенкендорфъ былъ отстраненъ отъ разслѣдованія дѣла и его замѣстилъ другой адъютантъ къ Хованскаго, капитанъ Власенковъ.

Явные и грубые противорѣчія въ показаніяхъ Терентьевой и Максимовой, а особенно несознаніе Козловской побудили Страхова примѣнить къ этимъ женщинамъ особую тактику; „дабы выиграть довѣренность преступницъ и расположить ихъ къ чистосердечному раскаянію и полному во всемъ признанію“, Страховъ призналъ единственнымъ къ тому средствомъ „хорошее съ преступницами обращеніе, порядочное ихъ продовольствіе, доставленіе имъ способовъ заниматься работою въ собственную пользу, часто посылая въ церковь для слушанія Божественной литургіи, и священническими увѣщаніями возбуждая въ нихъ время отъ времени чувство раскаянія... располагать ихъ... къ чистосердечному признанію, оставляя каждой свободу приводить себѣ на память обстоятельства, сопровождавшія происшествіе“.

Терентьева и Максимова стали „приводить себѣ на память обстоятельства, сопровождавшія происшествіе“; не спѣша, постепенно, онѣ создавали картину фантастическаго событія и если по прежнему нѣкоторые моменты были имъ подсказаны и вообще ихъ кистью водила чужая рука, то вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшіе пытливые допросы Страхова побуждали женщинъ вносить въ событіе новыя факты, новыя подробности.

На допросѣ 12 января 1826 г. Терентьева „упорядочила“ свои прежнія показанія; такъ, желая устранить разнорѣчіе по поводу мѣстонахожденія трупа ребенка, она объяснила теперь, что ей было поручено бросить мальчика въ воду, но она по собственному побужденію положила его за городомъ на кочку; на этомъ же допросѣ Терентьева привела новыя данныя, которыя, совпадая съ медицинскимъ протоколомъ, придали ея показанію правдивый характеръ; по ея словамъ, послѣ того, какъ ребенка раздѣли, „еврей Поселенный, взявши его, посадилъ ногами въ повѣшенную среди горницы бочку, въ которой еврей качалъ его около двухъ часовъ; потомъ Поселенный, вынувъ его изъ бочки, положилъ на столъ, обрѣзалъ на рукахъ и ногахъ ногти и срѣзалъ на концѣ дѣтороднаго уда немного кожицы (а раньше Терентьева говорила о совершенно отрѣзанномъ половомъ органѣ), послѣ чего Мирка понесла ребенка въ погребъ, гдѣ положила въ начовку, а Поселенный перевязалъ ему ремнями ноги и руки (въ протоколѣ указывалось, что у ребенка были во время умерщвленія перевязаны ноги); потомъ

онъ и остальные евреи кололи его желѣзомъ, подобно гвоздю“ (въ медицинскомъ протоколѣ сказано „гвоздемъ, у котораго острый кончикъ нарочно отломанъ“).

Однако, въ медицинскомъ протоколѣ былъ еще одинъ пунктъ, требовавшій своего разъясненія; онъ гласилъ, что у ребенка были „губы крѣпко къ зубамъ и носъ ко рту придавлены, на затылкѣ же шеи темнобагровый, кровью истекшій знакъ“. Терентьева объяснила, что это произошло оттого, что Максимова завязала ребенку ротъ и носъ платкомъ, узломъ на затылкѣ. Но тогда возникъ вопросъ, для чего именно это понадобилось? И забывъ, что по прежнему показанію ребенокъ умеръ еще въ домѣ Мирки, бѣдная Терентьева заявляетъ теперь, что „какъ мальчикъ *былъ еще живъ*, то опасаясь, чтобы дорогою не заплакалъ“, ему завязали ротъ, и онъ по дорогѣ задохся.

И достойно особаго вниманія то обстоятельство, что спустя шесть дней Максимова въ свою очередь также измѣняетъ свое прежнее показаніе и описываетъ событіе сходно съ Терентьевой. Если даже допустить, что женщины не клеветали на евреевъ, что онѣ „припоминали“ дѣйствительныя обстоятельства, сопровождавшія злодѣяніе, то какъ объяснить, что онѣ одинаково и одновременно ошибались, одинаково и одновременно поправляли ошибки, хотя онѣ вновь, по прежнему, стали подвергаться допросамъ каждая въ отдѣльности. Такъ напримѣръ, раньше свидѣтельницы говорили, что солдатскаго сына въ домъ Цетлина привела сама Ханна; но 12 января Терентьева сообщаетъ, что не Ханна, а она, Терентьева, привела ребенка, и вслѣдъ за ней (18 января) Максимова также показываетъ, что мальчикъ былъ приведенъ Терентьевой. И такое хожденіе одной доказательницы по стопамъ другой продолжалось во все время допросовъ, причемъ вначалѣ чаще случалось, что Максимова подтверждала показанія Терентьевой, а не наоборотъ; это было естественно; если бродячая Терентьева имѣла весьма слабое представленіе о томъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ найденъ трупъ и когда это произошло, то Максимова рѣшительно ничего не знала о событіи; благодаря этому она терялась на передопросахъ и охотно соглашалась съ показаніемъ болѣе смѣлой Терентьевой; но потомъ и она стала смѣлѣе въ клеветѣ. Любопытно ея заявленіе, будто въ тотъ день,

когда полиція дѣлала обыскъ въ домѣ Берлина, мальчикъ былъ перенесенъ къ Ханнѣ Цетлинъ, и Ханна Цетлинъ „сказывала смѣючись, что у Мирки мальчика не нашли“. Максимова не подозрѣвала, что обыскъ у Берлина былъ произведенъ тогда, когда трупъ ребенка былъ уже найденъ и даже подвергнутъ вскрытію ¹⁾ и не могъ находиться у Ханны Цетлинъ!

25 января 1826 г. Терентьева уже нѣсколько иначе описала мученіе ребенка; оказалось, что не Поселенный вынулъ мальчика изъ бочки, а сама Терентьева, не Поселенный обрѣзала ногти, а Шифра Берлинъ. Но чрезвычайно важнымъ, какъ по своему содержанію, такъ и по вызваннымъ послѣдствіямъ, явилось показаніе Терентьевой, будто истерзаннаго ребенка отнесли не въ погребъ въ домѣ Мирки, а въ большую синагогу, и тамъ, въ синагогѣ, его подвергли дальнѣйшимъ мученіямъ.

Въ этотъ моментъ преступленіе, якобы совершенное Миркой и нѣсколькими другими евреями, было распространено слѣдователями, а затѣмъ и русскимъ правительствомъ, на все еврейское населеніе города Велижа, болѣе того—на все еврейское населеніе Россіи. Безчеловѣчное злодѣяніе свершилось не по злой волѣ отдѣльныхъ лицъ, а по требованію еврейскаго вѣроученія. Мѣстомъ „пролитія“ крови служилъ не погребъ въ частномъ зданіи, а священный домъ Божій.

Максимова, конечно, „показала сходно съ Терентьевой“, будто ребенокъ былъ окончательно замученъ въ синагогѣ.

Послѣ этого обѣихъ обвинительницъ-соучастницъ долго не беспокоили. Вниманіе Страхова было обращено на несознательную Козловскую, прислугу Берлиныхъ; ее необходимо было ознакомить съ подробностями фантастическаго событія и привести къ „сознанію“ ²⁾.

Послѣ 2-хмѣсячнаго пребыванія въ заключеніи, Козловская заявила, что въ первый день пасхи у Мирки собрались многіе евреи и оставались за полночь, и что въ среду

¹⁾ Эта несообразность была отмѣчена гр. Мордвиновымъ.

²⁾ Быть можетъ это было теперь тѣмъ легче, что адъютанта Хованскаго, капитана Власенкова, въ это время (21 февраля 1826) устранили отъ участія въ разслѣдованіи дѣла и его замѣстилъ велижскій земскій начальникъ кн. Друцкой-Соколинскій. //

Св. Недѣля она увидѣла въ сѣняхъ, предъ горницей Славки, плававшего христіанскаго мальчика.

Но бросивъ подозрѣніе на своихъ хозяевъ, Козловская все еще продолжала отрицать присутствіе христіанокъ въ домѣ Берлиныхъ; когда же мѣсяць спустя (31 марта 1826 г.) она наконецъ заявила, что среди лицъ, собравшихся у Мирки на пасху, были также обѣ христіанки, то присовокупила, что ей ничего неизвѣстно о томъ, что происходило въ комнатахъ Мирки.

Послѣ этого начались аресты среди евреевъ. Семидесятилѣтняя Мирка Аронсонъ избѣгла печальной участи быть заключенной въ тюрьму лишь потому, что своевременно отошла въ иной міръ. Хаана Цетлинъ, достигшая почти полувѣкового возраста, и Славка Берлинъ, прошедшая 54-лѣтній жизненный путь—были первыя, переступившія порогъ темницы. 8-го апрѣля 1826 г. тюремная дверь оторвала ихъ отъ семьи, отъ прошлой жизни.

За ними вскорѣ послѣдовали и другіе. 15 апрѣля были арестованы Ицка Нахимовскій, Абрамъ Глушковъ и Иосель Турновскій. Въ сущности трудно понять, почему именно эти лица были взяты подъ стражу; обвинительницы не указали на нихъ, какъ на соучастниковъ; Ицка Нахимовскій, торговавшій овсомъ и сѣномъ въ томъ домѣ, въ которомъ жилъ Шмерка Берлинъ, былъ лишь заподозрѣнъ „въ знаніи о происшествіи, потому что, по показаніямъ Терентьевой и Максимовой, находился нѣкоторое время въ нанимаемой имъ горницѣ въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ солдатскій сынъ претерпѣлъ первыя мученія“; что касается Абрама Глушкова и шестидесятичетырехлѣтняго Иоселя Турновскаго, то они были арестованы лишь потому, что служили сторожами: первый у Мирки Аронсонъ, а второй у Нахимовскаго; причемъ въ отношеніи Иоселя Турновскаго было отмѣчено, что ему хозяинъ приказалъ слѣдить, дабы „не вымазалъ кто какого-либо мѣста кровью и не сказали бы потому, что солдатскій сынъ убитъ въ томъ домѣ“.

Тогда же, или нѣсколько позже, былъ арестованъ и мужъ Славки Берлинъ, Шмерка.

Велижскіе евреи знали, кто былъ виновникомъ ихъ несчастія-
имъ были извѣстны учитель Петрища и сапожникъ Филиппъ Азад-
кевичъ, тотъ Азадкевичъ, который за „противныя и буйствен-
ныя дѣйствія и преступленія былъ неоднократно судимъ и по
рѣшенію витебской уголовной палаты, былъ лишенъ чести“ и
подвергнутъ тѣлесному наказанію.

Еще тогда, когда по городу разнеслось первое извѣстіе о
найденномъ трупѣ солдатскаго сына, Петрища «выпустилъ въ
народъ» книгу, говорившую объ употребленіи евреями хри-
стіанской крови; тогда же Азадкевичъ, вмѣстѣ съ Терентьевой,
сталъ разглашать, что преступленіе это дѣло рукъ евреевъ. Въ
моментъ подачи Терентьевой прошенія государю, Азадкевичъ,
по свидѣтельству многихъ евреевъ, былъ недалеко отъ нея.
Теперь же, когда начались аресты среди евреевъ, Азадкевичъ
еще энергичнѣе продолжалъ распространять «въ толпахъ людей
по рядамъ и улицамъ» легенду о ритуальныхъ преступленіяхъ,
ссылаясь на имѣвшуюся у него въ рукахъ какую-то книгу.
Еврейское общество рѣшило протестовать противъ подобной
агитаціи, разжигавшей народныя страсти. 10 мая 1826 года
собраніе велижскихъ хозяевъ-евреевъ письменно обратило вни-
маніе кагала «на предметъ развратныхъ рѣчей, произносимыхъ
вреднымъ, зломысленнымъ, распутнымъ Азадкевичемъ»; от-
мѣтивъ, что Азадкевичъ «умножилъ ощутительную вражду
мѣщанъ-христіанъ къ намъ, евреямъ» и что «ожиданіе и умо-
лчаніе еще времени въ принятіи способовъ къ прекращенію рѣ-
чей Азадкевича... неминуемо озлобитъ сердца всѣхъ гражданъ
христіанъ съ особою ненавистью на насъ стремящуюся при вся-
комъ случаѣ», собраніе хозяевъ просило кагалъ довести о семъ
до свѣдѣнія начальства, присовокупивъ, что не только евреи, но и
нѣкоторые христіане подтверждаютъ справедливость жалобы. Ка-
галъ исполнилъ требованіе общества; онъ обратился въ полицію
съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ, прося, между прочимъ,
отобрать у Азадкевича подозрительную книгу. Но прошеніе
кагала было оставлено безъ всякаго вниманія. Когда же
вслѣдъ затѣмъ былъ арестованъ Евзикъ Цетлинъ (20 іюня),
велижскіе евреи поняли, что слѣдственная дѣятельность Стра-
хова тѣсно связана съ агитаціонной дѣятельностью Азадкевича.
Они успѣшили обратиться съ жалобой (въ августѣ) къ ми-

нистру юстиціи; отмѣтивъ агитацію противъ евреевъ, предпринятую Петрищей и Азадкевичемъ, они указали, что «Страховъ, прибывши въ Велижъ, склонился къ предразсудкамъ жителей города чрезъ Петрищу, лѣкаря Левена и Азадкевича, въ нихъ укорененныхъ, по частымъ съ ними свиданіямъ».

Увы, эта жалоба уже не могла предотвратить надвигавшуюся катастрофу...

О результатахъ своего разслѣдованія Страховъ отъ времени до времени доносилъ кн. Хованскому и несмотря на заключавшіяся въ слѣдственномъ матеріалѣ неточности, неясности и противорѣчія, кн. Хованскій тотчасъ утвердился въ мнѣніи, что солдатскій сынъ палъ жертвой еврейскаго изуверства.

Мы видѣли, какими смѣлыми мазками обвинительницы рисовали вымышленное происшествіе; никто не охлаждалъ ихъ фантазіи; напротивъ, ее искусственно разжигали на допросахъ; да и сами женщины другъ друга воспаляли своими разсказами, полными кровавыхъ эффектовъ. Но наступило время, когда слѣдователю пришлось услышать слово арестованныхъ евреевъ; какъ ни былъ слабъ ихъ голосъ, все же ихъ показаніе, врываясь рѣзкимъ диссонансомъ въ дикую фантазмагорію, созданную обѣими христіанками, нарушало производимое ею впечатлѣніе и открывало дорогу правдѣ.

Надо было сковать языкъ евреямъ; каждое ихъ слово обратить въ ложь. И вотъ, въ іюлѣ 1826 г., Страховъ доноситъ кн. Хованскому, что, вопреки Екатерининскому указу, евреи въ качествѣ свидѣтелей приводятся къ присягѣ «не по обрядамъ ихъ вѣры, а по такому же клятвенному обѣщанію, по какому приводятся къ присягѣ и христіане, съ перемѣною только въ присяжномъ листѣ словъ «святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ... крестъ Спасителя моего» на десять заповѣдей», вслѣдствіе чего, по словамъ Страхова, евреи, принимая такую присягу, «показанія свои располагаютъ по произволу, смотря по обстоятельствамъ и собственнымъ пользамъ и выгодамъ».

Изъ этого вытекало, что показанія евреевъ по дѣлу объ умерщвленіи ребенка не заслуживаютъ никакого довѣрія,

что всё евреи клятвенарушители! И въ связи съ этимъ Страховъ рѣшилъ выставить ритуальное обвиненіе противъ всѣхъ евреевъ вообще. Правда, изъ произведеннаго имъ слѣдствія одно лишь заявленіе христіанокъ, будто ребенокъ умеръ въ синагогѣ, говорило о томъ, что велижское событіе связано съ еврейской религіей; но, повидимому, опорю для своего обвиненія Страховъ нашель въ книгѣ Петрищи. Какъ бы ни было, представленный имъ матеріалъ оказался вполнѣ убѣдительнымъ для кн. Хованскаго; на основаніи доклада Страхова кн. Хованскій счель возможнымъ придать велижскому событію характеръ преступленія, содѣяннаго евреями по требованію ихъ религіи, преступленія, въ которомъ если не физически, то духовно приняли участіе всё евреи въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ онъ представилъ (16 авг. 1826 г.) всеподданнѣйшее донесеніе и велѣдъ затѣмъ велижскіе евреи были внезапно потрясены высочайшимъ повелѣніемъ: «...такъ какъ оное происшествіе доказываетъ, что жида оказываемою имъ терпимостью ихъ вѣры употребляютъ во зло, то въ страхъ и примѣръ другимъ жидовскія школы въ Велижѣ запечатать впредь до повелѣнія, не дозволяя служить ни въ самыхъ сихъ школахъ, ни при нихъ».

Это повелѣніе было тотчасъ приведено въ исполненіе, причемъ запрещеніе совершать богослуженіе «въ школахъ и при нихъ» было распространено мѣстной властью и на частные дома; тогда же скрижали были взяты изъ синагоги и «отданы въ присмотръ полиціи».

Возможно ли изобразить, что испытали въ этотъ моментъ велижскіе евреи. Лишеніе евреевъ священнѣйшаго права исполнять священныя обязанности, права молиться Богу — было равносильно объявленію имъ смертнаго приговора.

Г Л А В А III.

Высочайшее повелѣніе о закрытіи молитвенныхъ домовъ было чревато весьма печальными послѣдствіями; кн. Хованскій и Страховъ поняли, что государь склонился къ мысли, будто велижское злодѣяніе тѣсно связано съ еврейскимъ вѣроученіемъ и всё евреи отвѣтственны за кровь несчастнаго мальчика. А этого они только и добивались, и такъ какъ, приказавъ закрыть

молитвенные дома, государь вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ «непремѣнно дослѣдовать» велижское событіе, то кн. Хованскій и Страховъ, какъ бы съ санкціи государя, направили теперь свои изысканія не въ глубь велижскаго злодѣянія, а въ глубь еврейской жизни; не кровавое дѣяніе, погубившее солдатскаго сына, а кровавыя страницы изъ исторіи евреевъ стали предметомъ изученія Страхова; не на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть ребенка, а на вѣковомъ мифѣ о ритуальныхъ преступленіяхъ евреевъ должно было быть построено обвиненіе велижскихъ евреевъ въ умерщвленіи солдатскаго сына.

Черезъ посредство суражскаго исправника Страховъ узналъ, что въ Ленчицахъ, въ монастырѣ бернардиновъ, хранится тѣло младенца, замученнаго евреями, которые якобы сознались въ преступленіи, и что до послѣдняго времени на стѣнѣ монастыря висѣла картина, наглядно изображавшая злодѣяніе ¹⁾).

Это извѣстіе было исходнымъ пунктомъ для «историческихъ» изысканій Страхова. Такъ какъ ритуальныя преступленія евреевъ,—писалъ онъ кн. Хованскому,—совершаются при одинаковыхъ обстоятельствахъ, потому что имѣютъ «одно начало», то сознание ленчицкихъ евреевъ, положенное, какъ ошибочно полагалъ Страховъ, въ основу обвинительнаго приговора, должно «содержать въ себѣ причину, преданіе или правило суевѣрнаго заблужденія, служащаго евреямъ основаніемъ къ подобному злодѣянію и въ какихъ книгахъ сіе правило или тайна ихъ суевѣрія заключается». И Страховъ просилъ кн. Хованскаго позаботиться о томъ, чтобы были отысканы акты ленчицкаго процесса, «сколько для неопровергаемаго доказательства, что умерщвленіе евреями христіанскихъ младенцевъ не подвержено сомнѣнію, а не менѣе и для соображенія съ производимымъ имъ изслѣдованіемъ, дабы при убѣжденіи евреевъ къ сознанию... дѣйствуя на нихъ доказательствами, рѣшеніемъ подобнаго дѣла утвержденными, что злодѣянія сего рода имъ

¹⁾ О Ленчицкомъ процессѣ имѣются свѣдѣнія у С. Бершадскаго „Старинное средство“ (Восходъ, 1894 г. кн. X) и въ „Историческихъ сообщеніяхъ“ С. М. Дубнова (Восходъ, 1895 г. кн. II). Изъ декрета трибунала видно, что евреи, несмотря на пытки, не приняли на себя вины. Изъ-за указанной картины и возникъ эпизодъ съ Дунинымъ изложенный въ предыдущей главѣ.

обыкновенны, онъ могъ окончить производимое имъ (Страховымъ) дѣло съ желаемымъ успѣхомъ.

Итакъ, фактъ умерщвленія евреями христіанскихъ дѣтей не подверженъ сомнѣнію, а потому если даже противъ данныхъ обвиняемыхъ-евреевъ и нѣтъ уликъ, слѣдователи все же должны добиться отъ нихъ признанія въ предъявляемомъ обвиненіи.

Въ средніе вѣка такое признаніе вырывалось оффиціально производившимися пытками. Въ дни велижской драмы къ нимъ нельзя было прибѣгать открыто. Но положеніе подсудимыхъ отъ этого не улучшилось; къ физическимъ пыткамъ, которыя, правда, въ значительно смягченной формѣ стали примѣняться келейнымъ путемъ, присоединились новыя нравственныя страданія: выслушивать отъ слѣдователей увѣренія, что исторія доказала виновность евреевъ и что сами раввины признавались въ ритуальныхъ преступленіяхъ!

Доказательствомъ виновности велижскихъ евреевъ долженъ былъ, по замыслу Страхова, явиться ленчицкій процессъ 1639 года, и это глумленіе надъ правосудіемъ, это мучительное издѣвательство надъ евреями не смутило кн. Хованскаго—онъ нашелъ предложеніе Страхова «основательнымъ» и въ октябрѣ 1826 г. обратился къ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ просьбою истребовать откуда слѣдуетъ документы, относящіеся къ ленчицкому дѣлу.

Между тѣмъ, послѣ перерыва, допросы свидѣтельницъ возобновились. 23 сентября Терентьева внесла новую подробность въ фантастическое описаніе велижскаго событія; она заявила, что на другой день послѣ умерщвленія ребенка она пошла къ «еврейскому лѣкарю Орлику, жена коего, переодѣвши ее въ еврейское платье, повела въ школу, въ которой были тѣ же евреи и еврейки, кои были и наганунѣ, а на столѣ стояла начовка съ кровью солдатскаго сына, изъ которой Орликъ велѣлъ ей слить отстоявшуюся воду и мѣшать кровь въ начовкѣ... и разболтавъ оную, вылить въ поданный Миркою боченокъ, а въ оставшейся въ начовкѣ немного крови мочила аршина два бѣлаго холста, каковой еврей Орликъ разрѣзалъ въ куски, раздѣливъ оныя между евреями и еврейками, по каковому кучочку далъ и ей (Терентьевой) съ Максимовой. Боченокъ съ

кровью отнесла она (Терентьева) въ угольный каменный домъ съ зеленою крышей и поставила оный въ особую каморку».

Максимова охотно подтвердила (17 октября) справедливость этого показанія Терентьевой, и, какъ бы желая сохранить за собою честь послѣдняго удара, прибавила также и съ своей стороны нѣчто новое. По ея словамъ, Ханна Цетлинъ неоднократно просила ее никому не говорить о солдатскомъ сынѣ, но «дабы совершенно быть въ томъ увѣренной, уговаривала ее принять еврейскую вѣру, и когда она согласилась, то Цетлинова, напоивъ ее пьяною, послала къ еврею, прозываемому Пѣтушкомъ (то былъ Янкель Черномордикъ), который повелъ ее въ еврейскую школу, находящуюся въ томъ же самомъ, въ которомъ онъ живетъ, домѣ, въ которой при женѣ своей (Эстеръ Черномордикъ) и обратилъ ее въ еврейскую вѣру»...

Слѣдственный матеріалъ такимъ-то образомъ постепенно возрасталъ въ рукахъ Страхова, но это его не удовлетворяло: ему нужно было признаніе со стороны самихъ евреевъ, а они продолжали упорно отрицать свою вину. И не видя, чтобы его «убѣжденіе евреевъ къ сознанию» привело къ цѣли, не видя, чтобы извѣстіе о «признаніи» христіанокъ склонило евреевъ къ уступкамъ, Страховъ рѣшилъ прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ сталъ подвергать евреевъ физическому воздѣйствію. Въ ночь съ 18 на 19 ноября прохожіе услышали доносившіеся изъ дома слѣдователя «чрезвычайные вопли и ужасные стоны». И такъ какъ въ это время среди заключенныхъ находились Евзикъ Цетлинъ и его жена Ханна, а также сынъ престарѣлаго Беніамина Берлина, Шмерка Берлинъ съ женою Славкой, то Итка Цетлинъ, въ страхѣ за судьбу своихъ родителей, а Беніаминъ Берлинъ—за судьбу Шмерки и Славки, тотчасъ же заявили уѣздному стряпчему по уголовнымъ дѣламъ о томъ, что происходило въ домѣ слѣдователя; уѣздный стряпчій поспѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ ними къ полицій-мейстеру, но оказалось, что и полиціймейстеръ находился въ это время въ домѣ слѣдователя. Напрасно Итка Цетлинъ и Беніаминъ Берлинъ просили на слѣдующій день о медицинскомъ освидѣтельствованіи родныхъ, полиція отказалась вмѣшаться въ это дѣло.

| Еще до этой печальной ночи Шефтель Цетлинъ

братъ Еввика Цетлина, и Берка Нахимовскій, отецъ заключеннаго Ицки Нахимовскаго, обратились съ жалобой въ Петербургъ. 18 ноября въ Сенатъ поступило ихъ общее прошеніе, въ которомъ изъяснялись «разныя истязанія и угнетенія», чинимыя заключеннымъ Страховымъ; теперь же, послѣ злополучной ночи, выступилъ съ жалобой также и проживавшій въ Петербургѣ велижскій мѣщанинъ Гирша Броуда, женатый на сестрѣ Славки Берлинъ. 21 января 1827 г. онъ подалъ въ Сенатъ прошеніе, и затѣмъ, въ теченіе всего процесса, не переставалъ дѣйствовать въ пользу заключенныхъ родственниковъ и единовѣрцевъ.

А вскорѣ число жертвъ увеличилось. 28 февраля 1827 г. былъ арестованъ 28-лѣтній Гирша Шмерковъ Берлинъ и вмѣстѣ съ нимъ его жена Шифра; тогда же ночью былъ схваченъ 19-лѣтній зять Шмерки Берлина, Янкель Гиршевъ Аронсонъ, и тотчасъ закованъ въ кандалы; одновременно былъ заключенъ въ тюрьму и Орликъ Девирць.

Эти аресты вызвали новыя жалобы со стороны евреевъ; къ Беніамину Берлину, Беркѣ Нахимовскому и Шефтелю Цетлину, обратившимся съ прошеніями также къ министру юстиціи, присоединилась и вдова Рохля Аронсонъ, мать Янкеля. Жалобы евреевъ обратили на себя вниманіе въ Петербургѣ. Государю стало извѣстно о томъ, что творилось въ Велижѣ, и 19 марта 1827 года министръ юстиціи увѣдомилъ кн. Хованскаго о высочайшемъ повелѣніи «дать безъ малѣйшаго отлагательства законный ходъ» слѣдственному дѣлу.

Это повелѣніе должно было вырвать изъ груди евреевъ вздохъ облегченія: кн. Хованскому предстояло теперь же привлечь къ разслѣдованію дѣла, кромѣ Страхова, другихъ представителей власти и, по обычному порядку, передать все дѣло, по завершеніи слѣдствія, надлежащему судебному учрежденію.

И значеніе высочайшаго повелѣнія еще тѣмъ усугублялось, что государь вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ, чтобы «евреямъ дозволено было, если имѣютъ ясныя надлежащія доказательства о *пристрастїи* при слѣдствїи, представить оныя Правительствующему Сенату для разсмотрѣнія», изъ чего нельзя не заключить, что государь заподозрилъ въ беззаконїи тѣхъ лицъ, на которыхъ кн. Хованскимъ было возложено разслѣдованіе дѣла.

Болѣе того, государь, повидимому, не имѣлъ довѣрія также къ другимъ представителямъ мѣстной власти и къ самому кн. Хованскому; потребовавъ, чтобы прокуроръ наблюдалъ за ходомъ дѣла до самаго его окончанія, государь велѣлъ, «чтобы при слѣдствіи и судебномъ разсмотрѣніи сего дѣла были сохранены съ строгой точностью общіе законы и высочайшее повелѣніе 28 февраля 1817 г.¹⁾, по подобному происшествію въ Гродненской губерніи послѣдовавшее, которымъ предписано руководствоваться не предположеніемъ преступленія, но судебными уликами»; кромѣ того, государь пожелалъ, чтобы рѣшеніе, которое послѣдуетъ по дѣлу, не было приведено въ исполненіе, а «было представлено его величеству установленнымъ порядкомъ, чрезъ Правительствующій Сенатъ».

Но и высочайшее повелѣніе не было въ силахъ измѣнить направленіе, которое было дано велижскому дѣлу Хованскимъ и Страховымъ. Когда губернскій прокуроръ, въ исполненіе указа государя, предложилъ уѣздному стряпчему по уголовнымъ дѣламъ находиться при слѣдствіи, Страховъ не только не допустилъ его къ разсмотрѣнію дѣла и обзрѣнію арестованныхъ, но донесъ Хованскому о какихъ-то упущеніяхъ стряпчаго при первоначальномъ слѣдствіи, указывая, что по «нравственности его не можно ожидать и безпристрастія и содержанія дѣла въ тайнѣ, ниже соблюсти осторожность отъ несношенія съ евреями». Вслѣдствіе этого, даже не провѣривъ заявленія Страхова, генераль-губернаторъ удалилъ уѣзднаго стряпчаго по уголовнымъ дѣламъ и вмѣсто него опредѣлилъ стряпчаго по гражданскимъ дѣламъ. Другимъ сотрудникомъ Страхова былъ назначенъ, по предписанію Хованскаго, засѣдатель витебскаго главнаго суда Хруцкій.

Сейчасъ же по открытіи дѣйствія этой новой комиссіи велижская полиція представила ей старыя прошенія Итки Цетлинъ и Беніамина Берлина. Но помимо сего Беніаминъ Берлинъ, Шефтель Цетлинъ и Берка Нахимовскій обратились непосредственно въ комиссію съ двумя прошеніями; въ одномъ они ходатайствовали о разрѣшеніи отобрать у арестованныхъ показанія о причинаемыхъ имъ «притѣсненіяхъ», дабы за-

¹⁾ Циркулярное сообщеніе кн. Голицына отъ 17 Марта 1817 г. приведенное въ 1-ой главѣ.

тѣмъ жаловаться Сенату; въ другомъ они указывали, что Страховъ противозаконно заковалъ въ кандалы евреевъ сейчасъ же по взятіи ихъ подъ стражу, не сдѣлавъ даже исключенія для больного Гирши Берлина, и что больного Гиршу Аронсона «содержалъ въ самомъ изнурительномъ мѣстѣ, а сначала и въ кандалахъ, отъ чего онъ лишился жизни»; они также обратили вниманіе на то, что Страховъ не приглашалъ еврейскаго депутата къ производству дѣла, и въ виду изложеннаго жалобщики въ заключеніе просили объ удаленіи Страхова отъ слѣдствія. Коммиссія, состоявшая изъ самого Страхова и угодныхъ ему людей, отвѣтила, что не можетъ дѣлать по этимъ прошеніямъ «удовлетворенія» и передала таковыя генераль-губернатору.

Передача прошеній Хованскому не обѣщала евреямъ ничего утѣшительнаго, а смерть Гирши Аронсона не могла не вызвать во всемъ велижскомъ еврейскомъ обществѣ мысли, что такая же страшная участь ждетъ другихъ заключенныхъ и вообще тѣхъ евреевъ, которые по волѣ Страхова переступятъ порогъ тюрьмы. 25 апрѣля и 2 мая Гирша Броуда вновь представляетъ въ Сенатъ жалобы, а 5 мая въ Сенатъ поступаетъ также прошеніе, сообща подписанное Беркой Нахимовскимъ, Беніаминомъ Берлинымъ и Шефтелемъ Цетлинымъ. Но велижскіе евреи не ограничились этими оффиціальными жалобами; ища спасенія, они остановили взоры на бѣлорусскомъ помѣщикѣ, извѣстномъ государственномъ дѣятелѣ, адмиралѣ Мордвиновѣ, не разъ уже выступавшемъ въ защиту еврейскаго населенія, и познакомили его съ потрясающей повѣстью своихъ страданій.

«Коль скоро,—такъ начиналась записка, представленная въ Петербургѣ евреями гр. Мордвинову ¹⁾,—воля Августѣйшаго Монарха, изъявленная въ 17 день прошедшаго марта, чтобъ при слѣдствіи и судебномъ разсмотрѣніи вышеизложеннаго дѣла

¹⁾ На имѣющейсѣ у насъ копіи записки не указано, кому она была адресована; но принимая во вниманіе, что гр. Мордвиновъ и до того выступалъ за права еврейскаго населенія и что онъ и въ дальнѣйшемъ принималъ горячее участіе въ судьбѣ обвиняемыхъ, нельзя иначе предположить, что записка была представлена Мордвинову. Другаго защитника, къ которому можно было бы столь открыто и смѣло обратиться, у велижскихъ евреевъ не было.

сохранены были со всей строгою точностью общіе законы и Высочайшее повелѣніе 28 февраля 1817 года, коснулась слуху окованныхъ въ городѣ въ Велижѣ евреевъ, то не только сіи несчастные, но и всѣ тамъ живущіе израильтяне, проливъ слезу радости, вознесли усердныя мольбы свои къ Царю Царствующихъ о благоденствіи Порфироснаго Отца, пекущагося о живни и малѣйшаго изъ своихъ подданныхъ. Они надѣялись, что возстанетъ судъ правый, обнажится злобная клевета и угнетенная невинность сложитъ тѣ оковы, въ коихъ заклепана и томится она другой уже годъ; но Бѣлорусскій г. генераль-губернаторъ есть сему преградою и Высочайшее повелѣніе не можетъ до сихъ поръ воспріять настоящаго своего дѣйствія.

Чиновникъ Страховъ поступилъ вопреки Высочайшей волѣ: онъ оставилъ безъ уваженія требованіе Витебскаго губернскаго прокурора, пренебрегъ тоекратныя отношенія къ нему Велижскаго уѣзднаго стряпчаго и очернилъ его еще предъ лицомъ г. генераль-губернатора, который, основываясь во всемъ на единственныхъ извѣтахъ сего чиновника, вмѣсто того, чтобы во исполненіе Высочайшаго соизволенія воспретить нелѣпыя предразсудки о употребленіи якобы евреями крови христіанина и велѣть дать тотчасъ дѣлу сему судебное направленіе и сохранить со строгою точностью общіе законы истребованіемъ членовъ магистрата и депутатовъ отъ прикосновенныхъ къ сему обстоятельству сословій, распорядился только тѣмъ, что въ пособіе Страхову назначилъ губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго и засѣдателя I-го департамента главнаго суда.

Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что сіи чиновники отряжены не въ согласность государственныхъ установленій, но избраны по желанію г. Страхова, дабы не встрѣтить ему особенныхъ противорчій въ истязаніи захваченной имъ жертвы; ибо предметъ дѣла сего не заключаетъ въ себѣ казеннаго интереса, по которому бы прилично было при ономъ быть стряпчему казенныхъ дѣлъ, но онъ требуетъ для наблюденія за порядкомъ настоящаго производства, по основанію Высочайшихъ о управленіи губерній учреждений, стряпчаго дѣлъ уголовныхъ. Засѣдатель же главнаго суда, покорствуя волѣ г. генераль-губернатора и зная изъ случая, послѣдовавшаго чрезъ г. Страхова съ уѣзднымъ стряпчимъ, конечно, не возымѣетъ смѣлости противупо-

лагать что либо дѣйствіямъ слѣдователя, снискавшаго къ себѣ непомерное довѣріе отъ главнаго начальника губерніи, — депутатовъ же отъ стороны военной и отъ сословія еврейскаго, равно и члена магистрата, какъ сего требуютъ общіе законы, не приглашено къ сему дѣлу вовсе; слѣдовательно воля Монарха не приводится въ исполненіе и несчастные евреи зависть по прежнему отъ единого хотѣнія г. Страхова.

Полтора уже мѣсяца какъ возникло Высочайшее повелѣніе, но производство въ изслѣдованіи не имѣетъ никакихъ движеній, кромѣ одной только усиленной отъ г. Страхова жестокости. Захваченные обоюга евреи отторгнуты отъ своихъ домовъ; хозяйство ихъ брошено безъ всякаго надзора; промыслы пресѣчены и весь оборотъ торговый оставленъ безъ присмотра; жертвы невинныя томятся въ оковахъ и даже такъ, что не только въ жесточайшихъ своихъ болѣзняхъ, но и въ послѣднія минуты своей жизни не имѣютъ отъ оныхъ освобожденіе; одинъ ужасъ и отчаяніе остались имъ въ удѣлъ и мучительныя пытки владѣютъ ихъ сердцами.

Состраданіе не имѣетъ мѣста въ чувствахъ ожесточеннаго изслѣдователя, онъ неумолимъ и человѣчество предъ нимъ — ничто.

Нѣсколько времени содержитъ въ своей комнатѣ молодую, отвлеченную отъ мужа, еврейку, дочь витебскаго еврея Зейлика Зейликсона ¹⁾; она больна и подвержена обыкновеннымъ женскимъ немощамъ: ни единая изъ женщинъ къ ней не допускается, онъ самъ ея стражею и никто не извѣстенъ о приготовленной ей участи...

Изъ числа же одержимыхъ болѣзнию, — повѣствуетъ далѣе записка, — Янкель Гиршъ Аронсонъ, ²⁾ бывшій во время несчастнаго происшествія не болѣе 13-ти или 14-ти лѣтъ отъ роду, приближался къ минутамъ смерти; просили слѣдователя облегчить наложенныя на него оковы, ибо онъ и безъ нихъ не былъ подвиженъ съ мѣста; умоляли его дозволить ему исполнить долгъ покаянія, неотъемлемый даже и въ самыхъ грубыхъ націяхъ отъ подсудимыхъ, и допустить по крайней мѣрѣ родную

¹⁾ Это была Шифра, жена Гирши Берлина.

²⁾ Въ запискѣ ошибочно сказано „Берлинъ“.

его мать принять послѣдній вздохъ измученнаго ея сына, но никакія убѣжденія, ни слезы родственниковъ, ни даже самое отчаяніе раздираемой прискорбіемъ матери не были сильны тронуть чувствительность слѣдователя: онъ ничего не дозволилъ, велѣлъ прогнать съ жестокостью мать и родственниковъ и злополучный Янкель 21 апрѣля скончался заклепанный въ окнахъ, какъ извергъ природы и убійца жесточайшій. Сей самой участи ожидаютъ и другіе, чрезвычайно болѣзнію одержимые.

Всѣ сіи поступки доказываютъ очевидно, что слѣдователь Страховъ не преминулъ обнадежить г. генераль-губернатора въ успѣшномъ открытіи имъ того, что будто бы евреямъ необходима кровь христіанина, а генераль-губернаторъ увѣрилъ въ ономъ и Государя Императора; сіе тѣмъ болѣе доказательно, что не иначе какъ съ сего единственнаго случая, 8-й уже мѣсяць воспрещено евреямъ въ городѣ Велижѣ исполненіе обрядовъ ихъ богослуженія, не только въ общихъ школахъ, которыя опечатаны, но и въ собственныхъ своихъ домахъ; къ тому же отняты отъ нихъ и скрижали, заключающія въ себѣ законъ ихъ вѣры; они отданы въ прісмотръ полиціи и лежатъ въ оной съ крайнимъ къ сей святынѣ невниманіемъ...

Не настаетъ нужды ни въ видимой медленности, ни въ истязаніяхъ, когда предразсудокъ, что кровь христіанина нужна евреямъ, не долженъ быть допускаемъ; стоитъ только тайнымъ образомъ солдатку Терентьеву и другихъ двухъ бабъ взять сюда¹⁾, спросить ихъ, и вся истина откроется; онѣ происками мѣщанина Азадкевича, лишеннаго честнаго имени, въ угодность слѣдователю наущены къ оговору евреевъ, показавъ, что будто бы и сами имѣли участіе въ мучительной смерти, нанесенной младенцу, и за то пользуются свободой.

Ваше Превосходительство! Вы единый есть защитникъ угнѣсенныхъ и ревностный исполнитель воли и желаній Милосерднаго Монарха, услышите стенанія и вопль несчастныхъ измученныхъ евреевъ обоого пола, оторгнутыхъ отъ семействъ и родственниковъ, разоренныхъ до основанія и вверженныхъ въ бездну горестей, они взываютъ къ вамъ и отъ васъ только однихъ ожидаютъ своей жизни; даровать ее и пресѣчь оную

¹⁾ Т. е. въ Петербургъ.

одно есть ваше мановеніе. Доведите до свѣдѣнія Монарха сіи справедливыя истины, да устранить онъ и главнаго начальника губерніи и его самолюбиваго слѣдователя, кои сверхъ воли Государя, ввѣрившаго дѣло сіе г. министру юстиціи, самопроизвольно уже входятъ въ оное и, затмевая истину, трепещутъ дать дѣлу сему направленіе по общимъ государственнымъ узаконеніямъ. Да вручится окончаніе онаго другимъ особамъ при депутатахъ и членѣ магистрата; дозволится свободное отправленіе обрядовъ по ихъ вѣрѣ и закону; возвратятся имъ Скрижали Заветъ и освободятся отягченные болѣзнію для излѣченія, если уже не на поручительство согражданъ, то по крайней мѣрѣ отъ оковъ ихъ. Вышеупомянутыя бабы, если бы только онѣ секретно взялись и представились къ Вашему Превосходительству, безъ сообщенія одной съ другою, но каждая порознь, то раскрылась бы вся тайна, сокрываемая завѣсой обмана и ухищреній, и милосердіе Монарха, коего истина священнымъ есть обѣтомъ, конечно не потерпѣла бы неправды и не похотѣла, дабы поданные его пресѣкали жизнь свою отъ произвольныхъ дѣйствій ограниченной имъ власти»...

Эта записка, въ копиі, безъ подписей жалобщиковъ, была представлена государю и вслѣдствіе положенной на ней высочайшей революціи: «послать Ф. А. для смотрѣнія за порядкомъ слѣдствія и донести, что откроеть», въ Велижъ прибылъ флигель-адъютантъ полковникъ Шкуринъ.

Но Шкуринъ не исполнилъ возложенной на него обязанности, онъ вступилъ на тотъ путь, по которому шествовали Страховъ и кн. Хованскій.

19 мая онъ пріѣхалъ въ Велижъ, а уже 23 мая онъ писалъ начальнику главнаго штаба Е. И. В. донесеніе, не подававшее евреямъ надежды на торжество правды, а его второй рапортъ (3 іюня) ясно указалъ, что онъ отдался во власть Страхова, во власть кроваваго миеа.

Представляя объясненія по поводу жалобъ евреевъ, Шкуринъ наивно между прочимъ доказывалъ, что христіанокъ потому никто не могъ подговорить, что тайна источенія крови, кромѣ евреевъ, никому неизвѣстна, а говоря о жалобѣ евреевъ относительно того, что свидѣтельницы ходятъ изъ тюрьмы въ церковь и къ священнику Тарашкевичу, онъ отмѣчалъ, что женщины

не ходили, а «посылались» къ Тарашкевичу «для возбужденія въ нихъ привязанности къ христіанскому исповѣданію». Итакъ, Шкуринъ уже успѣлъ убѣдиться, что свидѣтельница, вступившія въ тѣсное общеніе съ евреями измѣнили христіанской вѣрѣ— а вѣдь ему было извѣстно, что въ теченіе всего времени съ момента смерти солдатскаго сына до ихъ ареста онѣ усердно посѣщали церковь, ходили на исповѣдь и причащались.

Вѣроятно, нѣкоторыя жалобы евреевъ были смягчены Шкуринымъ, согласно съ дѣйствительностью; такъ, онъ указывалъ, что Шифра имѣла при себѣ въ качествѣ прислуги, кромѣ христіанки, еще одну еврейку, пожелавшую раздѣлить съ ней тюремную жизнь, но по другимъ жалобамъ евреевъ Шкуринъ представилъ объясненія, противорѣчившія правдѣ; онъ писалъ, будто евреямъ въ Велижѣ были запрещены лишь общественныя моленія, а не домашнія, но онъ не указалъ, что когда для богомоленія, требующаго присутствія не менѣе 10 лицъ, евреи стали собираться въ корчмахъ, по дорогамъ, то даже и это богомоленіе было запрещено и всѣ молитвенныя книги евреевъ были отобраны. Но уже совершенно безсильнымъ оказался Шкуринъ, когда онъ пытался смягчить потрясающій эпизодъ съ Янкелемъ Аронсономъ; пусть съ Янкеля были сняты оковы на другой день по заключеніи въ тюрьму, пусть Страховъ предлагалъ ему лучшую камеру,—несчастный юноша молилъ объ одномъ: дать ему возможность умереть въ кругу близкихъ людей. «По чахоточному его состоянію и молодости лѣтъ, сближаясь къ своему концу—писалъ штабъ-лѣкарь—желаетъ умереть въ кругу его фамиліи». Но этотъ смертный приговоръ врача нисколько не разжалобилъ; напрасно Рохля Аронсонъ умоляла дозволить ей проститься съ сыномъ: его дни были сочтены,—ее не допускали къ нему. Наконецъ, Страховъ обратился къ кн. Хованскому съ вопросомъ, можно ли освободить умирающаго Янкеля. Отвѣтъ получился отрицательный,—но Янкелю было все равно: никто уже не былъ властенъ надъ нимъ; правда, онъ умеръ одинокимъ, вдали отъ матери,—но онъ былъ свободенъ...

Г Л А В А IV.

Между тѣмъ, послѣ долгаго перерыва, Козловская была под-
вергнута новому допросу. До сихъ поръ она не только отрицала
какое либо участіе въ преступленіи, но даже утверждала, что
вовсе не знала о происшествіи. Теперь же она показала совер-
шенно иное: 15 января (1827 г.) она заявила, что подсмот-
рѣла все, что происходило въ домѣ Мирки и въ синагогѣ. Та-
кимъ образомъ слѣдователю удалось убѣдить Козловскую объ-
явить себя свидѣтельницей преступленія; послѣ этого ему, ко-
нечно, не трудно было побудить ее признать себя соучастницей,
и 11 февраля Козловская сообщаетъ, что она подавала воду
для обмыванія умерщвленнаго ребенка и, наравнѣ съ прочими,
колола его и что евреи обратили ее въ свою вѣру. При этомъ
Козловская замѣтила, что когда послѣ обряда обращенія ея въ
еврейство она подошла къ ребенку въ синагогѣ, онъ оказался
уже мертвымъ, а между тѣмъ другія свидѣтельницы говорили,
что ребенокъ былъ вынесенъ изъ синагоги еще живымъ.

Но вотъ (16 апрѣля 1827 г.) въ Велижѣ пріѣзжаетъ вновь
назначенный членъ слѣдственной комиссіи, губернской стряпчій;
онъ требуетъ свидѣльницъ въ присутствіе, но вмѣсто до-
проса имъ прочитываютъ ихъ прежнія показанія и онъ ихъ,
конечно, подтверждаютъ. Однако губернской стряпчій замѣ-
чаетъ разительное противорѣчіе между заявленіемъ Козловской,
что ребенокъ умеръ въ синагогѣ и утвержденіемъ Терентьевой,
что его унесли изъ синагоги живымъ, и Терентьева (7 мая)
спокойно измѣняетъ свое прежнее показаніе и говоритъ, что
дѣйствительно ребенокъ умеръ въ синагогѣ, а на вопросъ, къ
чему же было въ такомъ случаѣ, какъ она раньше показала,
завязывать ему платкомъ ротъ, отвѣчаетъ, что она этого вовсе
не дѣлала. И слѣдователи не пытаются выяснитъ причину
этихъ разнорѣчій.

Столь же снисходительно къ показаніямъ свидѣльницъ
отнеслись Шкуринъ и кн. Хованскій; такъ напр., Терентьева
какъ то говорила, что ребенку отрѣзали половой органъ (вѣроятно
Терентьева придавала превратный смыслъ слову «обрѣзаніе»),
затѣмъ она поправилась и сказала, что отрѣзали лишь кусо-
чекъ кожицы, но въ медицинскомъ свидѣтельствѣ рѣшительно

ничего не говорилось о томъ, чтобы на трупѣ былъ замѣченъ соответствующій слѣдъ; однако это противорѣчіе не смущаетъ Шкурина и кн. Хованскаго; имъ стало извѣстно, что священникъ, хоронившій мальчика, и «народъ» видѣли ребенка обрѣзаннымъ, и этого вполне достаточно, чтобы придать полную вѣру словамъ Терентьевой; болѣе того, вслѣдствіе указанныхъ толковъ вниманіе штабъ-лѣкаря было обращено на обнаруженный, будто, изъянъ въ его медицинскомъ протоколѣ и штабъ-лѣкарь, не задумываясь, заявляетъ, что дѣйствительно на половомъ органѣ было пятно, которое онъ въ свое время не отмѣтилъ, полагая, что пятно произошло отъ «тренія ляжекъ», и теперь, спустя четыре года послѣ смерти ребенка, шт.-лѣкарь выдаетъ удостовѣреніе, будто мальчикъ былъ умерщвленъ «для истощенія изъ него крови».

Однако, хотя рассказы свидѣтельница въ главныхъ основаніяхъ и были приведены въ извѣстное соотвѣтствіе, все-же въ ихъ показаніяхъ было много противорѣчиваго и неяснаго, и потому „для напоминанія одна другой всѣхъ обстоятельствъ похищенія, мученія и умерщвленія» солдатскаго сына, свидѣтельницамъ были вновь даны очныя ставки и результатомъ этихъ собесѣдованій, характеръ коихъ выяснится въ дальнѣйшемъ, явилось (въ маѣ 1827 г.) „окончательное утвержденіе доказательницъ“, внесшее новыя подробности въ велижское событіе и даже придавшее ему новый характеръ.

Согласно этому „окончательному утвержденію“, за недѣлю до еврейской пасхи, Ханна Цетлинъ попросила Терентьеву привести ей христіанскаго мальчика; встрѣтивъ на улицѣ солдатскаго сына, Терентьева отвела его въ домъ Ханны Цетлинъ, гдѣ въ присутствіи Евзика и Итки Цетлинъ, равно еврейки-няньки Рысы, ребенка посадили на столъ. Напоивъ Терентьеву и свою служанку Максимову до пьяна, Ханна просила ихъ никому не говорить о солдатскомъ сынѣ, но Терентьева отвѣтила, что, не смотря на взятыя деньги, она все-же расскажетъ, если узнаетъ, кому принадлежитъ мальчикъ. Потомъ, будучи пьяны, обѣ женщины заснули, при чемъ проснувшись, Максимова не нашла въ домѣ ни Ханны, ни ребенка, а какъ сходила къ рѣкѣ и вернулась, то застала ихъ дома; однако Максимова не знала, куда Ханна ходила въ это время; слѣдователи, конечно, также не могли объяснить себѣ, для чего было

Ханяѣ выходить днемъ съ ребенкомъ, когда она такъ опасалась, чтобы кто-либо не узналъ, что ребенокъ у нея въ домѣ, но все-же слѣдователи отмѣтили, что вѣроятно именно въ это время Ханну видѣли тѣ христіанки, которыя еще при первомъ разслѣдованіи дѣла заявили, что встрѣтили Ханну съ солдатскимъ сыномъ. Выпивъ затѣмъ опять вина, Терентьева и Максимова отнесли мальчика къ Славкѣ Берлинъ. Всю Св. Недѣлю Терентьева бывала у евреевъ, которые ее поили виномъ, въ среду же она была обращена въ еврейскую вѣру; три еврейки, скинувши съ нея платье и обувь, посадили на полъ и обмывали виномъ, или чѣмъ другимъ, щипавшимъ ей тѣло; омывши надѣли на нее мужскую еврейскую шинель и повели на рѣку Двину, въ которой приказавши ей окунуться въ воду, скатили ее съ головы изъ двухъ кувшиновъ принесенною изъ школы теплою водой, потомъ, надѣвши ту же шинель, привели опять въ школу. Школьникъ, скинувъ оную, говорилъ Терентьевой, что она должна перейти чрезъ жидовскій огонь и велѣлъ ей поставить на горячую сковороду сперва лѣвую, а потомъ и правую ногу, прочіе же евреи, обступивши ее кругомъ, держали, чтобы не могла сойти со сковороды, и зажимали ротъ, дабы не кричала, говоря между тѣмъ, чтобы она присягнула евреямъ въ вѣрности, отреклась отъ Христа и всего своего рода и приняла ихъ вѣру. А какъ она на все согласилась, то спустивши ее со сковороды, обожженные подошвы перевязали холстомъ, намазаннымъ желтой мазью. Послѣ сего водившіе ее, Терентьеву, на рѣку еврейки надѣли на нее еврейскую рубаху, въ которой школьникъ подвелъ ее къ шкапику, у котораго отдернувши занавѣску, говорилъ, что въ ономъ хранятся десять заповѣдей. Предъ симъ шкапчикомъ школьникъ приказалъ Терентьевой сѣсть на пальцы или на кукорки, накрылъ ее бѣлымъ съ черными на концахъ полосками покрываломъ и, сѣвши самъ подлѣ нея такимъ же образомъ, положилъ ей на колѣни листъ съ изображеніемъ святыхъ, называя ихъ христіанскими богами, и такой же листъ положивши себѣ на колѣни, приказывалъ Терентьевой... отрицаться Христа и всего своего рода, повторяя за нимъ говоренныя имъ слова... потомъ, вставши, приказалъ ей подойти къ шкапику, упереть большимъ пальцемъ лѣвой руки въ два средніе, не отдѣляя отъ

среднихъ крайнихъ пальцевъ, и поцѣловавъ концы оныхъ, приложить къ десяти заповѣдямъ, и назвавъ ее Сорою, училъ еврейской молитвѣ. Послѣ сего еврей Мордикъ (Янкель Черномордикъ) поцѣловалъ ее, Теревтьеву, говорилъ ей, что евреи даютъ ей въ мужья еврея Хаима (Хрипуна), вывелъ въ особую каморку, въ которой были двѣ кровати, изъ коихъ на одну приказавши ей лечь, самъ ушелъ въ школу; вскорѣ пришелъ въ каморку еврей Хаимъ и, легши сперва на особую кровать, скоро перешелъ къ ней, говоря «бисъ», на что Терентьева, по наученію евреевъ отвѣчала «ну себѣ», и онъ ласкалъ ее, какъ ласкаютъ жену. Возвратясь изъ каморки въ школу, еврейки обули ее въ еврейскую обувь и одѣвши въ богатое платье, говорили, чтобы не узнали, что она приняла ихъ вѣру, то можетъ она ходить и въ обыкновенномъ своемъ платьѣ; наконецъ евреи и еврейки цѣловали ее и поздравляли съ принятіемъ ихъ вѣры, а еврей Нота (Нота Мовшевъ Прудковъ), Лейзеръ (Лейзеръ Мееровъ Зарѣцкій) и Ицка (Ицка Еруховъ Бѣляевъ) положили ей въ фартукъ по десяти цѣлковыхъ рублей...

«Такимъ образомъ и Максимова, будучи уговорена принять еврейскую вѣру Ханною Цетлиною, поившей ее ежедневно виномъ, была ею послана къ еврею, Пѣтушкомъ называемому (Янкелю Черномордику), живущему въ домѣ, въ которомъ была еврейская школа богатыхъ евреевъ; Пѣтушокъ съ женою своею Эстеръ повелъ ее въ оную и, самъ надѣвши на себя употребляемое евреями при богомоленіи бѣлое покрывало, поставилъ Максиму предъ шкапикомъ, съ коего отдернувъ занавѣску, сказалъ ей, что въ ономъ хранятся десять заповѣдей Божіихъ; потомъ приказалъ, помнится ей, у лѣвой руки большимъ пальцемъ упереть въ два средніе и отдѣливши отъ оныхъ впередъ одинъ мизинецъ, опустить обѣ руки внизъ; въ такомъ положеніи Пѣтушокъ, ставши съ нею рядомъ и держа передъ собою тетрадку, въ которой на каждомъ листѣ изображено было по нѣскольکو маленькихъ образовъ, приказалъ ей, смотря на шкапикъ, отрицаться, повторяя говоренныя имъ слова, отъ Христа, отца, матери, дѣтей и всего своего рода... Потомъ, подавъ ей въ правую руку метелочку, сдѣланную какъ будто изъ осоки, велѣлъ оную въ рукѣ потрясти, а въ лѣвую руку давши ей въ хлопчатой бумагѣ какой то твердый лимонъ, ве-

лѣлъ ей поддержать оный; по исполненіи чего, отобравъ отъ нея то и другое, положилъ ихъ въ означенный шкапикъ; послѣ чего Пѣтушокъ приказалъ Максимовой, какъ и прежде, не помнить твердо, у правой или у лѣвой руки, уперевъ большимъ пальцемъ въ два средніе, поднести руку ко рту и, поцѣловавъ концы пальцевъ, приложить оныя къ десяти находившимся въ шкапикѣ приказаніямъ, а какъ она сіе сдѣлала, то Пѣтушокъ назвалъ Максимову Рисою и сказалъ, что назвалъ ее симъ именемъ для того, что съ нею вмѣстѣ служить у Цетлиновой еврейка Риса, потому никто и не узнаетъ, что Максимова приняла еврейскую вѣру. Потомъ, давши ей выпить стаканъ красноватаго сладкаго вина, училъ ее еврейской молитвѣ и, читая большую книгу, заставлялъ говорить за нимъ говоренныя имъ слова, которыхъ она не понимала; по приходѣ домой Цетлинова поздравляла ее съ принятіемъ еврейской вѣры.

Наконецъ, какъ описывали свидѣтельницы событіе, было приступлено къ мученію солдатскаго сына. Еврей Поселенный срѣзалъ ему кожу на концѣ полового органа, а еврейка Шифра срѣзала ногти на рукахъ и ногахъ, приказчикъ же Іосель Мирласъ, вынувъ днище, велѣлъ положить ребенка въ бочку, послѣ чего Іосель Мирласъ и Терентьева, ставъ по сторонамъ бочки, стали ее качать (раньше Терентьева показала, что бочка была подвѣшена къ потолку и ее раскачивали). Послѣ этого христіанкамъ дали выпить водки и онѣ, одѣвшись въ «жидовское платье», отправились со всѣми евреями, по предложенію пріѣхавшаго въ гости къ Берлину Іоселя Гликмана, въ синагогу; здѣсь мальчика, нагого, положили въ начовку и, въ видѣ поруганія, били его легко по щекамъ, а потомъ, подъ руководствомъ Орлика, стали колоть его чѣмъ-то свѣтлымъ, похожимъ на гвоздь. Во время этихъ мученій приказчикъ Іосель повелъ Козловскую къ «шкапику, предъ которымъ евреи молятся Богу», обратилъ ее въ еврейскую вѣру, училъ ее молиться по еврейски и назвалъ ее Лыею. Ребенка продолжали колоть, пока онъ не умеръ. Затѣмъ его обмыли и «остались видны однѣ маленькія, круглыя, величиною въ горохъ раночки, въ коихъ кровь остановилась». Тогда Іосель подвелъ христіанокъ къ кивоту и сказалъ имъ, что такъ какъ онѣ принадлежатъ къ еврейской вѣрѣ, то должны присягнуть, что

никогда не расскажутъ о происшедшемъ и чтобы онѣ впредь молились только по еврейски, какъ ихъ тому научили, такъ какъ «еврейская вѣра крѣпче христіанской».

Послѣ этого Максимова и Терентьева унесли ребенка за городъ; возвращаясь же домой, онѣ встрѣтили Иоселя Мирласа съ другимъ евреемъ, скакавшихъ въ бричкѣ на парѣ лошадей къ мѣсту, гдѣ былъ положенъ ребенокъ; Мирласъ подошелъ къ трупу и тотчасъ уѣхалъ обратно со своимъ товарищемъ, и когда христіанки вернулись въ школу, онѣ застали ихъ уже тамъ. Тогда же Славка Берлинъ заявила христіанкамъ, что если онѣ донесутъ о преступленіи, то все же имъ никто не повѣритъ, такъ какъ евреи «отъ всего отопрутся».

Въ тотъ же день, къ вечеру, жена Орлика, Фратка, напивши Терентьеву до пьяна, отвела ее въ школу; туда пришла и Максимова, и при участіи евреевъ кровь изъ начовки была разлита въ бутылки и боченокъ, а въ оставшейся въ начовкѣ крови вымочили холстъ, каковой былъ потомъ разрѣзанъ на куски, розданные присутствующимъ. Потомъ всѣ разошлись, причемъ Максимова понесла за Ханной Цетлинъ одну, Козловская за Берлинами двѣ бутылки, а Терентьева за Орликомъ боченокъ крови...

На другой же годъ, осенью (значить тогда, когда Ханна Цетлинъ находилась подъ стражей и велижскіе евреи со страхомъ ожидали рѣшенія главнаго витебскаго суда!), присутствовавшіе при мученіи ребенка евреи, собравшись у Орлика, попросили Терентьеву отвезти вмѣстѣ съ другими евреями боченокъ съ кровью въ *Витебскъ*. Въ дорогѣ ее поили водкой; вечеромъ пріѣхали въ Витебскъ, остановились «въ еврейскомъ каменномъ домѣ», хозяйки котораго—одна старая, другая молодая—пригласили Терентьеву къ себѣ; старуха развела привезенную кровь въ водѣ и въ ней мочили холстъ, который и раздѣлили между многими собравшимися евреями и еврейками, а остальную кровь розлили по бутылкамъ, изъ коихъ двѣ Терентьева отвезла въ *Лезну*; тамъ было продѣлано то же, что въ Витебскѣ.

Максимова, совмѣстно съ евреемъ Бѣленецкимъ, также отвезла кровь въ Витебскъ...

Такого рода показанія придали велижскому событію новую

окраску; въ немъ были замѣшаны не только евреи Велижа, но и другихъ городовъ; велижское убійство становилось чуть-ли не всееврейскимъ-преступленіемъ—во всякомъ случаѣ плодами этого преступленія сознательно пользовались и тѣ изъ евреевъ, кто не принималъ участія въ умерщвленіи ребенка.

Теперь доносицамъ ничего не оставалось, какъ поставить, по указанію вдохновителя, точку на і и сообщить о цѣли, для которой добывали кровь, и Терентьева объяснила, что въ годъ умерщвленія солдатскаго сына она приливала разведенную кровь въ булки, которыя готовились евреями предъ кущами, а затѣмъ, предъ пасхальными праздниками, Ханна Цетлинъ варила медь, въ который также вливала кровь. На другой же годъ (значить опять-таки тогда, когда Ханна Цетлинъ сидѣла въ тюрьмѣ, а велижскіе евреи ожидали рѣшенія суда!) Терентьева ходила въ одинъ еврейскій домъ печь мацу, и когда мѣсила тѣсто, то влила туда данную ей красную жидкость...

Такимъ образомъ, послѣ свыше годового труда, Страхову удалось привести въ порядокъ слѣдственный матеріалъ по дѣлу объ убійствѣ солдатскаго сына: три женщины-христіанки, въ качествѣ соучастницъ страшнаго преступленія, нарисовали въ общихъ чертахъ одну и ту же картину умерщвленія ребенка и источенія крови. И это «единогласное ихъ показаніе,—говорилъ впослѣдствіи адм. Мордвиновъ,—покрывшее, такъ сказать, всё разнорѣчія, и составленное, какъ удостовѣряетъ слѣдователь Страховъ, посредствомъ припамятованія, продолжавшагося годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, является въ необыкновенномъ видѣ. Доносицы, не помнившія главныхъ обстоятельствъ происшествія, съ теченіемъ времени, возобновляя оныя постепенно, изложили, наконецъ, съ неимовѣрной отчетностью. Здѣсь уже описали онѣ самыя мелкія и ничтожныя подробности, несмотря на то, что двѣ изъ нихъ, Терентьева и Максимова, по собственному ихъ удостовѣренію, при нѣкоторыхъ изъ сихъ обстоятельствъ находились въ пьяномъ состояніи. Не предположивъ *посторонняго* какого-то *вліянія на припамятованіе доказчицъ*, нельзя допустить подобнаго превращенія изъ безпамятства въ необыкновенную память, возраставшую по мѣрѣ отдаленія отъ времени происшествія»...

Кому же принадлежало это постороннее вліяніе на „припаятованіе доказчиць“?

Когда вслѣдствіе жалобы евреевъ Сенатъ потребовалъ (въ августѣ 1827 г.) отъ кн. Хованскаго цѣлаго ряда объясненій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, между прочимъ было предписано выяснитъ то обстоятельство, что Терентьева и Еремѣева, послѣ 4-хъ-мѣсячнаго пребыванія въ домѣ слѣдователя, ходили по городу и разглашали, будто Терентьева была очевидицей происшествія въ синагогѣ и что она тамъ приняла еврейскую вѣру, и такимъ образомъ соучастница пользовалась свободой, благодаря которой имѣла „свиданіе и переговоры“ съ Азадкевичемъ; кромѣ того, Терентьева 22 и 29 мая 1827 г., подъ видомъ богомоленія, отпускалась къ свящ. Тарашкевичу.

Вслѣдствіе этого требованія кн. Хованскій обратился за разъясненіями въ комиссію и Страховъ пояснилъ, что желая выполнить высочайшую волю „совершеннымъ открытіемъ оставшагося въ неизвѣстности, необыкновеннаго внѣ законовъ смертоубійства“, чего однако нельзя было достигнуть безъ полного признанія со стороны Терентьевой и Максимовой, онъ рѣшилъ склонитъ женщинъ къ откровенности хорошимъ обращеніемъ и посылкою ихъ въ церковь для литургіи и священническаго увѣщеванія, — и такимъ-то путемъ ему удалось черезъ годъ и два мѣсяца получить добровольное признаніе Козловской въ соучастіи въ преступленіи, а Желновой въ томъ, что она видѣла ребенка въ домѣ Ханны Цетлинъ; при этомъ Страховъ объяснилъ, что Терентьева не только 22 и 29 мая (1827 г.), но прежде и послѣ того, какъ и другія христіанки, „бывшія обращенными въ еврейскую вѣру, не отпускались, а *посылались* (такъ въ свое время говорилъ и Шкуринъ!) и посылаются всякій праздникъ за карауломъ въ церковь, изрѣдка же и къ свящ. Тарашкевичу, увѣщевателю при слѣдствіи и духовному ихъ отцу, для истребленія въ нихъ примѣтныхъ еще остатковъ еврейской вѣры, а 29 мая Терентьева сама просилась къ Тарашкевичу“.

Изъ этого видно, что христіанки видѣлись не только съ однимъ Страховымъ, котораго можно было заподозритъ въ непосредственномъ вліяніи на нихъ. И дѣйствительно, не Страховъ былъ непосредственнымъ вдохновителемъ христіанокъ. Злой геній драмы,

наполнившій ее своимъ суевѣріемъ и страданіями евреевъ,— Страховъ былъ обманутый обманщикъ. Онъ вѣрилъ въ легенду объ употребленіи евреями христіанской крови, и, раздѣляя это широко распространенное въ христіанскомъ обществѣ представленіе о преступности евреевъ, онъ не могъ не вѣрить тому, что солдатскій сынъ убитъ именно евреями; къ тому же Страховъ имѣлъ особое основаніе придать вѣру велижскому событію въ томъ видѣ, къ какомъ оно было описано христіанками; онъ, какъ правильно указали евреи въ одной жалобѣ, „склонился къ предрассудкамъ“ своихъ союзниковъ, а въ рукахъ этихъ людей была книга ¹⁾, подробно говорившая объ изувѣрствѣ евреевъ, рисовавшая преступления такъ, какъ рассказывали женщины. Самъ Страховъ не отрицалъ своихъ частыхъ сношеній съ Петрищей и Азадкевичемъ; онъ утверждалъ, что Петрища по надобностямъ коммисіи переводилъ разные документы съ польскаго на русскій, Азадкевичъ же, будто, приходилъ къ нему въ качествѣ сапожника, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что агитаторы пользовались этими свиданіями со Страховымъ съ той цѣлью, чтобы книжнымъ матеріаломъ убѣдить его, что солдатскій сынъ палъ жертвою еврейскаго фанатизма.

Помощью же указанной книги Азадкевичу было легко руководить доносчицами.

При первомъ допросѣ Терентьевой кромѣ Страхова присутствовалъ и свящ. Тарашкевичъ, приглашенный для „увѣщеванія“. Трудно сказать, что произошло на этомъ допросѣ,— извѣстно только, что, безъ всякой связи со своими прежними дѣйствіями, Терентьева объявила себя соучастницей преступления. Быть можетъ Азадкевичъ, въ цѣляхъ замысла, увѣрилъ Страхова и Тарашкевича въ томъ, что сама Терентьева приняла участіе въ злодѣяніи и настойчивое, въ связи съ этимъ, со стороны Страхова или священника требованіе признанія вырвало у Терентьевой заявленіе, что она причастна къ событію. Но возможно допустить, что принятіе Терентьевой на себя вины явилось необходимымъ результатомъ того положенія, въ которомъ она очути-

¹⁾ Это была книга Пикульскаго „Злость жидовская“, о которой рѣчь въ дальнѣйшемъ. =

лась совершенно неожиданно для себя, когда переступила порогъ тюрьмы. На вопросъ слѣдователя: чѣмъ она докажетъ вину евреевъ, Терентьева могла отвѣтить единственно тѣмъ, что она говорила на первомъ слѣдствіи. Но тотъ матеріаль былъ недостаточенъ, и убѣжденный, что ребенокъ былъ принесенъ въ жертву еврейскому изувѣрству, Страховъ сталъ настаивать на „признаніи“ Терентьевой, угрожая ей тяжелой, по закону, карой, если доносъ не будетъ доказанъ, и обнадеживая ее прощеніемъ, если расскажетъ все чистосердечно. И тутъ-то на помощь должно было явиться увѣщеваніе Тарашкевича; искренно ли вѣрилъ онъ, что ребенокъ замученъ евреями, искалъ ли онъ въ процессѣ корыстолюбивыхъ результатовъ для своей церкви, надѣясь, что погибшій ребенокъ станетъ мученикомъ религіи—его увѣщеванія, при зажженныхъ свѣчахъ, надъ евангеліемъ, не могли не оказать воздѣйствія на психическое состояніе Терентьевой.

. То же самое случилось и съ Максимовой, и это религіозное воздѣйствіе на христіанокъ продолжалось во все время допросовъ. Болѣе того, хожденіе женщинъ въ церковь и къ священнику Тарашкевичу для „увѣщеванія“ и происходившія въ это время встрѣчи съ Азадкевичемъ должны были все болѣе и болѣе толкать доносчицъ на путь измышлений. Черная у Азадкевича „фактическія“ данныя по вопросу о ритуальныхъ преступленіяхъ, изложенныя въ его книгѣ, узнавая, вѣроятно отъ него же, свѣдѣнія объ обстоятельствахъ велижскаго событія, женщины находили глубокую нравственную поддержку въ бесѣдахъ со священникомъ; его многократныя увѣщеванія, при исключительной торжественной обстановкѣ, душевно потрясали женщинъ; въ связи съ этимъ психическій міръ Терентьевой и Максимовой, уже распатанный многолѣтнимъ пьянствомъ, сталъ наполняться призраками религіознаго характера; чрезмѣрное религіозное воздѣйствіе перенесло ихъ въ область религіознаго мученичества, и когда онѣ, распростертыя предъ священникомъ на полу, проливали слезы, въ ихъ больное сознаніе проникала страшная, но заманчивая мысль, что онѣ, никому невѣдомыя женщины, призваны осуществить какую-то величавую миссію. И если желаніе „быть въ раю“ (какъ мѣтко выразился одинъ изъ обвиняемыхъ евреевъ), разжигая въ женщинахъ жажду

Подвижничества, заставляло ихъ въ минуту религіознаго экстаза забывать о наказаніи, которое онѣ должны будутъ понести за измышленное соучастіе въ преступленіи, то въ остальное время мысль о наказаніи не должна была ихъ смущать—за мнимое „раскаяніе“ имъ было обѣщано прощеніе.

Къ тому же условія тюремной жизни были для доносчицъ чрезвычайно благоприятны; теплый уголь, хорошее обращеніе, порядочное продовольствіе, изъ котораго не была исключена водка, все это, долженствовавшее, по мысли Страхова, побудить женщинъ къ признанію, создавало въ дѣйствительности обстановку, въ которой женщины, въ особенности нищенка Терентьева, могли охотно „приводить себѣ на память“ все, что угодно.

Изъ какого же однако матеріала свидѣтельницаы создали фантастическую картину преступленія?

Это былъ разнородный матеріаль; меньше всего было того, что женщины сами видѣли, но все же „бѣлыя покрывала“, т. е. талесы, равно какъ „метелочка“ и „лимонъ“, подъ которыми подразумѣвались „эсрегъ“ и „луловъ“, эти предметы фигурировали въ показаніяхъ Максимовой, какъ несомнѣнно знакомые ей по ея 9-лѣтнему пребыванію въ домѣ Цетлинъ; большее мѣсто въ показаніяхъ христіанокъ занимало то, что было вычитано Азадкевичемъ изъ произведенія кровавой литературы и передано имъ во время ихъ хожденія въ церковь (напр., „бочка“, въ которой якобы качали ребенка); кое что доносчицы измыслили по собственной инициативѣ, а извѣстная часть показаній была вырвана у женщинъ допросами Страхова.

Надо думать, что въ дальнѣйшемъ, когда къ допросу были призваны и евреи, Страховъ понялъ, что евреи оклеветаны, но злоба противъ этихъ враговъ Христа или опасеніе за карьеру восторжествовали надъ справедливостью. Однако въ началѣ слѣдствія Страховъ несомнѣнно дѣйствовалъ исключительно въ убѣжденіи, что евреи убили солдатскаго сына; но данныя, которыя женщины вносили въ свои показанія на основаніи собственныхъ свѣдѣній и внушенія Азадкевича, не рисовали картины злодѣянія съ той стороны, которая болѣе всего должна была интересовать слѣдователя. Эти данныя не объясняли, на примѣръ, какимъ образомъ трупъ очутился за городомъ,

не освѣщали результатовъ медицинскаго освидѣтельствованія. И въ этомъ-то случаѣ нужно было воздѣйствіе Страхова. Убѣжденный, что онъ находится на пути къ раскрытію страшнаго преступленія, увѣренный, что женщины дѣйствительно принимали участіе въ злодѣяніи, онъ жадно ловилъ каждое слово, срывавшееся съ ихъ устъ, и, стремясь въ своемъ рвеніи устранить противорѣчія въ показаніяхъ, стремясь связать эти показанія со слѣдственными данными, онъ инстинктивно направлялъ женщинъ на тѣ отвѣты, которые были ему нужны. Но эти невѣжественныя женщины, нравственно потрясенныя выпавшей на ихъ долю тяжелой миссіей, не могли совладать съ обильнымъ матеріаломъ, которымъ онѣ должны были наполнить, точно и подробно, фантастическое событіе; озлобленныя, онѣ клеветали одна на другую, выдумывали, лгали, а между тѣмъ малѣйшее ихъ показаніе вызывало со стороны Страхова новое рвеніе къ допросамъ, усиливало въ немъ желаніе добраться до корня. Доносчицы поневолѣ были теперь самыми покорными слугами Страхова — отступить онѣ не могли, такъ какъ за доносъ имъ грозила суровая кара — и Страховъ въ полномъ смыслѣ слова вымучивалъ у нихъ новыя показанія; онъ самъ объяснялъ медленность слѣдствія тѣмъ, что свидѣтельницы „отъ времени много забыли“, иное „не вполне помнятъ и объ одномъ обстоятельстве“ напоминали иногда другъ другу по нѣсколько часовъ“, и такимъ образомъ и „получались новыя признанія“.

Это была печальная картина того, какъ суевѣріе и предубѣжденіе съ одной стороны и злая воля съ другой ковали цѣпи для ни въ чемъ неповинныхъ людей, и этотъ союзъ темныхъ силъ отнюдь не былъ преднамѣренно заключенъ, эта связь сама образовалась предъ лицомъ униженнаго еврейскаго племени.

Противорѣчія, изобличавшія ложь и клевету Максимовой и Терентьевой, являлись по мнѣнію Страхова, кн. Хованскаго и Шкурина (и многихъ другихъ лицъ, въ руки коихъ впоследствии была отдана судьба подсудимыхъ) естественнымъ результатомъ забывчивости женщинъ и опасенія сказать всю правду; предполагалось, что время стерло подробности злодѣянія въ памяти одурманенныхъ водкою женщинъ (онѣ съ этой цѣлью и говорили, что ихъ опаивали); предполагалось, что за тѣми ужа-

сами и злодѣяніями, которые уже раскрыты свидѣтельницами, скрывается еще большее изувѣрство. И воздѣйствіе на женщинъ продолжалось. Продолжалось и жестокое обращеніе съ евреями...

Г Л А В А V.

Когда допросы христіанокъ были закончены, начались новые аресты среди велижскихъ евреевъ. 28 іюня былъ заключенъ въ тюрьму приказчикъ Шмерки Берлина, 50-лѣтній Иосель Мирласть, а 11 іюля за нимъ послѣдовали братья Шмерки Берлина: Носонъ (жена его, Дворка, спаслась бѣгствомъ изъ Велижа) и Мейеръ, а также братъ Славки Берлинъ, бывшій бургомистръ, Шмерка Гиршевъ Аронсонъ съ женою Басей Лейбовой. Тогда же были арестованы синагогальный сторожъ, горбатый Руманъ Нахимовскій (дядя уже находившагося въ тюрьмѣ Ицки Нахимовскаго), и Фратка Девирць, мужъ которой, Орликъ, былъ еще ранѣе арестованъ.

Такимъ образомъ изъ семьи Шмерки Берлина въ стѣнахъ тюрьмы томились въ это время восемь человекъ¹⁾; конечно, это количественное преобладаніе членовъ семьи Берлина можно объяснить тѣмъ, что по показаніямъ христіанокъ преступленіе было совершено въ домѣ Славки Берлинъ, но представляется возможнымъ предположить, что опустошительные аресты въ семьѣ Берлина были вызваны чувствомъ мести со стороны Страхова: родственникъ Берлиныхъ, Броуда, своими жалобами становился на пути его; вслѣдствіе его прошеній, а также прошеній Беніамина Берлина и другихъ евреевъ, Сенатъ въ мартѣ 1827 г. потребовалъ отъ витебскаго губернскаго правленія объясненія по поводу притѣсненій, чинимыхъ заключеннымъ. Теперь же новые аресты въ семьѣ Берлина побудили Броду еще энергичнѣе хлопотать за заключенныхъ родственниковъ. 8-го августа онъ представилъ новую обширную жалобу въ Сенатъ, и Сенатъ, разсмотрѣвъ въ совокупности всѣ полученныя отъ евреевъ прошенія и донесенія витебскаго губернскаго пра-

¹⁾ Шмерка Берлинъ, его жена Славка, ихъ сынъ Гирша съ женой Шифрой, братья Шмерки: Носонъ и Мейеръ, братъ Славки Шмерка Аронсонъ съ женой Басей, кромѣ умершаго въ тюрьмѣ Гирши Аронсона, зятя Берлина.

вленія, нашель, „многіе изъ произведеннаго по сему дѣлу слѣдствія предметы неясными... а по нѣкоторымъ усматриваетъ отступленіе отъ законнаго порядка“. И въ виду этого въ августѣ 1827 г. Сенатъ послалъ кн. Хованскому указъ, которымъ требовалъ по нѣкоторымъ вопросамъ объясненій, а по другимъ— „исправленія“.

Напомнивъ, что высочайшимъ указомъ 19 марта 1827 г. было повелѣно соблюдать общіе законы и что согласно имъ на окончаніе слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ полагалсямѣсячный срокъ, Сенатъ отмѣчалъ, что, кромѣ объясненія губ. правленія о «многосложности» дѣла, не видно причинъ, по которымъ слѣдствіе такъ долго продолжается. Сенатъ также потребовалъ объясненій по поводу устраненія отъ слѣдствія стряпчаго по уголовнымъ дѣламъ, но особенно подробно остановился Сенатъ на вопросѣ объ истязаніяхъ, причинявшихся евреямъ и о „пристрастіи“.

Дѣло въ томъ, что изъ числа 15 заключенныхъ — 10 человекъ были помѣщены не въ острогъ, а въ частныхъ домахъ и въ „домѣ изслѣдованія“; по этому поводу губ. прокуроръ обратился въ губ. правленіе съ представленіемъ, не будетъ ли это для подсудимыхъ пристрастіемъ. Но губ. правленіе разрѣшило комиссіи и впредь содержать арестованныхъ въ указанныхъ мѣстахъ, но «безъ всякаго для нихъ пристрастія». Тогда члены комиссіи запросили правленіе: дозволить ли родственникамъ доставлять подсудимымъ пищу и посылать ли арестованныхъ евреевъ на работы? Правленіе предоставило разрѣшеніе этого вопроса самой комиссіи, которая и не замедлила запретить родственникамъ подсудимыхъ доставлять пищу и вмѣстѣ съ тѣмъ стала привлекать арестованныхъ къ чернымъ работамъ съ обрѣтіемъ у нѣкоторыхъ половины головы и бороды. И Сенатъ въ своемъ указѣ предписалъ принять мѣры «къ отвращенію сего дѣлаемаго со стороны комиссіи притѣсненія подсудимымъ евреямъ».

Кромѣ того, ставя на видъ, что полиція даже не донесла по начальству о прошеніи евреевъ касательно освидѣтельствованія подсудимыхъ, а Страховъ, вопреки просьбъ евреевъ, не пригласилъ медицинскаго чиновника къ освидѣтельствованію «изму-

ченныхъ», Сенатъ предписалъ освободить арестованныхъ отъ наложенныхъ на нихъ оковъ.

Изъ указа мы узнаемъ между прочимъ, что когда (въ маѣ 1827 г.) Берка Берлинъ просилъ освободить отъ оковъ его больного внука Гиршу Берлина, о чемъ даже штабъ-лѣкарь, сыгравшій печальную роль въ процессѣ, сдѣлалъ представленіе, полиція оставила просьбу безъ вниманія, и возвратила Беркѣ его прошеніе съ отмѣткой, что это дѣлается «за укоризненные изреченія», однако Сенатъ не нашелъ таковыхъ въ представленномъ ему подлинникѣ. Изъ указа видно также, что о нахожденіи Шифры Берлинъ въ домѣ слѣдователя зналъ кн. Хованскій, но все же «съ его стороны сей предметъ по силѣ закона не исправленъ».

Но эти физическія притѣсенія были ничтожны въ сравненіи съ тѣми правонарушеніями, которыя комиссія беззапѣчливо чинила въ отношеніи подсудимыхъ, оставляя въ этомъ отношеніи безъ всякаго вниманія даже высочайшія повелѣнія. Такъ, высочайшее повелѣніе отъ 19 марта гласило, «чтобы евреямъ дозволено было, если имѣютъ надлежащія доказательства о пристрастіи при слѣдствіи, представить оныя Правительствующему Сенату для разсмотрѣнія», но это не было исполнено. Поэтому-то Сенатъ, приводя это повелѣніе, указывалъ, что «слѣдовало самимъ подсудимымъ евреямъ *при депутатъ изъ ихъ сословія* оное Высочайшее повелѣніе объявить съ подпискою и взять отъ каждаго изъ нихъ показанія, были ли имъ (чинимы) таковыя пристрастія, и дозволить объ оныхъ прислать Сенату жалобы», и требуя объясненія по поводу допущеннаго правонарушенія, Сенатъ предписывалъ «все сіе немедленно исполнить и слѣдствіе производить при депутатѣ изъ еврейскаго сословія».

Получивъ этотъ указъ, кн. Хованскій обратился за разъясненіемъ въ комиссію, и изъ представленнаго Страховымъ донесенія явствуетъ, что въ то время, какъ съ благословенія священ. Тарашкевича, доносицы, по рисунку Страхова, вышивали узоры на тѣлѣ велижскихъ евреевъ, самъ Страховъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы евреи движеніями и криками не мѣшали работѣ. Поэтому-то онъ и не сообщил своимъ жертвамъ о томъ, что имъ разрѣшено жаловаться. Страховъ объяснилъ кн. Хованскому, что въ опредѣленіи Сената было ска-

вано, что указъ о высочайшемъ повелѣнїи былъ посланъ губернскому правленію для «свѣдѣнїя» и что объ этомъ повелѣнїи надлежало оповѣстить лишь просителей, т. е. Шмерку Цетлина и Берку Нахимовскаго, «слѣдовательно, объявленіемъ подсудимымъ при депутатѣ изъ ихъ сословія комиссія не только нарушила бы общій порядокъ», такъ какъ «всякое рѣшеніе или распоряженіе правительства объявляется только тѣмъ, кои о чемъ-либо просили или на что-либо жаловались, то и могла бы (т. е. комиссія) неминуемо подвергнуться отвѣтственности за произвольное дѣйствіе, вопреки распоряженію Сената... которымъ предписано было объявить только просителямъ, а не подсудимымъ евреямъ, коимъ никто не могъ запретить самимъ приносить жалобы на пристрастіе»...

Итакъ, распоряженіе высшей власти было исполнено: губернское правленіе приняло къ свѣдѣнїю сообщеніе Сената о предоставленїи евреямъ приносить жалобы; просители были, быть можетъ, оповѣщены о Высочайшемъ повелѣнїи, но все же заключеннымъ отъ этого не стало легче, такъ какъ Страховъ принялъ мѣры, чтобы эта вѣсть не дошла до ихъ слуха: онъ запретилъ приносить домашнюю пищу арестованнымъ, вслѣдствіе чего была пресѣчена возможность сношеній ихъ съ родственниками; съ той же цѣлью онъ заключилъ подсудимыхъ въ разныхъ мѣстахъ.

Однако теперь, когда Сенату стало извѣстно о неисполненїи высочайшей воли, у Страхова явилось опасеніе, что несмотря на хитросплетенное объясненіе, его все же заставятъ объявить подсудимымъ объ ихъ правѣ приносить жалобы, и Страховъ, твердо увѣренный въ благосклонномъ послушанїи Хованскаго, спѣшить доложить ему, что подсудимые вовсе не жалуются на притѣсненїя, но что объявленіе имъ о правѣ приносить жалобы дало бы поводъ „въ надеждѣ избѣжанія заслуженнаго наказанїя изобрѣтать ложныя на счетъ пристрастія показанїя“, и что къ тому же „родственная связь просителей съ арестованными убѣждаетъ безошибочно предполагать, что если они не были участниками“, то „покрайней мѣрѣ, безъ всякаго сомнѣнїя, объ этомъ знаютъ“...

Еще болѣе должно было утрашить Страхова требованіе Сената о допущенїи еврейскаго депутата къ слѣдствію. „Депутата

же изъ евреевъ,—указывалъ Страховъ кн. Хованскому,—слѣдуя сильному ихъ желанію, комиссія не могла и не можетъ допустить къ производству дѣла, какъ потому, что сознавшіеся преступницы въ умерщвленіи солдатскаго сына не всѣхъ участниковъ помнѣть, слѣдовательно весьма легко можетъ случиться, что въ депутаты могъ быть употребленъ участвовавшій самъ въ умерщвленіи ребенка, а если не участвовавшій, то знающій обо всемъ, который и будетъ передавать все тѣмъ преступникамъ, которые еще не взяты подъ стражу, давать свѣдѣнія просителямъ, и не взятые подъ стражу приготовились бы къ ложнымъ показаніямъ или скрылись бы“.

Кн. Хованскій раздѣлилъ опасенія Страхова и, пославъ соотвѣтствующее донесеніе Сенату и одновременно представивъ (22 сентября 1827 г.) такой же докладъ государю, онъ написалъ, впредь до полученія изъ Петербурга отвѣта, продолжать слѣдствіе безъ еврейскаго депутата, „дабы сіе важное дѣло не имѣло остановки“.

Въ своемъ докладѣ государю кн. Хованскій повторилъ то, что говорилъ Страховъ: онъ отмѣтилъ, что объявленіе евреямъ объ ихъ правѣ приносить жалобы на пристрастіе весьма нежелательно, особенно теперь, „когда главнымъ виновникамъ въ умерщвленіи солдатскаго сына даны уже съ сознавшимися въ томъ преступницами очныя ставки“; весьма энергично кн. Хованскій поддержалъ въ своемъ докладѣ также доводъ Страхова противъ допущенія къ слѣдствію еврейскаго депутата, замѣтивъ угрожающе, что въ противномъ случаю комиссія „не ручательствуетъ за могущія быть отъ того послѣдствія.“ Но вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Хованскій внесъ въ донесеніе и кое что новое. Въ этомъ отношеніи характерно, что онъ озаглавилъ докладъ: „О затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ по слѣдствію, производимому въ Велижѣ“. Такимъ образомъ, дѣйствія Сената, направленныхъ къ устраненію противозаконія, кн. Хованскій призналъ за препятствіе, тормозящее слѣдствіе, и именно въ этомъ смыслѣ онъ дополнилъ свой докладъ.

Указъ Сената былъ и Шкуринымъ встрѣченъ весьма недружелюбно. Шкуринъ вообще возсталъ противъ жалобъ евреевъ, съ неудовольствіемъ, но совершенно вѣрно указывая, что евреи почитаютъ велижское дѣло касающимся не однихъ подсудимыхъ,

но всего еврейскаго населенія въ государствѣ, и надо думать, что сообщенный Шкуринымъ слухъ, будто евреи собирали деньги и посылали ходатая въ Петербургъ, былъ справедливъ. Касательно же указа Сената онъ высказалъ въ своемъ донесеніи (24 сентября 1827) на имя начальника гл. штаба цѣлый рядъ соображеній, тождественныхъ съ тѣмъ, что говорилъ Страховъ о „посиломинеудобности“ указа, какъ относительно еврейскаго депутата, такъ и разрѣшенія приносить жалобы. И даже, сообщая о своемъ распоряженіи освободить заключенныхъ отъ оковъ, Шкуринъ отмѣчалъ, что это обстоятельство произвело на свидѣтельницъ столь неблагопріятное впечатлѣніе, что онъ опасается, что онѣ скроютъ неговоренныхъ пока участниковъ преступленія.

Докладъ кн. Хованскаго былъ посланъ въ Петербургъ, а члены комиссіи все еще продолжали волноваться при мысли, что въ ихъ среду можетъ быть назначенъ еврей-депутатъ; поэтому они рѣшили представить кн. Хованскому новое доказательство того, что подобный депутатъ не долженъ быть допущенъ.

Сославшись на старое донесеніе Страхова, въ которомъ указывалось, что присяга евреевъ, какъ свидѣтелей, лишена всякой силы, комиссія писала кн. Хованскому (3 октября 1827 г.), что по присягѣ, которую приносили евреи, „ни одинъ изъ нихъ въ Велижѣ (а можетъ быть и вездѣ) не принималъ настоящей ни на вѣрно-подданничество, ни на вѣрность службы при отправленіи должности, въ которую назначенъ по выборамъ; слѣдовательно, и нельзя ожидать ни отъ одного изъ нихъ ни усердія, ни вѣрности къ службѣ, ни безпристрастія при отправленіи должности, ниже храненія дѣлъ въ тайнѣ, особливо, когда они будутъ касаться до еврея, а еще болѣе, когда по собственному какое дѣло будутъ считать имѣющимъ вліяніе на всѣхъ евреевъ, ибо совершенно ничѣмъ по обрядамъ ихъ вѣры ко всему тому не обязаны“. И къ этому комиссія присовокупила, „что если бы и возможно было допустить къ производимому ею дѣлу депутата изъ еврейскаго сословія, то и тогда онъ не могъ бы быть допущенъ по одному тому уже, что ни одинъ изъ евреевъ ни на вѣрноподданство, ни на вѣрность службы при отправляемой имъ должности настоящей присяги по обрядамъ ихъ вѣры не принималъ и, слѣдовательно, ни къ безпри-

страстию, ни къ храненію дѣла въ тайнѣ ничѣмъ по ихъ вѣрѣ не обязанъ“.

Шкуринъ также нашелъ этотъ доводъ справедливымъ и онъ, съ своей стороны, тогда же (3 октября 1827 г.) ¹⁾ представилъ соотвѣтствующее донесеніе начальнику главнаго штаба, приложивъ копию съ присяжнаго листа, который подписали евреи, выбранные 26 апрѣля 1826 г. на должности городского и сословнаго самоуправленія. Тутъ были: бургомистръ Лесохинъ, ратманъ Іофъ, депутатъ Аронъ, гласный Мейеръ Берсонъ, маклеръ Нохимъ Ельсонъ, оцѣнщикъ Хаимъ Черный, словесный судья Тавель Тавелевъ. Всѣ эти лица въ мартѣ 1827 г. были приведены къ присягѣ въ присутствіи словеснаго судьи Вульфа Якубовскаго, кагальнаго Берлина и головы-христіанина Хрулева, засъдавашаго въ слѣдственной комиссіи.

И сопоставляя съ одной стороны это широкое участіе евреевъ въ городскомъ и сословномъ (торгово-промышленномъ) самоуправленіи (христіанъ было выбрано 11 человекъ), а съ другой стороны отношеніе слѣдственной комиссіи и кн. Хованскаго къ ритуальнымъ обвиненіямъ, можно заподозрить, что вопросъ о присягѣ былъ возбужденъ не только съ цѣлью недопущенія въ комиссію еврейскаго депутата, но и съ тѣмъ, чтобы обратить вниманіе государя (доклады Шкурина сообщались государю) на то, что евреи—этотъ преступный элементъ—играютъ чрезвычайную роль въ общественной и отчасти государственной жизни.

Впрочемъ, это усердіе было уже бесполезно: въ этотъ моментъ вопросъ о депутатѣ былъ рѣшенъ; болѣе того, велиж-

¹⁾ Нѣсколько дней спустя (24 октября) Шкуринъ счелъ нужнымъ донести, что по дошедшимъ до него *слухамъ* „къ евреямъ, захваченнымъ въ рекруты, содержащимся въ одномъ домѣ, отъ общества евреевъ назначены инспекторы или учителя, которые утверждаютъ ихъ въ законѣ“, съ той цѣлью, чтобы рекруты на службѣ не крестились, и что рекруты будутъ приведены къ особой присягѣ, „со внушеніемъ, что принимаемая на вѣрность службы Е. И. В. присяга ничтожна“, такъ какъ она не добровольная, а вынужденная.

Тогда же Шкуринъ донесъ о новомъ признаніи Терентьевой, будто въ 1826 г. евреи вмѣстѣ съ нею убили одну „дѣвку съ озлобленія“, что ихъ выселяли изъ уѣздовъ; этотъ наговоръ не получилъ почему-то хода.

скому процессу было дано новое, исключительное направлѣніе, которое какъ нельзя лучше отвѣчало желаніямъ комиссіи, — но извѣстіе объ этомъ не успѣло еще дойти до нея.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Хованскаго о препятствіяхъ со стороны Сената начальникъ главнаго штаба Е. И. В. 28 сентября надписалъ: „Писать министру юстиціи, что Государь Императоръ, сдѣлавъ особенное порученіе витебскому генераль-губернатору о наблюденіи за правильнымъ и справедливымъ производствомъ сего необыкновеннаго дѣла и пославъ на сей же конецъ собственнаго своего флигель-адъютанта, повелѣваетъ, чтобы Правительствующій Сенатъ, впредь до совершеннаго окончанія сего слѣдствія, оставилъ производство онаго въ полное распоряженіе витебскаго генераль-губернатора по возложенной на него высокой довѣренности, отъ котораго, равно какъ и отъ флигель-адъютанта, Его Величество будетъ получать о ходѣ сего дѣла свѣдѣнія и въ сомнительныхъ случаяхъ Самъ будетъ давать имъ разрѣшенія“.

Въ частности этимъ повелѣніемъ былъ исчерпанъ поднятый Сенатомъ вопросъ о „пристрастіяхъ“ и о еврейскомъ депутатѣ. Все осталось по старому.

Г Л А В А VI.

Какъ безотрадно ни было пребываніе подсудимыхъ въ тюрьмѣ, все же неизвѣстность, въ которой они находились относительно готовящейся имъ судьбы, наряду съ часами отчаянія, дарила, быть можетъ, имъ и минуты надежды; пусть то были и быстротечныя минуты, но и онѣ облегчали ихъ душевныя муки, скрашивали тягость физическихъ лишеній.

Но безнадежное отчаяніе должно было охватить заключенныхъ, когда ихъ стали призывать на очныя ставки со свидѣтельницами. Если Евзикъ Цетлинъ, его семья и близкія ему лица ужасались слушая обвиненія Максимовой, въ теченіе ряда лѣтъ служившей въ ихъ домѣ, изо дня въ день видѣвшей ихъ семейную жизнь, близко знавшей бытъ евреевъ, то въ смертельномъ страхѣ затрепетали тѣ, кто до того даже не видѣлъ свидѣтельницъ, впервые встрѣтившись съ ними въ этотъ тяжелый часъ. Знавшіе Максиму могли апеллировать къ ея сердцу, надѣясь умиротворить ее напоминаніемъ о го-

дахъ совмѣстной жизни подъ одной кровлей; по какой ужасъ должны были почувствовать предъ лицомъ невѣдомыхъ обвинительницъ остальные заключенные, не находившіе около себя ни соломенки, за которую, хотя бы на мгновение, они могли бы ухватиться.

А обвиненіе было такъ ужасно!.. Членъ комиссіи читаль показанія христіанокъ, онѣ подтверждали ихъ наклоненіемъ головы, и предъ несчастными обвиняемыми выростала, казалось, глухая стѣна, которая навѣки хоронила отъ нихъ правду и справедливость. Ихъ, мирныхъ гражданъ, проводившихъ свою трудовую жизнь открыто предъ всѣмъ городомъ, обвиняютъ въ страшномъ до нелѣпости злодѣяніи и вопль страданія, вырывающійся изъ ихъ груди, выкрикиваемое слово самозащиты—это убѣдительнѣйшая противъ нихъ улика.

Число обвиняемыхъ-евреевъ безпрестанно возрастало.

9 ноября 1827 г. были арестованы Рохля Янкелева Фейтельсонъ (43 лѣтъ) и Рохля Рафаилова Ливенсонъ (37 л.); черезъ два дня были заключены подъ стражу: Янкель Черномордикъ (59 л.) съ женою Эстеръ (57 л.); за ними последовали—Абрамъ Кисинъ (35 л.), (Нехама Кисинъ, быть можетъ, жена Абрама Кисина, своевременно скрылась изъ Велижа и этимъ избѣгла ареста); няня Итки Цетлинъ, Риса Мельникова (45 л.), а также псевдо-супругъ новообращенной въ еврейскую вѣру Терентьевой—бабиновецкій мѣщанинъ, учитель Хаимъ Гиршевъ Хрипунъ (39 л.); Хася Ицкова Шубинская (36 л.); Зуся Рудняковъ (31 г.) и его жена Лія Меерова (36 л.), взявшая съ собою въ тюрьму своего ребенка; Ицка Вульфсонъ (34 л.) съ женою Фейгой (34 л.); полоцкій мѣщанинъ Йосель Гликманъ (56 л.), случайно попавшій въ роковые дни въ Велижъ и покинувшій его еще до того, что былъ найденъ трупъ; Ривка Янкелева Берлинъ, бабушка Рохли Ливенсонъ, преклонный возрастъ которой—74 года—могъ бы, казалось, освободить ее отъ заключенія; Итка Цетлинъ (арестована 7 января 1827 г.), которой въ годъ происшествія было всего 14 лѣтъ; Генемелиха Янкелева (19 л.), замужня дочь Черномординовъ; Блюма Нафанова (37 л.); Хайка Черномордикъ (30 л.); Майка Барадулина (61 г.); Лейзеръ Зарѣцкій (51 г.); Ицка Бѣляевъ (54 л.), бывший ратманъ; Нота Прудковъ (4 февр. 1828 г.).

Большинство этихъ лицъ не упомянуты въ показаніяхъ Терентьевой и Максимовой; вѣроятно, они были арестованы лишь потому, что въ качествѣ родственниковъ или слугъ находились въ сношеніи съ семьей Берлиныхъ.

Но особыми обстоятельствами былъ вызванъ арестъ Ноты Прудкова. Повидимому, изъ личныхъ непріязненныхъ отношеній къ кагалу, Прудковъ, человекъ вообще подозрительный, рѣшилъ наклеветать на нѣкоторыхъ велижскихъ евреевъ. Если вѣрить Шкурину, Прудковъ, находясь еще на свободѣ, старался, чрезъ Петрицу, снискать расположеніе Шкурина и однажды онъ ему сообщилъ, что «умерщвленіе есть дѣло евреевъ, но рѣзали-ли или кололи, и для источенія-ли крови убили, не знаетъ» и что въ злодѣяніи участвовали Мейеръ Берсонъ и еще четверо евреевъ; при этомъ, общая все разузнать о дѣлѣ, Прудковъ просилъ Шкурина не арестовывать его. Въ другой разъ Прудковъ передалъ Шкурину, будто «слышалъ ропоть евреевъ на Шмерку Берлина и Евзика Цетлина, что они убили ребенка безъ разрѣшенія другихъ». Когда Прудковъ былъ вызванъ къ допросу въ комиссію, онъ сталъ отрицать, будто говорилъ что-либо противъ евреевъ. Но сомнительно, чтобы Шкуринъ это выдумалъ; надо предположить, что Прудковъ, желая себя спасти, дѣйствительно сдѣлалъ доносъ; но то, что онъ сообщилъ Шкурину не удовлетворило послѣдняго и Шкуринъ арестовалъ его, надѣясь добиться отъ него болѣе точныхъ данныхъ, тогда Прудковъ или раскаялся въ доносѣ, или по другимъ причинамъ отказался отъ своихъ словъ ¹⁾.

Во время этихъ массовыхъ арестовъ былъ заключенъ въ тюрьму (17 ноября 1827 г.) и Абрамъ Катсонъ, по профессіи портной, обвиненный въ «подговариваніи и въ подкупѣ увѣщателя при слѣдствіи свящ. Тарашкевича къ наклоненію доказательницъ показывать при изслѣдованіи въ пользу евреевъ». Катсонъ говорилъ, что по порученію Гирши Берлина и его жены Шифры, онъ приходилъ къ Тарашкевичу и просилъ его убѣждать христіанокъ говорить правду, но Тарашкевичъ утверждалъ, что онъ пытался его подкупить...

¹⁾ Вообще доносъ Прудкова представляется неяснымъ по своему содержанію и непонятнымъ по цѣли, которую преслѣдовалъ Пруд-

Обвиняемые тяжело страдали на очных ставках; на показанія христіанокъ они могли отвѣчать лишь однимъ: хотя и упорнымъ, но все же голословнымъ отрицаніемъ своей виновности; обвиненіе застало евреевъ въ ихъ повседневной обычной жизни, въ ихъ домашней обстановкѣ и они, какъ сами заявляли слѣдователямъ, были лишены возможности представить въ свою пользу какія либо «доказательства».

Что же могли говорить евреи при такихъ условіяхъ въ свою защиту? Если слѣдователь не придавалъ никакого значенія столь простому и понятному объясненію, что если бы они дѣйствительно умертвили ребенка, то во всякомъ случаѣ не призвали бы христіанокъ въ свидѣтельницы преступленія, не бросили бы трупа въ открытомъ мѣстѣ и вообще не вывозили бы его за три версты отъ города, такъ какъ дома нашлось бы довольно мѣста для сокрытія ребенка,—то какими смѣшными должны были казаться слѣдователю увѣренія, что кровь евреямъ не нужна, или наивное заявленіе Ицки Вульфсона, Лейзера Зарѣцкаго и Хаима Хрипуна, что ни въ одной еврейской книгѣ они никогда не прочитали, чтобы изъ человѣческой крови можно было дѣлать какое либо употребленіе.

Къ тому же чуть ли не каждому слову евреевъ слѣдователи придавали значеніе самообвиненія.

Когда Терентьева бросила Ицкѣ Бѣляеву замѣчаніе, что у нея до сихъ поръ болятъ ноги отъ горячихъ сковородъ, на которыя ее ставили во время обращенія въ еврейство, онъ ее иронически спросилъ: «Въ три года твои обожженные ноги не могли зажить», и это, по словамъ слѣдователя, «давало право не сомнѣваться въ участіи его въ преступленіи». А когда пораженный обвинительнымъ натискомъ со стороны Максимовой, Девирецъ завопилъ что «по доказательствамъ Максимовой надо кричать «гвалтъ», потому что она можетъ сказать, что онъ и еще кого нибудь загубилъ», слѣдователь замѣтилъ, что Орликъ

ковъ. Находясь въ тюрьмѣ, Прудковъ объявилъ, что имѣетъ сообщить нѣчто кн. Хованскому, но когда его привезли въ Витебскъ онъ ничего новаго не показалъ. Во время допросовъ онъ то защищалъ евреевъ отъ навѣта, то говорилъ, будто источеніе крови это скорѣе дѣло богатыхъ евреевъ. Въ тюрьмѣ онъ замышлялъ креститься, но не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

Девирць предвидѣлъ, что Максимова сообщитъ о другихъ его преступленіяхъ, какъ это въ дѣйствительности потомъ и произошло.

И даже заявленіе Хаима Хрипуна, что Терентьева лжетъ, говоря, будто онъ съ ней спалъ, «ибо сіе противно еврейскому закону и ни одинъ еврей не можетъ быть на одной кровати съ другой женщиной, кромѣ своей жены», а на Марьѣ, увѣрялъ Хрипунъ, онъ никогда не былъ женатъ и «втубы съ ней кагалный писарь не писалъ»,—даже это возмущеніе, столь естественное въ простомъ набожномъ евреѣ и, конечно, недоступное пониманію слѣдователя, должно было послужить уликой противъ Хрипуна.

Убѣждая одного подсудимаго признаться въ злодѣяніи, такъ какъ въ этомъ случаѣ его ждетъ прощеніе, Шкуринъ услышалъ въ отвѣтъ: «Если бы самъ государь сказалъ это евреямъ, такъ они вѣрно бы признались», и эти слова, выражавшія недоувѣріе къ Шкурину, и даже насмѣшку надъ его желаніемъ хитростью вырвать сознаніе, даютъ Шкурину поводъ писать начальнику штаба: «Не ясно ли признаніе, что умерщвленіе солдатскаго сына дѣло евреевъ».

Когда члены комиссіи пытались склонить Евзика Цетлина къ признанію, такъ какъ три сообщницы уличаютъ его «смѣло и подробно», то Цетлинъ, по словамъ слѣдователя, «будто чего то испугавшись, отвѣтилъ: «я самъ знаю, что онѣ смѣло говорить могутъ», но опомнившись, сталъ говорить другое».

О, въ этихъ словахъ Цетлина не было самообвиненія, какъ хотѣли думать слѣдователи. Не только Евзикъ Цетлинъ, но и другіе евреи знали, что женщины могли говорить „смѣло и подробно“. Если одни обвиняемые заявляли въ комиссіи, что христіанки „научены“ и при этомъ указывали на Азадкевича, какъ на подстрекателя, то Мейеръ и Носонъ Берлины имѣли смѣлость заявить во всеуслышаніе въ комиссіи, что учителемъ доносчицъ былъ самъ Страховъ, и именно зная отношеніе Страхова къ процессу, Евзикъ Цетлинъ смущенно пробормоталъ на очной ставкѣ, что женщины могутъ говорить „смѣло и подробно“.

По этой же причинѣ обвиняемые выражали надежду, что

дѣло перейдетъ въ судебное мѣсто и тамъ откроется правда. Страховъ это зналъ. „Здѣсь мы правды не увидимъ,—сказала Хася Шубинская,—а надѣмся на Бога, что правда откроется“, и Страховъ, записывая эти слова, отмѣтилъ, что они указываютъ на „общую надежду евреевъ на переслѣдованіе дѣла“ и что обвиняемые рассчитываютъ, что христіанки, напуганныя на очныхъ ставкахъ ихъ угрозами, откажутся въ судебномъ мѣстѣ отъ своихъ прежнихъ показаній.

Но эта надежда на торжество правды, которую евреи дѣйствительно раздѣляли, не могла сохранить въ заключенныхъ стойкость и бодрость духа. Еще до того, какъ начались очныя ставки, нѣкоторые изъ евреевъ подверглись тяжкимъ нервнымъ заболѣваніямъ. О „сумасбродствѣ“ Еввика Цетлина, бившагося съ необычайной силою въ конвульсіяхъ, было произведено особое слѣдствіе. Ицка Нахимовскій, находившійся въ теченіе двухъ лѣтъ, повидимому, въ одиночномъ заключеніи, сталъ часто пугаться, а когда его перевели въ другую камеру, съ окнами во дворъ, онъ, боясь умереть въ тюрьмѣ, бросился бѣжать по улицѣ и затѣмъ остановился, никѣмъ не преслѣдуемый; онъ, вообще, походилъ на сумаспешаго, но лѣкаръ Левенъ нашель, что это притворство.

Теперь же, на очныхъ ставкахъ, муки евреевъ получали порою весьма бурное проявленіе, и малѣйшее отраженіе этихъ душевныхъ страданій на лицахъ подсудимыхъ слѣдователи отмѣчали въ протоколѣ, какъ несомнѣнную противъ нихъ улику.

Славка Берлинъ на очныхъ ставкахъ съ Максимовой отвѣчала „съ совершеннымъ остервенѣніемъ и злобою, явнымъ образомъ обнаруживающими участіе ея въ преступленіи“ и комиссія, „желая воспользоваться ея положеніемъ, убѣждала ее къ сознанію замѣченными въ ней измѣненіями въ лицѣ и судорожными въ ономъ движеніями и дабы дать ей почувствовать замѣченныя въ ней измѣненія, заставила ее посмотреть въ зеркало“, но и за всѣмъ тѣмъ, — меланхолически поясняя комиссія, — Славка Берлинъ утверждала, что все показанное на нее одна ложь“. Лицо Ханны Цетлинъ также было покрыто блѣдностью и она вся дрожала во время очныхъ ставокъ, а Еввикъ Цетлинъ, какъ и нѣкоторые другіе, находясь въ помѣщеніи допроса, все время боязливо озирался, какъ

бы опасаясь, что кто то войдетъ. Гирша Берлинъ, которому было, вѣроятно, извѣстно, что его жена Шифра находится въ полной власти слѣдователя, содержась у него отдѣльно отъ другихъ, „быль блѣденъ и ломаль закинувши назадъ руки, въ лицѣ его были примѣтны конвульси“; а Шифра, которой было суждено кончить свою молодую жизнь въ тюрьмѣ, на очной ставкѣ съ Терентьевой „поблѣднѣвши, еле держалась на ногахъ и, ослабѣвая видимымъ образомъ, начала отъ изнеможенія опустаться на полъ, но, услышавъ отвѣтъ Терентьевой, что она ея вовсе не знала, мгновенно оправилась“; на очныхъ же ставкахъ съ другими доносчицами Шифра „измѣнявшись безпрестанно въ лицѣ, вздыхала, плакала и смѣялась, трясясь всѣмъ корпусомъ“.

При такомъ болѣзненномъ душевномъ и физическомъ состояніи подсудимые, конечно, не могли владѣть собою; они даже пугались кусочка краснаго холста, который подносилъ имъ Страховъ, говоря, что это тотъ самый холстъ, моченный въ крови ребенка, который былъ переданъ въ синагогѣ Терентьевой и теперь найденъ въ домѣ, гдѣ она когда-то жила. Но особенно волновало евреевъ дерзкое обращеніе съ ними виновницъ ихъ несчастія; слѣдователи это знали, и они понуждали евреевъ стоять лицомъ къ лицу съ обвинительницами и выслушивать ихъ показанія. А несчастныя доносчицы, пьяныя-ли или растроганныя важностью миссіи, проливали горькія слезы и, увлеченныя своей ролью соучастницъ, своей мнимой близостью къ евреямъ, особенно вызываяще держались въ отношеніи тѣхъ, отъ которыхъ раньше, до тюрьмы, онѣ были болѣе всего далеки,—онѣ приближались къ нимъ вплотную и бросали имъ смѣлыя обвиненія. И тогда велижскіе мученики то вспыхивали неудержимымъ гнѣвомъ, то вдругъ смиряться и, разбитые духомъ и тѣломъ, умолкали и никли головой.

Когда Терентьева вошла въ комнату для очной ставки, Евзикъ Цетлинъ, по словамъ слѣдователей, „взглянувъ на нее, измѣнился въ лицѣ, покрывшемся сильною блѣдностью, и, встревоженный, увѣрялъ дрожащимъ голосомъ, что онъ ея отъ роду не видалъ; потомъ, при сильныхъ уликахъ, Терентьева, обливаясь слезами, рыдала, и какъ Евзикъ Цетлинъ отпирался, то Терентьева, положивши ему руку на грудь, которою тронула

его бороду», спросила его: „и ты правду говоришь?“ Тогда онъ закричалъ на нее: „зачѣмъ ты бороду дерешь“, и прибавилъ робко: „я не говорю, что я правду говорю, я говорю только, что ничего не знаю“. Съ такими же крокодиловыми или пьяными слезами Терентьева отвѣчала Славкѣ Берлинъ, кричавшей, что не знаетъ ея: „Какъ ты Бога не боишься, Славка; запираешься, что не колола мальчика. Ты, какъ тогда говорила, что отъ всего отопрешься, такъ и дѣлаешь“. Мейеръ Берлинъ также при входѣ Терентьевой, звѣрски взглянувши на нее, съ конвульсіями въ лицѣ, говорилъ: „ты меня никогда не знала и я тебя никогда не зналъ“, но Терентьева смѣло возразила: „ты меня зналъ, какъ я была Сорою“, и Мейеръ Берлинъ, «поблѣднѣвши, отошелъ къ стѣнѣ, оперся на оную спиною и ломавши руки или подергивая бороду, со слезами на глазахъ, говорилъ „Какъ ты можешь это говорить. Этого никогда на свѣтѣ не было, ты сама ничего не знаешь, ты научена“.

Повидимому, семья Евзига Цетлина надѣялась склонить Максимова и ея дочь Желнову къ правдѣ, но эта надежда не оправдалась. Напрасно Евзикъ Цетлинъ умолялъ Максимова сознаться, что она не видѣла въ его домѣ солдатскаго сына, — Максимова стояла на своемъ и оцѣ въ изступленіи говорилъ, что не въ силахъ „воздержаться отъ злости“, такъ какъ если Максимова можетъ ему „драть глаза“, то всякому другому „совсѣмъ ихъ выдереть“; напрасно обращался онъ со слезами на глазахъ къ Желновой, говоря ей: „Ты зачѣмъ пришла, ты что знаешь, ты что видѣла, ты что станешь говорить? Мать твоя старуха, ей не долго жить на свѣтѣ, ты не знаешь, что тебѣ за это будетъ“. Столь же тщетна была мольба Итки Цетлинъ къ Максимовой: „вспомни, что я на твоихъ рукахъ выросла“, Максимова громила ее обвиненіями и ошеломленная дѣвушка говорила, что если бы сама не слыхала всего сказаннаго Максимовой, то никогда не повѣрила бы, что Максимова способна на такую клевету. А слѣдователи въ это время записывали, что Итка Цетлинъ „кромѣ собственныхъ увѣреній ничего представить не можетъ къ оправданію своему и доказательства во лжи Максимовой“.

При видѣ трогательнаго союза между комиссіей и доносчицами нѣкоторые подсудимые впадали въ глубокое отча-

яніе и, вѣроятно, въ такую минуту Фейга Вульфсонъ заявила полиціймейстеру о своемъ желаніи принять христіанскую вѣру, надѣясь, что подобный благочестивый актъ освободитъ ее отъ каторги. Но когда отъ могилевскаго и волынскаго епископа получилось разрѣшеніе на вступленіе ея въ христіанство, она отказалась отъ своего намѣренія. Въ глубокомъ отчаяніи былъ также Янкель Черномордикъ; на допросѣ, по словамъ слѣдователя, онъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ; при „сильныхъ“ уликахъ Максимовой весь дрожалъ и говорилъ: „Это бѣда, это напасть, Богъ знаетъ, что она говоритъ“; наконецъ упалъ на колѣни предъ присутствующими и повторялъ: „помилуйте, помилуйте“. Минуты тяжкаго испытанія выпали и на долю Румана Нахимовскаго; не зная, какъ защититъ себя отъ обвиненій Терентьевой, онъ съ ужасомъ думалъ, что его ожидаетъ смертная казнь. „Ты врешь, — отвѣчалъ онъ Терентьевой, — ты говоришь сіе научена, кровь евреямъ не нужна. Я знаю, что надобно умирать... и, какъ будто забывшись, — такъ описываетъ сцену слѣдователь, — смотрѣвши внизъ, со слезами на глазахъ, говорилъ: „Я не могу этого сказать, я не могу этого говорить, надобно умирать“. Въ освѣщеніи слѣдователя эти слова указывали лишь на нежеланіе сознаться въ совершенномъ преступленіи, но въ дѣйствительности то была твердая рѣшимость не принять на себя вины даже для спасенія жизни.

Болѣе устойчивымъ оказался Ицка Нахимовскій, здоровье котораго однако уже было расшатано пребываніемъ въ тюрьмѣ. Требуя, чтобы его показаніе было записано слово въ слово, онъ говорилъ Шкуруину, что у него, Нахимовскаго, остались три вещи въ полномъ здравіи: память, языкъ и душа. „Память его будетъ помнить, языкъ будетъ говорить, душа сказывать правду на счетъ его обиды, его мученій, насчетъ всего дѣла; хотя дѣло до него не касается, но онъ можетъ ратовать (т. е. спасать) людей, а человѣкъ дорогъ Богу, какъ и государю. Долгъ его говорить, окромѣ, что онъ самъ обдумался, что его Богъ мучитъ другой годъ, а Богъ, вишь, знаетъ его правду, видно для того его мучитъ, чтобы государь узналъ его правду“...

Еще большую твердость проявилъ Хаимъ Хрипунъ. Онъ говорилъ, что такъ какъ Терентьева показываетъ неправду, то

онъ „просить Бога, чтобы она была жива и чтобы слѣдствіе перешло въ другія руки, ибо будетъ время, что она, если не въ комиссіи, то въ другомъ мѣстѣ, скажетъ правду, а если Терентьева умретъ, тогда пропали евреи, потому что правда не найдется: ибо Богъ и государь хотятъ правды, а комиссія хочетъ сдѣлать правдою показываемое Терентьевой, и если бы онъ каждый день могъ говорить комиссіи, то всегда говорилъ бы то же, что Терентьева говоритъ неправду, дѣйствительность чего могутъ засвидѣтельствовать всѣ безъ изъятія живущіе въ разныхъ государствахъ евреи и всякій изъ сихъ, такъ-же, какъ и онъ, согласится дать себя повѣсить, потому что показанія Терентьевой противны закону. Относительно же себя онъ вовсе не боится, что сидитъ въ острогѣ, потому что видно такъ угодно Богу, а отъ Бога надобно принимать и хорошее, и худое, онъ лишь опасается, что такъ какъ не знаетъ хорошо русскаго языка, то пишутъ ли въ комиссіи, что онъ говоритъ, ибо въ комиссіи нѣтъ евреевъ“.

Г Л А В А VII.

Между тѣмъ, пока обвиняемые переносили муки заключенія и очныхъ ставокъ, для нихъ и для другихъ евреевъ, пользовавшихся еще свободой, приуготовлялись, волею Терентьевой и Максимовой, новыя испытанія.

Еще въ апрѣлѣ 1827 г., подтвердивъ стряпчему при «священникѣ-увѣщателѣ» свои прежнія показанія по дѣлу объ убійствѣ солдатскаго сына, Терентьева вдругъ объявила, что давъ на исповѣди слово священнику открыть всю правду, она сознается и въ другихъ преступленіяхъ, совершенныхъ ею совместно съ евреями!

По ея словамъ, на другой годъ послѣ нашествія французовъ, Мирка, у которой она по временамъ работала, попросила ее достать христіанскаго мальчика. Вскорѣ послѣ этого, она встрѣтила на рынкѣ крестьянку Настасью съ двумя сыновьями; Мирка кое-что купила у мальчиковъ и затѣмъ велѣла Терентьевой отвести ихъ въ ея домъ; вслѣдъ затѣмъ Шмерка Берлинъ увелъ мальчиковъ оттуда, а на другой день сказалъ Терентьевой, что нужно дѣтей убить, чтобы достать кровь, «безъ которой евреи не могутъ жить». Терентьева пробыла съ дѣтьми три дня, въ

теченіе которыхъ ихъ хорошо кормили (о солдатскомъ сынѣ Терентьева говорила, что его въ теченіе нѣсколькихъ дней не кормили, но это потому, что согласно медицинскому свидѣтельству желудка его былъ пустъ), а потомъ при участіи Орлика и многихъ другихъ евреевъ мальчиковъ положили въ бочку «головами врозь» и качали часа три или болѣе, затѣмъ подвергли обряду обрѣванія, отнесли въ большую синагогу и тамъ, напоивъ чѣмъ то, чтобы не кричали, стали колоть «свѣтлымъ острымъ желѣзомъ», пока мальчики не умерли; потомъ, обмывъ ихъ, такъ что въ ранкахъ не осталось крови, Орликъ и Терентьева, въ сопровожденіи Шмерки Берлина, унесли и бросили ихъ въ Двину. Добытая кровь была разлита въ бочки и бутылки, но Терентьева отказалась развезти ее. Съ тѣхъ поръ Терентьева, говоря ея словами, «стала извѣстна евреямъ», и она доставила имъ (въ 1817 г.) еще одну жертву, дворянку Дворжецкую.

Объ этомъ происшествіи Терентьева сообщила страпчому въ тотъ же день, когда заявила объ умерщвленіи двухъ мальчиковъ. По разсказу Терентьевой, она какъ-то встрѣтилась съ Дворжецкой у мѣщанина Сидора, который угостилъ ихъ и онѣ обѣ опьянѣли. Возвращаясь домой, Терентьева вспомнила, что еврей Габель и его жена, просили привести къ нимъ Дворжецкую; она завела ее къ нимъ и Габель, напоивъ ихъ пьяными, вмѣстѣ съ евреемъ, жившимъ въ угольномъ домѣ, и 4 другими евреями, отвели Дворжецкую въ школу; тамъ были еще 5 евреевъ и среди нихъ Орликъ. Дворжецкую раздѣли, поставили въ бочку, поднятую посредствомъ веревки на полтора аршина отъ земли, и качали три часа; потомъ Дворжецкую положили на полъ и начали бить по щекамъ, перевязали ноги ремнемъ, а затѣмъ кололи. Уже мертвую, ее положили въ телѣгу и отвезли за городъ, гдѣ и бросили въ сторонѣ отъ дороги; здѣсь на ея трупъ навалили сосну (по словамъ Терентьевой, ей сообщилъ объ этомъ Орликъ) и подъ этой сосной, заявила Терентьева, «на слѣдующую весну нашли руку, голову и косу».

А спустя самое короткое время послѣ этого признанія Терентьевой, Максимова также заявила Шкурину, что она еще не все разсказала объ умерщвленіи солдатскаго сына и что она

участвовала въ убіеніи двухъ крестьянскихъ мальчиковъ, т. е. тѣхъ, о которыхъ сообщила Терентьева.

Такимъ образомъ, не проронивъ ни слова объ этомъ преступленіи въ теченіе полугодового пребыванія въ тюрьмѣ, обѣ женщины вдругъ одновременно заявляютъ о немъ, при чемъ Терентьева обращается съ признаніемъ къ стряпчему а Максимова къ вновь прибывшему Шкурину,—такимъ путемъ предполагалось несомнѣнно внушить Шкурину довѣріе къ слѣдственной комиссіи.

Вызванная въ присутствіе, Максимова заявила (30 мая), что «приходя время отъ времени въ большее раскаяніе и желая очистить совѣсть свою», она рѣшила рассказать о давнемъ преступленіи. Впрочемъ, Максимова описала событіе нѣсколько иначе, чѣмъ Терентьева, при чемъ добавила, что Мирласъ тогда же обратилъ ее въ еврейскую вѣру. (Для чего же ее вновь обратили—по ея словамъ—въ еврейство въ 1823 г.?).

Получивъ эти свѣдѣнія, комиссія обратилась къ кн. Хованскому за разрѣшеніемъ разслѣдовать вновь обнаруженные преступленія. А въ это время (15 сентября 1827 г.) Шкуринъ увѣдомилъ комиссію, что когда онъ обходилъ арестованныхъ, Терентьева заявила ему еще о другихъ случаяхъ еврейскаго изувѣрства.

Терентьева показала, что спустя годъ или два послѣ умерщвленія Дворжецкой, около 1819 г., Орликъ отвезъ ее въ корчму Семичево, къ еврею Шолому, куда вскорѣ пришли двѣ дѣвочки; одна, старшая, вскорѣ ушла, а младшую отвели въ особую каморку. На третій день (Терентьева спустя 8 лѣтъ помнила, что это было въ среду) пріѣхали Орликъ, Поселенный, Шмерка Берлинъ, Гирша Берлинъ, Евзикъ Цетлинъ и Максимова; тогда дѣвочку раздѣли, напоили чѣмъ-то изъ серебряной ложечки, чтобы не кричала, обрѣзали ногти, перевязали ноги, качали въ бочкѣ около трехъ часовъ, потомъ кололи острымъ свѣтлымъ желѣзомъ, и, наконецъ, обмывъ и одѣвъ, бросили въ колодезь. Послѣ этого всѣ развѣхались.

Максимова съ своей стороны подтвердила это новое показаніе Терентьевой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она добавила, что въ тотъ же день была умерщвлена и другая какая-то дѣвочка, приведенная къ еврею Шолому прислугой Θεодосіей, и что оба трупа

Терентьева отвезла вмѣстѣ съ евреями. При этомъ кромѣ лицъ, указанныхъ Терентьевою, при злодѣяніи присутствовали, по словамъ Максимовой, Ханна Цетлинъ, Славка Берлинъ, Йосель Мирласъ, Шмерка Аронсонъ съ женою Басей и еще пять евреевъ и четыре еврейки.

Тогда же Максимова показала, что она вмѣстѣ съ евреями и Терентьевою совершила, кромѣ вышеупомянутыхъ, еще убійство двухъ мальчиковъ въ корчмѣ по Смоленской дорогѣ, и съ тѣми же лицами надругалась надъ похищеннымъ изъ церкви антиминомъ (полотенце, на которомъ ставится сосудъ со св. дарами).

Отвѣчая любезностью на любезность, Терентьева съ своей стороны заявила, что рассказъ Максимовой объ убійствѣ въ тотъ же день второй дѣвочки совершенно вѣренъ, и при этомъ описала событіе иначе, чѣмъ при первомъ показаніи. Такъ, по новой версіи оказалось, что обѣихъ дѣвочекъ бросили въ рѣку, а раньше Терентьева заявила, что первую дѣвочку бросили въ колодезь.

Съ тою же предупредительностью Терентьева подтвердила свое участіе въ умерщвленіи двухъ мальчиковъ въ корчмѣ, по Смоленской дорогѣ, впервые разоблаченномъ Максимовой. Она сообщила, что послѣ описаннаго умерщвленія двухъ дѣвочекъ, на второй или третій годъ, еврей Зейликъ, жившій въ брусованской корчмѣ, пріѣхавъ въ Велижъ, потребовалъ ее къ Еввику Цетлину, который со многими евреями и Максимовой уговорили ее ѣхать въ корчму; она согласилась и отправилась къ одному еврею, жившему вблизи корчмы, за находившимися у него двумя мальчиками... *и двумя дѣвочками...*

Тутъ у бѣдной Терентьевой умъ за разумъ зашелъ отъ обилія смертоубійственныхъ происшествій. Максимова призналась въ убіеніи двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, и такъ какъ объ этихъ дѣвочкахъ Терентьева уже раньше повѣдала, ей оставалось теперь отобрать у корчмара лишь двухъ мальчиковъ; но она потеряла счетъ жертвамъ, противорѣчія же въ описаніи обстановки и картины убійствъ никого въ комиссіи не смущали, и вотъ, кромѣ прежнихъ дѣвочекъ, въ фантастическій мартирологъ христіанскихъ дѣтей включаются еще новыя двѣ дѣвочки-мученицы.

Какъ бы то ни было, Терентьева, по ея словамъ, отобрала у еврея двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ и привела ихъ въ

кормчу, а здѣсь они послѣдовательно были замучены и трупы ихъ брошены въ рѣку.

Такое потрясающее злодѣяніе могло, казалось, сохраниться въ памяти соучастницѣ до мельчайшихъ подробностей, а между тѣмъ Максимова, указавъ, между прочимъ, на новыхъ соучастниковъ: русскую работницу Агафью Демидову и еврея Нохима Дукаровскаго, заявила, что дѣти были не брошены въ воду, какъ говорила Терентьева, а зарыты въ землю, — „вврѣзавъ дернъ, вырыли яму и зарыли туда дѣтей“, — и что она могла бы показать это мѣсто...

Но этими признаніями фантазія Терентьевой и Максимовой не была еще исчерпана. Пресыщенные, вѣроятно, кровавыми выдумками, онѣ открыли новыя еврейскія преступленія, не столь звѣрскія, но не менѣе тяжело караемыя. Терентьева сообщила, что послѣ умерщвленія солдатскаго сына, Шмерка Берлинъ и Евзикъ Цетлинъ попросили ее (значить тогда, когда они знали что Терентьева обвиняла евреевъ въ убіеніи солдатскаго сына) принести изъ церкви св. тайнъ, но она отказалась, боясь Сибири. Максимова-же, по словамъ Терентьевой, однажды, приобщаясь, выпустила св. тайны изо рта въ платокъ и доставила ихъ евреямъ. Но спустя нѣсколько времени, на новомъ допросѣ «послѣ священническаго увѣщеванія, надъ евангеліемъ, при зажженныхъ свѣчахъ, долго лежавшая ницъ на полу Терентьева, мучившись безпрестанно совѣстью, видя весьма часто представляющихся ей умерщвленныхъ младенцевъ, чистосердечно раскаялась» и заявила, что Максимова не одна, а вмѣстѣ съ ней, Терентьевой, еще до похищенія солдатскаго сына, выложили, причащаясь, св. тайны въ платокъ и принесли Ханнѣ Цетлинъ; на другой день собрались евреи и напоили Терентьеву и Максиму до пьяна, потомъ замѣсили св. тайны въ изготовленное тѣсто и сдѣлали булки, и Терентьева, по требованію Орлика, вынула мякину и бросила ее въ огонь, а корку кололи, сѣкли связанными прутьями, топтали ногами...

Въ слѣдующемъ году Терентьева, по ея словамъ, дважды приносила евреямъ св. тайны. ¹⁾

¹⁾ Пикульскій въ своей книгѣ „Злость жидовская“ рассказываетъ со словъ знаменитаго въ своемъ родѣ Серафимовича, крещен-

Наконецъ, свидѣтельницы сообщили, что евреи совершили еще одно святотатство. Послѣ убійства солдатскаго сына Шмерка Берлинъ, Евзикъ Цетлинъ, Орликъ и Поселенный попросили Терентьеву украсть въ церкви полотенце, на которомъ на престолѣ ставится сосудъ со св. дарами (антиминсъ), предупредивъ ее при этомъ, что если она проговорится, то умретъ; поэтому-то, боясь смерти, она до сихъ поръ не признавалась (!); и вотъ, однажды Ханна Цетлинъ послала ее съ водкой къ священнику: выпивъ водки, священникъ отправился въ церковь и Терентьева, воспользовавшись этимъ моментомъ, украла антиминсъ, который передала Руману Нахимовскому. Евреи въ синагогѣ надругались надъ антиминсомъ, топтали его и сожгли. Максимова подтвердила сообщеніе Терентьевой, но описала это поруганіе иначе...

Допросы Терентьевой въ комиссіи по вновь обнаруженнымъ преступленіямъ продолжались двѣ недѣли (объ антиминсѣ Терентьева сообщила мѣсяць спустя). Шкуринъ понималъ, что для главной «соучастницы» это нѣсколько долгій срокъ и онъ счелъ не лишнимъ объяснить (30 сентября) начальнику главнаго штаба, что „отъ времени содѣланныхъ преступленій прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе коихъ Марья Терентьева, забывши многія относящіяся къ происшествіямъ обстоятельства, съ трудомъ вспоминала, смѣшивала одно преступленіе съ другимъ во времени и участвовавшихъ въ оныхъ лицахъ». А кн.

наго еврея, автора злобнаго клеветническаго произведенія, что евреи дважды въ годъ покупаютъ у христіанъ св. тайны. Самъ Серафимовичъ, по его утвержденію, однажды „уговорилъ христіанскую дѣвку . . . дабы она ему приносила св. тайны, и когда онъ спрашивалъ: какимъ образомъ доставала, она отвѣчала ему, что принявъ отъ священника тайны, падала ницъ лицомъ, дабы выбросить ихъ изо рта въ руку, и спрятавъ оныя, приносила ему. Таковую услугу,—продолжалъ Серафимовичъ,—не только одна моя служанка дѣлала для меня, но и для прочихъ жидовскихъ старшинъ дѣлаютъ то же самое служащія у нихъ женщины“. Затѣмъ, рассказывая о поруганіи евреями св. тайнъ, Серафимовичъ говоритъ, что „рабыни и старшины обязаны колоть тайны особенными ножами, которыми ничего другого не дѣлаютъ“, а церемонію поруганія онъ заключаетъ тѣмъ, что „св. тайны ввергаютъ въ огонь, или въ воду, или въ навозъ для сожженія“.

Хованскій, съ своей стороны, писалъ государю по поводу вновь обнаруженныхъ преступленій, что признаніе христіанокъ «было слѣдствіемъ многократныхъ священническихъ увѣщаній».

Такимъ образомъ мы видимъ, что о новыхъ злодѣяніяхъ Терентьева и Максимова показали при той же внушительной обстановкѣ, при которой онѣ приняли на себя вину въ умерщвленіи солдатскаго сына, при которой онѣ набросали первые эскизы столь мастерски разработанной впоследствии картины фантастическаго событія. Комmissія не измѣнила прежнихъ условій слѣдствія; свидѣтельницы продолжали посѣщать Тарашкевича; какъ и раньше, священникъ увѣщевалъ ихъ при зажженныхъ свѣчахъ. Петрица и Азадкевичъ, ходившіе до того времени къ одному Страхову, получили теперь доступъ въ комиссію и новыя лица, вступившія въ составъ комиссіи, усугубили ту атмосферу суевѣрія, предубѣжденія и злобы, въ которой прежде дѣйствовалъ одинъ Страховъ. Если раньше христіанки имѣли предъ собою одного Страхова, упорно требовавшаго отъ нихъ «признаній», если до этого онъ одинъ ихъ гипнотизировалъ и водилъ по пути клеветы, то теперь женщины увидѣли себя окруженными новыми подобными слѣдователями, столь же чуткими къ каждому слову доноса, столь же глухими къ противорѣчіямъ, несообразностямъ и явной лжи. Да и самъ Страховъ, какъ надо думать, дѣйствовалъ теперь руководимый не однимъ лишь предубѣжденіемъ, но и злымъ умысломъ: онъ долженъ былъ скрыть правду, которую несомнѣнно успѣлъ уже разглядѣть.

Къ тому же, говоря о новыхъ злодѣяніяхъ, христіанки пользовались старымъ матеріаломъ. То же желѣзо, вродѣ гвоздя; тѣ же ремни, которыми связывались ноги жертвы; то же качаніе въ бочкѣ около трехъ часовъ — все это, удачно примѣненное къ солдатскому сыну, съ успѣхомъ было примѣнено и къ новымъ жертвамъ.

Число послѣднихъ, въ сущности, могло быть безсчетно, такъ какъ не было никого, кто бы цоложилъ имъ предѣлы.

Мальчики и дѣвочки умерщвлялись въ людныхъ мѣстахъ, но родители и родные не справлялись, куда исчезали дѣти, — а слѣдственная комиссіа не останавливалась надъ этимъ

страннымъ равнодушіемъ къ участи пропадающихъ дѣтей и, съ своей стороны, также не наводила соотвѣтствующихъ справокъ.

Доносчицы видѣли предъ собою широкій просторъ и онѣ, поощряемыя комиссіей, благословляемыя Тарашкевичемъ, совершали свой мученическій подвигъ. Подъ непосильнымъ для нихъ бременемъ религіознаго воздѣйствія, подъ страхомъ угрозъ, онѣ шли впередъ, не останавливаясь ни предъ какими препятствіями: сегодня онѣ спокойно отрицали сказанное вчера, завтра можно было ждать опроверженія того, что говорили сегодня; какъ для лунатиковъ, препятствія не существовали для нихъ; въ свободѣ, которой онѣ пользовались, таилось ихъ безволие; онѣ находились во власти возложенной на нихъ задачи и потому шли впередъ, не смѣя вернуться назадъ. И въ одномъ лишь проявлялись ихъ опасенія, ихъ муки: каждая изъ женщинъ сообщала на допросахъ не столько о своемъ участіи въ преступленіяхъ, сколько объ участіи другой; въ озлобленіи и отчаяніи, онѣ мстили другъ другу за обоюдную вину и другъ на друга клеветали.

Прошлая жизнь Терентьевой и Максимовой, условія ихъ невольнаго пребыванія въ тюрьмѣ—даютъ вполне понятное объясненіе ихъ образу дѣйствій.

Но біографія членовъ комиссіи, такъ же, какъ Шкурина, кн. Хованскаго и другихъ сановниковъ, которымъ впоследствии было поручено судить евреевъ, не даетъ намъ ключа къ уразумѣнію той духовной немощи, которая подчинила ихъ нравственному воздѣйствію заговорщиковъ, низвела на степень союзниковъ жалкихъ доносчицъ; корни этой немощи таились не въ нихъ самихъ; эту немощь породило вѣками укрѣплявшееся въ обществѣ предубѣжденіе, вѣками воспламенявшееся въ обществѣ извращенное религіозное чувство,—и побѣдить въ себѣ эти заблужденія ума и сердца не всякій могъ.

Какъ робкіе люди, боясь темной комнаты, видятъ во мракѣ лишь то, что имъ подсказываетъ ослабѣвшій отъ страха разсудокъ, такъ и трусливые герои велижской драмы, подступивъ къ таинственному мѣсту, увидѣли въ немъ одни ужасы, рожденные больнымъ воображеніемъ; предъ ними выросъ образъ еврея съ руками омоченными христіанской кровью, и

въ нихъ не было ни силы воли, ни желанія разсвѣять лучомъ свѣта дикую фантазмагорію.

Все, все, что говорила доносчица, было въ глазахъ этихъ людей истинною, потому что истинною было для нихъ то, что было имъ внушено нелѣпымъ преданіемъ.

Члены комиссіи, какъ и Шкуринъ, стали непосредственными союзниками Страхова.

Шкуринъ донесъ (30 сентября) начальнику главнаго штаба Е. И. В. объ умерщвленіи 2 крестьянскихъ мальчиковъ и 3 дѣвочекъ, равно о кражѣ церковной утвари, и выписка изъ этого доклада была представлена государю.

Императоръ Николай I оставилъ въ исторіи евреевъ въ Россіи длинный рядъ мрачныхъ страницъ. Суровый вообще, и быть можетъ, озлобленный тѣмъ, что не могъ достигнуть обращенія евреевъ въ христіанство, чего онъ несомнѣнно желалъ, онъ не щадилъ евреевъ. Но мало доступный чувству гуманности въ отношеніи евреевъ, Николай I все же явился въ велижской драмѣ мощнымъ защитникомъ ихъ—ибо онъ былъ врагомъ лжи.

Придавая вѣру легендѣ, приказавъ даже въ пылу гнѣва закрыть молитвенные дома въ Велижѣ, государь не могъ допустить осужденія евреевъ лишь на основаніи показанія подозрительныхъ женщинъ. Болѣе того, неожиданное признаніе женщинъ въ цѣломъ рядѣ новыхъ убійствъ привело его къ мысли, что евреи оклеветаны: на сообщеніи Шкурина о новыхъ злодѣянiяхъ евреевъ Николай I положилъ 16-го октября 1827 г. слѣдующую характерную резолюцію: *«Надо непременно узнать, кто были несчастныя сіи дѣти. Это должно быть легко. есть ли все это не гнусная ложь»*.

Одновременно, согласно словесному высочайшему повелѣнію, Шкурину было предписано (18 октября), чтобы онъ одинъ, безъ участія комиссіи, «непремѣнно узналъ, точно-ли дѣти сіи пропадали и было-ли тогда извѣстно о томъ, что они пропали» и о послѣдующемъ увѣдомилъ начальника главнаго штаба для сообщенія государю.

Быть можетъ, дѣйствуя самостоятельно, Шкуринъ пришелъ бы къ раскрытію измышлений. Но независимо отъ Шкурина, о новыхъ признаніяхъ христіанокъ представилъ государю до-

кладъ также кн. Хованскій, испрашивая «высочайшаго повелѣнія на порученіе *коммисіи* произвести изслѣдованіе по всѣмъ вообще показаніямъ преступницъ». И вотъ, 8-го ноября 1827 г. начальникъ штаба Е. И. В. извѣстилъ кн. Хованскаго, что влѣдствіе его рапорта послѣдовала резолюція: «*Строжайше изслѣдовать все до корня*». Ходатайство кн. Хованскаго было такимъ образомъ удовлетворено и разслѣдованіе дѣлъ по всѣмъ возникшимъ обвиненіямъ было передано коммисіи.

Судя по этой резолюціи можно думать, что государь допускалъ возможность ритуальныхъ преступленій со стороны евреевъ. Но вѣрилъ ли онъ, что коммисія и кн. Хованскій производятъ «правильное и справедливое» разслѣдованіе и намѣревался ли государь предоставить Хованскому разрѣшеніе страшнаго вопроса?

Въ своемъ докладѣ кн. Хованскій, между прочимъ, писалъ: «Событіе о пропажѣ дворянки Дворжецкой подтвердилось, но о двухъ крестьянскихъ мальчикахъ ничего не открыто, *вѣроятно* потому, что розысканіе производилось не формально, а подъ рукою». Государь, или начальникъ штаба, подчеркнул слово «вѣроятно» и поставилъ на поляхъ NB. На томъ же докладѣ была сдѣлана слѣдующая надпись: «Высочайше повелѣно имѣть въ виду, когда дѣло будетъ приведено къ окончанію, чтобы оно было предъявлено начальнику главнаго штаба для доклада государю, о чемъ тогда и писать кн. Хованскому».

Сопоставляя NB и послѣднее повелѣніе, дозволительно предположить, что придавая первенствующее значеніе тому, чтобы исчезновеніе якобы умершвенныхъ дѣтей было подтверждено фактическими данными, государь былъ изумленъ словомъ «вѣроятно», свидѣтельствовавшимъ о легкомысленномъ отношеніи кн. Хованскаго къ столь важному вопросу, и, оставивъ за нимъ дальнѣйшее разслѣдованіе, государь вмѣстѣ съ тѣмъ, не предупреждая объ этомъ кн. Хованскаго, счелъ необходимымъ лично провѣрить его дѣйствія.

Получивъ широкое полномочіе «изслѣдовать до корня», коммисія приступила къ разсмотрѣнію преступленій по новымъ показаніямъ Максимовой и Терентьевой, и «дабы привести сколь возможно въ ясность обстоятельства сего событія», коммисія постановила «переспросить» христіанокъ, а для

«напоминанія другъ другу какъ всѣхъ обстоятельствъ, такъ и участвовавшихъ» дать обвинительницамъ очныя ставки.

Конечно, на этихъ очныхъ ставкахъ обнаружались значительныя противорѣчія, но обѣ женщины очень смѣло отказывались отъ своихъ прежнихъ сообщеній и дѣлали поправки. Такъ, между прочимъ, поступила Терентьева и въ отношеніи разнорѣчія по поводу того, что было сдѣлано съ трупами дѣтей, убитыхъ въ брусованской корчмѣ. Заявивъ сперва, что одна изъ жертвъ была брошена въ колодезь, а за тѣмъ измѣнивъ показаніе въ томъ смыслѣ, что трупы были брошены въ рѣку, Терентьева теперь «вспомнила», что дѣти, какъ показала Максимова, были зарыты въ землю, — и слѣдственная коммиссія, по прежнему, спокойно выслушивала противорѣчія и заносила ихъ на бумагу, не извлекая изъ сего никакихъ выводовъ...

«Переспросы» доносчицъ стояли новыхъ жертвъ. Терентьева объявила участницей умерщвленія двухъ крестьянскихъ мальчиковъ въ домѣ Мирки крестьянку Марью Ковалеву; будучи арестована, Ковалева сперва отрицала свою вину, указывая, что была въ то время малолѣтней, но послѣ нѣкотораго пребыванія въ тюрьмѣ она заявила, что дѣйствительно, не смотря на свое малолѣтство, приняла участіе въ злодѣяніи. Болѣе того Ковалева даже бросила на евреевъ подозрѣніе въ совершеніи еще одного преступленія¹⁾, но роль клеветницы была не по силамъ Ковалевой и несчастная дѣвушка повѣсилась въ тюрьмѣ (26 декабря 1828 г.).

Болѣе мужественной оказалась другая русская женщина, оговоренная Максимовой, Агафья Демидова. «Лучше дать себя зарѣзать, лучше безвинно пропадать и принять кнутъ,—говорила она,—нежели признаться въ томъ, чего не знаю; лучше знать, что напрасно пропадаю, нежели за дѣло; мнѣ самой себя не жаль, но жаль дочери; хоть 2, хоть 3 года продолжится, а правда кривду перетянетъ». Но именно этими словами и

¹⁾ Ковалева сообщила, что много лѣтъ назадъ, когда Берлинъ владѣлъ деревней Красной, ея братъ Яковъ былъ найденъ мертвымъ; оказалось, что онъ „набѣжалъ на долото“; кн. Хованскій приказалъ коммиссіи не разсматривать этого дѣла.

«положеніемъ», въ какомъ она была на допросѣ, Агафья, по словамъ слѣдователя, «обратила на себя сильное подозрѣніе»; все же «при всѣхъ внушеніяхъ и убѣжденіяхъ и послѣ священническаго увѣщанія въ показываемомъ на нее преступленіи не созналась».

Тогда же былъ призванъ къ допросу крестьянинъ Василій Голубь, служившій у Шоломы около 10 лѣтъ. Не смотря на внушенія и священническія увѣщанія онъ не только не признался, а увѣрялъ, что ничего объ этомъ дѣлѣ не знаетъ. Комmissія, напрасно «старалась расположить его къ признанію новыми убѣжденіями и повтореніемъ священническихъ увѣщаній», Голубь оставался непоколебимымъ, не переставая повторять, что ему ничего не извѣстно о подобномъ происшествіи. Его отпустили на поруки.

Переспросы обвинительницъ потребовали также новыхъ жертвъ со стороны евреевъ.

Въ это время велижскій полиціймейстеръ увѣдомилъ комиссію, что еврей Габель, который будто просилъ Терентьеву привести къ нему дворянку Дворжецкую, вовсе не жилъ въ Велижѣ въ 1817 г., т. е. въ годъ ея смерти. Это, повидимому, стало извѣстно Терентьевой и она, отказавшись отъ своего прежняго показанія касательно Габеля, заявила, что Дворжецкая по собственной охотѣ ходила съ ней по домамъ и пьянствовала, и такимъ образомъ онѣ, между прочимъ, зашли въ домъ Янкеля Коршакова, на котораго она раньше не показала, такъ какъ онъ былъ къ ней добръ и давалъ ей деньги. Отъ Янкеля Коршакова еврей увелъ Дворжецкую въ синагогу и тамъ убили, а деньги, бывшія при Дворжецкой, взялъ Коршаковъ.

Янкель Коршаковъ былъ отысканъ и арестованъ.—Жертвой новыхъ «признаній» явились также Мовша Бѣленицкій, корчмарь Зейликъ Брусованскій и Нохонъ Дукаровский.

Въ это же, приблизительно, время, по властному слову доносчицъ, гроваяя туча надвинулась также на еврейскія общества Витебска и м. Лезны. Вслѣдствіе заявленія Максимовой и Терентьевой, что туда была отвезена кровь, двое членовъ комиссіи и Шкуринъ вмѣстѣ съ христіанками отпра-

вились сперва въ Витебскъ, а затѣмъ въ Лезну. Но комиссію постигла неудача и поѣздка, предпринятая съ грозной цѣлью, превратилась въ фарсъ.

Въ Витебскѣ Максимова указала домъ Лейбы Штернзанда, куда, будто, привозила полъ-бутылки крови; самого хозяина она ни въ чемъ не оговорила, но она показала на его жену, Дворку, какъ на соучастницу; оказалось однако, что жена Лейбы, Шейна, а не Дворка, умерла еще въ 1813 г., т. е. за 11 лѣтъ до «привова» крови. Столь же явная ложь обнаружилась и въ показаніяхъ Терентьевой; она «по лицу и по виду» признала за соучастницъ старуху Ривку Этингофъ, ея сыновей Зелика и Мовшу съ женою Геней, и Арона Гуревича съ женою Рисой, а между тѣмъ было дознано, что Риса проживаетъ въ Витебскѣ лишь два года, (т. е. съ 1826 г.), а Геня—три, такъ что онѣ никоимъ образомъ не могли присутствовать при «употребленіи» крови въ 1824 г.; что касается мужчинъ, то въ 1824 г. всѣ они были моложе 17-ти лѣтъ. Въ Витебскѣ никто не былъ арестованъ. Въ Лезнѣ, гдѣ были вызваны къ допросу 42 человекъ—тоже никто не былъ взятъ подъ стражу.

Но это, конечно, произошло не изъ за отсутствія уликъ не говоря о томъ, что и до сихъ поръ явная ложь свидѣтельницамъ не смущала слѣдователей, заявленіе о привозѣ въ Витебскъ крови могло быть тѣмъ легче принято за несомнѣнный фактъ, что находясь въ Витебскѣ, въ домѣ присутствія, Терентьева заявила, что именно въ этотъ домъ была доставлена кровь, но что тогда расположеніе комнатъ было иное,—и, дѣйствительно, оказалось, что раньше тамъ жили евреи и что въ домѣ была произведена перестройка! Повторяемъ, не отсутствіе уликъ, а какія то особыя причины спасли евреевъ Витебска и Лезны отъ тюрьмы; документы скупо повѣствуютъ объ этомъ эпизодѣ и можно лишь отмѣтить, что въ Лезнѣ Терентьева говорила, что не узнаетъ города; когда же ее «вразумляли», что хотя дома перестроены, но мѣста остались, «то такъ овлобилась», что начала бранить Шкурина и членовъ комиссіи и кричала «чего вы отъ меня хотите. Зачѣмъ меня сюда привезли и заставляете узнать то, чего нельзя узнать...» И лишь послѣ но-

ваго увѣщеванія священника показала всё дома, въ которыхъ она будто была.

ГЛАВА VIII.

Послѣ этихъ передопросовъ были возобновлены очныя ставки обвиняемыхъ съ «доказчицами». Для того, чтобы передать, какія глубокія страданія—душевные и физическія—пришлось въ это время евреямъ вновь пережить, не надо искать яркихъ красокъ, громкихъ словъ: протоколы слѣдственной комиссіи съ достаточной выразительностью описываютъ муки подсудимыхъ; весьма краснорѣчивой въ этомъ отношеніи является и переписка заключенныхъ. Слѣдственная комиссія молчаливо поощряла эту секретную переписку, понимая, что въ своихъ тайныхъ письмахъ, изъ которыхъ одни были обращены къ товарищамъ по заключенію, другія—къ близкимъ людямъ, находившимся на свободѣ, евреи будутъ откровенно высказывать свои мысли, сообщать о своихъ намѣреніяхъ,—и комиссія надѣялась, захвативъ эту переписку, узнать правду о велижскомъ событіи. Дѣйствительно, въ теченіе года въ руки слѣдователей попали многія письма *) и передъ ихъ взоромъ открылась правда, но это была не та, которую они хотѣли найти. «Переписка сія,—сказалъ впоследствии адм. Мордвиновъ,—долженствовавшая повидимому раскрыть ихъ (евреевъ) тайны, обнаруживаетъ одинъ ужасъ, какимъ евреи неожиданно поражены при открытіи имъ извѣта доказчицъ».

Такой правды слѣдователи не могли понять и переписка, полная ужаса, отчаянія и надежды, превратилась, въ объясненіи комиссіи, въ такую же улику противъ евреевъ, каковою по прежнему и на возобновленныхъ очныхъ ставкахъ служило малѣйшее отраженіе душевной эмоціи на лицахъ подсудимыхъ.

Лицо Славки Берлигъ—сообщаютъ слѣдователи—«покрытое блѣдностью, было въ конвульсіяхъ, губы посинѣвши, вся она дрожала и хотя ни въ чемъ не признавалась, но изъясненное

*) Лучинки, клочки бумаги и т. п.,—все, чѣмъ пользовались подсудимые для своей переписки, отправлялось въ министерство народнаго просвѣщенія для перевода съ еврейскаго языка на русскій, оттуда поступало къ начальнику главнаго штаба, а затѣмъ отсылалось кн. Хованскому.

положеніе и прерывавшійся отъ злобы голосъ, явно изобличали ее въ преступленіи».

Янкель Коршаковъ, увѣрявшій, что никогда не зналъ Терентьевой, все же, по словамъ слѣдователя, изобличался въ преступленіи тѣмъ, что войдя въ присутствіе, «примѣтно смутился и, стоявши, потупивъ внизъ голову, дрожалъ всѣмъ корпусомъ».

А Зейликъ Брусованскій, бѣдный человѣкъ, утверждавшій, что не могъ дать Терентьевой, какъ она говорила, 50 рублей, такъ какъ у него самого не было подобной суммы и что онъ не могъ при своей бѣдности быть близкимъ къ такимъ богатымъ людямъ, какъ Берлины,—по замѣчанію слѣдователя, «во все время находился въ такомъ замѣшательствѣ, что явнымъ образомъ видно было, что онъ не хочетъ сознаться въ преступленіи».

Съ несчастной же Шифрой во время этихъ очныхъ ставокъ приключился истерическій припадокъ «съ сильными судорожными во всемъ корпусѣ движеніями и кривляніемъ лица». Видя свою жертву въ такомъ болѣзненномъ состояніи, Максимова имѣла жестокость заявить, что такія же судороги были у солдатскаго сына при его умерщвленіи и что тогда же подобный припадокъ случился и съ Шифрой. И Шифра только и возразила, что сама обвинительница привела ее къ смертельной болѣзни. Дѣйствительно, силы ее покидали; когда ее призывали къ допросу по дѣлу о поруганіи автиминса, она уже не могла идти; но это не остановило комиссіи: для суроваго допроса слѣдователи не отказались явиться съ доносчицами въ камеру умиравшей женщины; Шифра, какъ описывалъ слѣдователь этотъ допросъ, «примѣтно поблѣднѣла и при первомъ спросѣ (о поруганіи св. тайнъ) грудь ея сильно забилась, она съ трудомъ выговаривала «я ни о томъ, ни о другомъ, объ этомъ не знаю»... потомъ, опомнившись, спросила, о чемъ ее спрашиваютъ; когда ей объяснили, она, ломая руки, проговорила: «Боже мой! Что они показываютъ этого и на свѣтѣ не было»...

Въ эту минуту Шифра замѣтила, что за дверью стоитъ другая «доказчица»; изнеможенная, она вновь подверглась припадку, но слѣдователи, находя, что это одно притворство, ввели въ ея камеру также и Терентьеву, и эта безпутная женщ-

щина, глумясь надъ страданіями жертвы, кошунствуя надъ Божьимъ именемъ, говорила: «Слушай Шифра. Меня Богъ наказалъ бы давно, если бы я на кого хотя одно слово напрасно сказала, но какъ я говорю и на себя и на евреевъ правду, то хотя и бываю слаба, однако-жь такъ, какъ ты, Шифра, не мучаюсь». Шифра Берлинъ, по словамъ слѣдователя, горько плакала при подписаніи допроса и ея волненіе разразилось новымъ истерическимъ припадкомъ.

Однако по мѣрѣ того, какъ передъ заключенными все шире развертывалась картина приписываемыхъ имъ преступленій, чѣмъ больше они убѣждались, что не столько наговоръ христіанокъ, сколько предубѣжденіе комиссіи грозитъ имъ гибелью, тѣмъ они становились смѣлѣе, дерзновеннѣе въ обращеніи со слѣдователями; воспламененные отчаяніемъ, подсудимые стали открыто бороться съ членами комиссіи, смѣло говоря имъ въ глаза правду. Впрочемъ, эту смѣлость евреямъ могло придать присутствіе въ комиссіи новаго лица; въ бытность свою въ Петербургѣ Хованскій представилъ государю лично (19 дек. 1828 г.) записку о положеніи слѣдствія; повидимому, эта записка не произвела на государя благопріятнаго впечатлѣнія; тогда же (25 дек.) послѣдовало высочайшее повелѣніе министру юстиціи командировать въ Велижъ *надежнаго* чиновника (изъ состоящихъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ) для провѣрки слѣдствія, произведеннаго комиссіей, вслѣдствіе чего въ комиссію вступилъ ст. сов. Беклешовъ.

И именно благодаря присутствію Беклешева, надо думать, въ протоколъ стали заноситься заявленія евреевъ, бросавшія тѣнь на дѣйствія комиссіи. Подсудимые клеймили членовъ комиссіи, какъ лжецовъ, какъ подстрекателей. «Доказательницы лгутъ,—говорила Славка Берлинъ,—такъ какъ Страховъ научилъ ихъ показывать на меня и на другихъ евреевъ сперва въ умерщвленіи солдатскаго сына, но какъ это показалось ему недостаточнымъ, то научилъ показывать еще въ убійствѣ другихъ дѣтей». А обращаясь къ старшему члену Беклешову, Славка говорила, что «всѣ члены комиссіи и Шкуринъ, какъ извѣстно, научаютъ доказательницъ клеветать и что всѣ бумаги составлены ими несправедливо, то подовѣряя ихъ», она проситъ донести о томъ государю; «оправданія же невинности

своей и доказательства на членовъ» представить тогда, когда всѣ члены комиссіи, за исключеніемъ старшаго, будутъ смѣщены, или представить ихъ въ судебномъ мѣстѣ. «Добро бы кто говорилъ, а не вы—кричала Славка Берлинъ стряпчему, — будетъ время, вы увидите, я опять буду Славка! И всѣ евреи будутъ опять дома! все кончится ничѣмъ, бабы сами скажутъ, что онѣ научены... «Одумайся,—обращалась она къ Максимовой,—и скажи такъ: я солгала, меня научилъ Страховъ... Не думай, что вездѣ тебѣ будутъ вѣрить, какъ здѣсь. Нѣтъ, придетъ на сіе время, дѣло будетъ въ судѣ... мнѣ тамъ будутъ съ тобою еще очныя ставки, все тогда будетъ по моему...» Еще откровеннѣе говорилъ Нота Прудковъ: «Здѣсь нѣтъ законовъ, нѣтъ правды; вѣрятъ распутнымъ бабамъ. Генералъ-губернаторъ не хочетъ насъ слушать. Государь не такихъ прислалъ людей, какихъ надобно. Государь хочетъ знать правду, а вы не хотите открыть ее... Это не слѣдствіе, это сильное нападеніе на евреевъ»...

«Я только *оговоренъ* въ убійствѣ—кричалъ Прудковъ на допросѣ по поводу перехваченной переписки—а вы меня допрашиваете, какъ разбойника. Вы сами разбойники, всѣ въ комиссіи разбойники! Вы научили бабъ говорить... вы на насъ сдѣлали нападеніе, вы разорили, вы учите бабъ для того, чтобы истребить всѣхъ евреевъ, потому что если докажете, что мы замучили мальчика, тогда не мы одни будемъ виноваты, всѣ евреи должны быть виноваты, но мы этого не боимся, лишь бы дѣло вышло изъ комиссіи. Вы увидите, что ничего не будетъ, мы это напередъ знаемъ, а васъ будутъ судить за то, что вы все дѣлаете незаконно».

Не одинъ Прудковъ понялъ страшную цѣль комиссіи обрушить ритуальное обвиненіе на всѣхъ евреевъ.

«Прошу—читаемъ мы въ письмѣ Хрипуна—побудить жителей вашего города, нашихъ братьевъ, чтобы старались о томъ всѣми возможными способами и чтобы весь Израиль не молчалъ, ибо ихъ намѣреніе, да будутъ стерты имена ихъ, простирается весьма далеко, т. е. истребить, Боже сохрани, весь Израиль, и потому, братья Израиля, милосердные дѣти милосердныхъ, соби-райтесь и постарайтесь о томъ. И чтобы не подумалъ кто изъ васъ, что если его не трогаютъ, то ему стараться не нужно».

«Бѣгите по всѣмъ мѣстамъ, — умолялъ Хрипунъ въ другомъ письмѣ, — гдѣ Израиль разсѣянъ и громко кричите: «горе, горе», чтобы жертвовали жизнью и старались объ насъ».

Призванный на допросъ по поводу писемъ, Хрипунъ бранилъ въ лицо членовъ комиссіи, кричалъ Шкуруину: «Тебя государь не любить.. Твои говорки пойдутъ въ..., а моя будетъ правда», и, придя въ изступленіе, обнаживъ грудь, вопилъ: «Я никого не боюсь, разбойники, обманщики... Вы уморили богатырей Шмерку и Янкеля... и вытащили изъ острога, какъ падаль»... *)

Характерно, что подсудимые, одни—съ твердымъ убѣжденіемъ, другіе—съ наивной вѣрой, ждали спасенія отъ царя, который, желая звать правду, прикажетъ вновь рассмотреть дѣло въ судебномъ мѣстѣ; повидимому, царствованіе Александра I оставило по себѣ въ еврейскомъ населеніи добрую память, а новое царствованіе еще не успѣло поколебать увѣренности въ добрыхъ чувствахъ высшей власти. „Мы донесемъ лично государю, что этого на свѣтѣ не было“—говорилъ Ицка Бѣляевъ въ комиссіи. „Что вы вѣрите бабамъ,—укоряла Фейга Вульфсонъ слѣдователей,—я это раздумала: вы сами увидите, я знаю, что ничего (т. е. наказанія) отъ государя не будетъ“.

Многіе евреи отказывались подписывать очныя ставки. Среди прочихъ не подписалъ и Евзикъ Цетлинъ, говоря, что выступить на очныя ставки съ обвинительницами въ другомъ мѣстѣ; тщетны были убѣжденія прибывшаго полиціймейстера; напрасно Цетлину было прочитано соответствующее предложеніе ген.-губернатора „съ изъясненіемъ приличныхъ на подобные случаи узаконеній“; когда Евзику Цетлину заявили, что его слова и дѣйствія будутъ записаны, онъ отвѣтилъ:

*) Кромѣ означенныхъ писемъ, слѣдователи перехватили еще двѣ записки Хрипуна. Въ одной изъ нихъ онъ „убѣждалъ собратій своихъ, чтобы отнюдь никто изъ нихъ не ругался надъ нимъ и не презиралъ, ибо онъ съ ума сойдетъ отъ стыда и срама, а напротивъ того подкрѣпляли бы его“, а въ другой писалъ, что онъ „укрѣпляется всѣми средствами, чтобы жертвовать жизнью и не думать о стыдѣ“; эти записки были объяснены комиссіей въ томъ смыслѣ, что Хрипунъ „бодается ругательствъ и презрѣнія своихъ единовѣрцевъ за содѣянное имъ (т. е. половое сношеніе)—по показанію Терентьевой, въ случаѣ если онъ въ соединеніи съ нею проговорится“.

„Пишите что хотите. Дѣло будетъ въ судѣ. Если я буду виноватъ, меня будутъ судить“.

Какъ ни странно, но думается, что обвиненіе въ святотатствѣ еще болѣе поразило евреевъ, нежели обвиненіе въ убійствахъ. Когда рѣчь шла объ убійствѣ, они могли такъ или иначе составить себѣ представленіе объ ужасномъ злодѣяніи и, защищаясь, они имѣли предъ собою обвиненіе въ извѣстной такимъ образомъ конкретной формѣ. Но когда заключеннымъ объявили о святотатственныхъ дѣяніяхъ—они совсѣмъ растерялись. Никто изъ нихъ не зналъ, что такое „антиминсъ“ и не понималъ значенія св. тайнъ; поэтому приписываемые имъ поступки (топаніе, сѣченіе и пр.) представлялись имъ до смѣшного нелѣпыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ угрожающая обстановка до проса слишкомъ краснорѣчиво говорила о важности ихъ преступленія, и они, словно подстрѣленные птицы, бились и метались...

„Авдотьюшка, Авдотьюшка—умоляла Ханна Цетлинъ Максиму, тяжело вздыхая и робко глядя на нее — надо Бога знать, надо вспомнить Бога, надо вспомнить, что надо умирать... Неужели я только тѣмъ и занималась, какъ ты говоришь“.

„Миленькія мои, что я сдѣлала вамъ худого—говорила престарѣлая Ривка Берлинъ, обращаясь къ христіанкамъ,—что вы показываете на меня такую бѣду, отъ которой надобно кричать гвалтъ“, и „убѣждала ихъ разнымъ образомъ со слезами“.

А Евзикъ Цетлинъ весь затрясся, когда ему впервые объявили о новомъ обвиненіи въ святотатствѣ и, едва держась на ногахъ, просилъ, чтобы его спрашивали по одному слову, потому что онъ ничего не понимаетъ.

«Я первый разъ слышу, что это тайны», увѣрялъ слѣдователя Гирша Берлинъ. «Говорить не шутка—обращался онъ къ свидѣтельницамъ — ты пустяковъ не говори, а то выдумываешь все новое да новое...» Носонъ Берлинъ до того дрожалъ на очной ставкѣ, что не могъ стоять на ногахъ—«вы съ ума сошли,—говорилъ онъ обвинительницамъ,—когда это было? Я не знаю что такое тайны», а слѣдователи отмѣчали, что при словахъ «св. тайны» онъ «злобно улыбался», и такой ремаркой они снабжали большинство отвѣтовъ евреевъ. «Я не знаю, что

я подпишу—вопилъ Ицка Вульфсонъ,—я смерть долженъ подписать, я и теперь не понимаю, что это значитъ надругаться, браниться надъ тайнами», а на очныхъ ставкахъ съ Максимовой, «будучи блѣденъ, дрожавши и,—какъ объяснялъ слѣдователь,—потерявшись совсѣмъ отъ уликъ ея, кричалъ: что кололи? что лили въ лепешки? кровь! Ты никогда тайны не приносила»...

За такое упорство въ несознаніи слѣдователи жестоко мстили евреямъ.

Если вѣрить Славкѣ Берлинъ, члены комиссіи «стращали» ее, Страховъ кидался на нее и трясъ, а обвинительницы били ее на очныхъ ставкахъ съ разрѣшенія слѣдователей.

Комиссія систематически изнуряла евреевъ: удерживала ихъ на допросахъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, заставляя ихъ при этомъ все время стоять на ногахъ, оставляла безъ пищи, призывала больныхъ и проч.

«Меня поставили въ комнатѣ со всѣми тремя христіанками,—писала Итка Цетлинъ,—и онѣ говорили до того, что у меня потемнѣло въ глазахъ; потомъ что сдѣлалось не знаю; съ начала, когда онѣ говорить начали, я показывала себя очень твердо, до тѣхъ поръ, пока я съ ногъ не свалилась, тогда меня вывели...», и несчастная дѣвушка писала своимъ братьямъ: „я думаю, если бы дома такъ хорошо было сидѣть, какъ здѣсь, то мнѣ повѣрили бы и пожалѣли бы о моихъ молодыхъ годахъ. Братья, ради Бога, сжаьтесь надо мною“...

Слѣдователи пользовались и другими средствами, чтобы вырвать у евреевъ признаніе; такъ, изъ письма Хаима Хрипуна видно, что кто-то показывалъ ему «въ окошко буквы признанія» и онъ просилъ товарищей по заключенію: «ради Бога, увѣдомите меня, какъ понять признаніе въ такой лжи, дабы я зналъ, какъ остерегаться ихъ». Конечно, эти «буквы признанія» исходили отъ рукъ слѣдователей—никому изъ евреевъ не представлялось надобности склонять Хрипуна къ ложному сознанію. Съ той же цѣлью сломить упорство обвиняемыхъ слѣдователи нравственно насилывали ихъ: дабы подавить евреевъ, оскорбить ихъ религіозное чувство, они заставляли ихъ подписывать допросы въ праздничные и субботніе дни. Когда однажды Ицка Вульфсонъ, ставъ на колѣни,

просилъ комиссію, въ виду еврейскаго праздника, отложить подписаніе допроса, ему это разрѣшили «потому болѣе, чтобы не терять времени въ напрасныхъ его убѣжденіяхъ, ибо комиссіи по опыту извѣстно, что оныя (т. е. убѣжденія), *продолжаясь нѣсколько часовъ*, несильны остановить евреевъ въ «подобномъ упрямствѣ, даже и въ обыкновенныя простыя субботы».

Однако, несмотря на всѣ разнообразныя физическія и нравственныя воздѣйствія, вплоть до обѣщанія царскаго прощенія, никто изъ подсудимыхъ не сознался въ приписываемыхъ преступленіяхъ.

Но муки заключенія привели къ другому результату: одна изъ подсудимыхъ выступила обличительницей своихъ товарищей по тюрьмѣ—это была Фратка Девирць. Одиночное заключеніе, продолжавшееся уже пятый мѣсяць, нарушило въ ней душевное равновѣсіе. Еще на первыхъ допросахъ она такъ вела себя, что комиссія усомнилась, не лишилась ли она разсудка, но Левенъ нашель ее здоровой; на дальнѣйшихъ же допросахъ Фратка Девирць, какъ сообщали слѣдователи, «потерявъ всякую благопристойность, кричала разныя нелѣпости». О ненормальности Фратки свидѣтельствуетъ и то, что она дважды, чуть-ли не на виду у всѣхъ, пыталась бѣжать изъ тюрьмы, «съ досады и огорченія, какъ она объясняла, что отъ содержанія подѣ стражей дѣлаются ей частые обмороки и что она сумасшедшая». А однажды Фратка хотѣла даже перерѣзать себѣ горло.

Вдругъ (въ декабрѣ 1827 г.) она заявила полиціимейстеру, что Руманъ Нахимовскій, съ которымъ она встрѣтилась во дворѣ, рассказалъ ей, какимъ образомъ былъ умерщвленъ ребенокъ въ большой синагогѣ.

Вызванная въ комиссію, Фратка объяснила, что, подвергши ребенка обрѣзанію, евреи замучили его, послѣ чего Евзикъ Цетлинъ, спрятавъ трупъ подѣ полу, унесъ его, а ножъ, которымъ обрѣзали ребенка, находится у одного еврея; къ этому она присовокупила, что Руманъ будетъ отпираться отъ сказаннаго, такъ какъ никто изъ евреевъ не откроетъ правды, а у Румана «все зло въ горбу сидитъ».

Сомнительно, чтобы кто-либо преднамѣренно убѣдилъ Фратку Девирць въ виновности евреевъ; повидимому, самый допросъ

при устрашающей обстановкѣ вызвалъ въ ея разстроенномъ умѣ мысль, что богатые евреи умертвили ребенка, и, считая Ханну Цетлинъ и Берлиныхъ виновниками своего заточенія, она говорила то, что могла слышать и отъ доносчицъ, и отъ солдатъ, находившихся въ караулѣ при камерахъ.

Вслѣдствіе наговора Фратки былъ произведенъ обыскъ въ домъ рѣзника Берке Зархе и среди найденныхъ ножей одинъ оказался съ серебрянымъ черенкомъ, въ сафьяновомъ футлярѣ, съ еврейской надписью, употребившійся, какъ евреи сообщили комиссіи, для обрѣзанія еврейскихъ младенцевъ.

О показаніи Фратки Девирцъ кн. Хованскій немедленно (16 декабря 1827 г.) донесъ государю, отмѣчая, что таковое „при невидимомъ содѣйствіи Всевышняго, полагаетъ начало къ открытію истины и достиженію окончанія сего дѣла“. Одновременно князь Хованскій обратилъ вниманіе комиссіи на надпись на футлярѣ, „не заключается ли ней изъясненія прямого употребленія его и не откроется ли сею новаго изобличенія евреевъ въ доказываемыхъ на нихъ дѣйствіяхъ“. Комиссія препроводила ножъ съ футляромъ къ кн. Хованскому, отсюда ножъ былъ отосланъ въ министерство духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и возвращенъ съ переводомъ надписи; ея тайна была разоблачена; надпись гласила: «Благословенъ еси, Егова, Богъ Нашъ, Царь міра, освятившій насъ заповѣдами Своими и давшій намъ заповѣдь о введеніи его (младенца) въ сонмъ отца нашего Авраама».

Не знаемъ, нашель ли кн. Хованскій въ этихъ строкахъ «изобличеніе» евреевъ, во всякомъ случаѣ онъ теперь сталъ усердно продолжать уже прежде начатые поиски за такими «доказательствами» виновности подсудимыхъ, которые не находились въ прямой связи съ велижскимъ происшествіемъ.

Еще въ 1826 г., какъ сообщалось выше, кн. Хованскій просилъ министра внутреннихъ дѣлъ розыскать рѣшеніе люблинскаго трибунала по дѣлу объ умерщвленіи христіанскаго мальчика въ Ленчицахъ въ 1639 г.

Управляющій министерствомъ В. Ланской исполнилъ эту просьбу, но предвидя, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ документа, онъ не могъ воздержаться, чтобы, отсылая кн. Хованскому бумаги, не обратиться къ нему (15 іюля 1827 г.) съ отрезвляю-

щимъ словомъ; приведа замѣчаніе министра внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія Царства Польскаго по поводу ленчицкаго событія: «можно предполагать, что предразсудки евреевъ тогдашняго времени склоняли ихъ къ хищенію христіанской крови, особливо младенцевъ», В. Ланской, съ своей стороны, писалъ кн. Хованскому: «Долгомъ считаю присовокупить, что происшествіе, бывшее въ Ленчицахъ, не должно заслуживать никакого вниманія при производствѣ слѣдствія о велижскихъ евреяхъ, которые, на основаніи Высочайшаго указа, и по самой справедливости, не могутъ обвиняться предположеніемъ преступленія, но судебными уликами и ясными, сомнѣнію не подлежащими, доказательствами».

Но князь Хованскій не внялъ голосу В. Ланскаго. Быть можетъ, высочайшее повелѣніе 27 марта 1827 г., напомнившее о томъ, что обвинять евреевъ должно лишь на основаніи обстоятельствъ, непосредственно относящихся къ событію въ Велижѣ, прервало на время эту закулисную дѣятельность кн. Хованскаго, но резолюція „изслѣдовать до корня“ (ноябрь 1827 г.) устранила препятствія для указанныхъ „розысканій“.

Кн. Хованскому стало извѣстно, что когда то въ Гродненской г., производилось слѣдствіе по какому-то подозрительному дѣлу, въ которомъ были замѣшаны евреи; поэтому онъ поспѣшилъ обратиться къ гродненскому губернатору за соответствующими свѣдѣніями, „которыя бывъ приняты въ соображеніе и употреблены въ нужныхъ случаяхъ по велижскому дѣлу, могли бы, можетъ быть, *разительно подѣйствовать на упорствующихъ евреевъ* и расположить ихъ къ давно ожидаемому совнанію“. Гродненскій губернаторъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, въ 1811 и 12 г., но не въ Гродненской, а въ Виленской губ., производилось дѣло по доносу „одного еврея на своихъ собратій, евреевъ-же, о вредныхъ дѣйствіяхъ ихъ относительно правительства и вообще всего христіанскаго народа“. Легко вообразить, какъ это извѣстіе должно было обрадовать кн. Хованскаго: по доносу еврея, евреи изобличены въ вредныхъ дѣйствіяхъ противъ христіанскаго народа!..

И вотъ, указывая, что завершеніе велижскаго процесса „замедляется единственно отъ упорства евреевъ въ сознаніи, при многихъ очевидныхъ, вѣроятныхъ и ничѣмъ неопровергаемыхъ

уликахъ“, кн. Хованскій, „побуждаясь желаніемъ изыскать всѣ средства, могущія способствовать къ скорому окончанію слѣдствія и предполагая найти оныя, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ“, въ виленскомъ дѣлѣ, обращается къ литовскому губернатору съ просьбой доставить ему эти данныя.

Литовскій губернаторъ не замедлилъ увѣдомить (29 іюня 1828 г.) кн. Хованскаго, что интересующій его еврей (уже умершій) прозывался Вульфомъ Юделіовичемъ; въ 1788 г., во время польскаго правительства, онъ былъ подвергнутъ за воровство тѣлесному наказанію съ наложеніемъ на лбу клейма; по присоединеніи же края къ Россіи онъ сталъ дѣлать доносы на здѣшнихъ евреевъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, при чемъ при разслѣдованіи одного такого дѣла, именно о вывозѣ евреями за границу русской монеты, Юделіовичъ вздумалъ доказывать, что на свидѣтельскія показанія евреевъ нельзя полагаться, такъ какъ еврейскій законъ воспрещаетъ имъ, даже по выполненіи присяги, показывать «во вредъ своихъ собратій», въ подтвержденіе чего Юделіовичъ представилъ еврейскія книги; нѣкоторыя выдержки изъ нихъ, будто свидѣтельствовавшія о безнравственности еврейскаго народа, были своевременно переведены по приказанію литовскаго губернатора на польскій языкъ и теперь препровождены кн. Хованскому.

ГЛАВА ІХ.

Между тѣмъ извѣстіе о велижскомъ процессѣ быстро распространилось въ губернскихъ бюрократическихъ сферахъ (быть можетъ благодаря перепискѣ кн. Хованскаго по поводу „изысканій“), вызывая мысль, что настало время для оживленія страшной сказки. } 5

И случилось то, чего менѣ всего можно было ожидать. Было возобновлено то дѣло о пропажѣ въ 1816 г. въ Гроднѣ у мѣщ. Адамовича 4-хъ лѣтней дѣвочки, по поводу котораго состоялось извѣстное высочайшее повелѣніе отъ 6 марта 1816 г., поставленное нами во главѣ настоящаго повѣствованія. Помимо этого указа гродненскій губернаторъ былъ тогда же извѣщенъ о томъ, что „Его Императорское Величество высочайше повелѣтъ соизволилъ сдѣлать гродненскому губернскому начальству замѣчаніе, что оно, не видя по настоящему дѣлу ника-

кихъ слѣдовъ къ обвиненію евреевъ въ смертоубійствѣ, отступило отъ законовъ, на таковыя случаи предписанныхъ, допустивъ производить слѣдствіе по одному только неосновательному подозрѣнію, вообще на еврейскій народъ возводимому“.

Но мѣстной администраціи мнилось, что то, что въ 1816 г. вызывало порицаніе, вызоветъ теперь похвалу; въ 1826 г. дѣло Адамовичъ было возобновлено, а подозрѣвавшіеся въ злодѣяніи двое евреевъ были заключены въ тюрьму; однако гродненскій гл. судъ постановилъ освободить ихъ и предать дѣло волѣ Божьей. Но умы представителей власти были уже воспалены возродившимся миеомъ и въ ноябрѣ 1827 г. прокуроръ вновь возбудилъ предъ сенатомъ обвиненіе евреевъ въ гродненскомъ преступленіи.

Это такъ и должно было быть, ибо самъ государь, еще недавно напомнившій велижской комиссіи о повелѣніи Александра I не возводить на евреевъ подобныхъ обвиненій, отступилъ теперь отъ этого гуманнаго акта.

Въ апрѣлѣ 1827 г. возникъ и другой, такъ называемый Тельшевскій, ритуальный процессъ: 16-лѣтній пастухъ Августинъ Жуковскій заявилъ, будто онъ видѣлъ, какъ евреи схватили въ полѣ крестьянскаго мальчика Петровича. Наслѣдникъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ доложилъ государю, что убійство, согласно произведенному разслѣдованію, совершено пастухами, но государь (въ самомъ концѣ 1827 г.) поручилъ Константину Павловичу извѣстить литовскаго губернатора «о обращеніи вниманія на сіе дѣло по сходству съ велижскимъ, гдѣ по несчастію подтверждается уже, что не одинъ, а 7 ребятъ замучены...»

Такимъ образомъ въ трехъ близъ лежащихъ другъ къ другу мѣстностяхъ — Велижѣ, Гроднѣ и Вильнѣ — одновременно велись ритуальные процессы; при такомъ условіи извѣстіе о томъ, что евреи привлечены къ отвѣту за употребленіе христіанской крови, быстро и широко, конечно, распространилось въ народной массѣ, тѣмъ болѣе, что обвинителями евреевъ выступали представители низшихъ слоевъ общества. Кто хотѣлъ, могъ теперь дѣйствовать противъ опальнаго еврейскаго населенія: время было благоприятное. Подобно тому, какъ война

родить героевъ, ритуальные процессы рождаютъ прозелитовъ-доносчиковъ. Это случилось и въ велижскомъ дѣлѣ.

24-го августа 1828 года въ комиссію явился принявшій католичество выкрестъ изъ евреевъ Антонъ Грудинскій и заявилъ, что ему достовѣрно извѣстно объ употребленіи евреями христіанской крови. По его словамъ, раввинъ Рамбанъ, въ своей книгѣ „Гандома церихинъ домей акумъ сельмицвесь“ *) подробно говоритъ объ этомъ.

Кн. Хованскій немедленно донесъ государю о заявленіи Грудинскаго и тогда главноуправляющему духовн. дѣлами иностр. исповѣданій было высочайше повелѣно розыскать указанную книгу Рамбана; это было, однако, довольно трудно, ибо она не существовала, и когда поиски оказались тщетными, главноуправляющій предложилъ кн. Хованскому узнать у самого Грудинскаго о мѣстонахожденіи книги. Грудинскій сталъ рассказывать всякія небылицы о книгѣ, увѣряя, что онъ ее видѣлъ въ синагогѣ; тогда ему предъявили всѣ молитвенныя книги, отобранныя у евреевъ, когда они собирались для богомоленія въ корчмахъ, и одну рукопись онъ призналъ за сочиненіе Рамбана. Грудинскій сталъ ее устно переводить: одна страница ужаснѣ другой!

Это былъ счастливый моментъ въ жизни комиссіи. Правда, Грудинскій явился въ рубищѣ (его пришлось одѣть на счетъ тѣхъ суммъ, которыя были назначены для отысканія таинственной книги) и Шкуринъ самъ указывалъ, что „весьма вѣроятно, что одна ницета и ожиданіе вознагражденія заставили Грудинскаго открыть такую тайну“, но его показаніе было столь многообъяснито!

Однако, устный переводъ, сдѣланный Грудинскимъ, слѣдо-

*) По этому поводу Д. Хвольсонъ (стр. 132—133) говоритъ, что слова эти звучатъ по еврейски, но совершенно непонятны. „Гандома“ слово нееврейское; „церихинъ“ значитъ: имъ нужно; „домей“ (вмѣсто „демей“) значитъ кровь; „Акумъ“—язычникъ; „сельмицвесь“ (вмѣсто „шельмицвотъ“) значитъ: заповѣдей. Смыслъ всей фразы непонятенъ. Грудинскій, повидимому, хотѣлъ передать по еврейски какую то фразу, въ которой говорилось бы о крови, но не сумѣлъ. Рамбанъ—сокращенное имя Маймонида; изъ его сочиненій наше министерство издало пять томовъ, въ качествѣ учебниковъ для казенныхъ еврейскихъ училищъ“.

вало официально удостовѣрить, вслѣдствіе чего Шкуринъ обратился къ Хованскому съ просьбой прислать изъ Мстиславля крещеннаго еврея, ксендза Паздерскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ Шкуринъ доложилъ начальнику главнаго штаба о находкѣ «тайственной рукописи, скрываемой многія столѣтія подъ непроницаемой завѣсой», совѣтуя вытребовать Грудинскаго вмѣстѣ съ рукописью въ Петербургъ. Это предложеніе было принято, и государь велѣлъ (20 ноября) Шкуруину лично привезти рукопись и доставить Грудинскаго.

Въ это время въ Велижѣ успѣлъ пріѣхать Паздерскій и, къ своему глубокому разочарованію, Шкуринъ узналъ отъ него, что рукопись, переведенная Грудинскимъ, заключаетъ въ себѣ однѣ лишь данныя объ убоѣ скота, объ его внутренностяхъ, «посторонняго же матеріала, относящагося до другихъ предметовъ, никакихъ безъ изыятія въ рукописи не находится». Грудинскій попытался было превратно истолковать Паздерскому смыслъ книги, но ксендзъ уличилъ его во лжи — и тотъ сознался, что лгалъ, надѣясь, что его переводъ никѣмъ не будетъ провѣренъ, и что онъ даже подрисовалъ на рукописи инструменты, которыми евреи пользуются при источеніи крови; но при этомъ онъ вновь повторилъ о существованіи книги Рамбана, объясняя, что переводя рукопись, онъ говорилъ то, что зналъ наизусть изъ этого сочиненія.

Шкуринъ оказался одураченнымъ въ глазахъ государя, его поѣздка въ Петербургъ разстроилась. Единственнымъ утѣшеніемъ ему могло служить то, что Паздерскій отнюдь не отвергъ факта употребленія евреями христіанской крови. Говоря, «что многія сочиненія доказываютъ сіе многими опытами, ссылаясь въ томъ на собственныя еврейскія книги, кои доставить или слишкомъ затруднительно, или иногда и не возможно», Паздерскій выразилъ надежду найти эти еврейскія книги въ опечатанной велижской синагогѣ.

Шкуринъ доложилъ объ этомъ начальнику гл. штаба, вслѣдствіе чего государь повелѣлъ, чтобы Паздерскій, если онъ найдетъ искомыя книги, пріѣхалъ въ Петербургъ. Синагога была временно распечатана, но среди хранившихся въ ней книгъ не оказалось того, что нужно было комиссіи. Эту неудачу Паздерскій и Грудинскій объяснили впрочемъ тѣмъ, что евреи

своевременно забрали изъ синагоги обличающія ихъ книги, при чемъ Паздерскій настаивалъ, что въ синагогѣ, какъ ему извѣстно, были двѣ книги, заключающія въ себѣ доказательства ритуальныхъ злодѣяній.

Между тѣмъ, призвавъ къ себѣ нѣкоего ксендза Луковича, Грудинскій заявилъ ему, что онъ самъ причастенъ къ ритуальнымъ злодѣяніямъ и затѣмъ, подтвердивъ это показаніе Шкуруину, объяснилъ, что дважды убивалъ въ Бабиновецѣ со своими родственниками христіанскихъ дѣтей, руководствуясь книгой Гакдома.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Грудинскій былъ уже однажды уличенъ во лжи, его новое признаніе не должно было встрѣтить особаго сочувствія и довѣрія со стороны Шкуруина и его товарищей, но слѣдователи, не задумываясь, рѣшили воспользоваться показаніемъ Грудинскаго, какъ новой надежной опорой для обвиненія евреевъ.

На это у нихъ были, впрочемъ, особыя причины; дѣло въ томъ, что комиссія стала встрѣчать на пути своего шествія нѣкоторыя препятствія угрожающаго характера. Во первыхъ, комиссіи пришлось убѣдиться, что по произведенному разслѣдованію не оказалось никакимъ фактическихъ данныхъ, которыя хотя бы малѣйше подтвердили дѣйствительность тѣхъ злодѣяній, жертвами коихъ, по словамъ обвинительницъ, пали христіанскія дѣти какъ въ Велижѣ, такъ и въ окрестностяхъ его. Во вторыхъ, извѣстнаго рода препятствія стали исходить отъ самой Терентьевой.

По показанію Терентьевой, двое мальчиковъ, убитые въ Велижѣ, были сыновьями ея знакомой, пришедшей изъ деревни на городской рынокъ, но эта знакомая оказалась мнѣческимъ лицомъ; случилось, правда, что въ мѣстѣ, гдѣ ее отыскивали, крестьяне показали, что одна крестьянка, Елена Титова, давно бѣжала съ двумя своими сыновьями изъ деревни и направилась къ Велижу; это обстоятельство могло бы показаться комиссіи подтвержденіемъ показаній Терентьевой; но помѣщикъ, по собственной инициативѣ, донесъ властямъ, что Титова бѣжала за семь или восемь лѣтъ назадъ, т. е. около 1820, между тѣмъ убійство было отнесено свидѣтельницами къ 1813 г.

Къ такому же результату привело и разслѣдованіе по дѣлу

объ убійствѣ Дворжецкой; Терентьева показала, между прочимъ, что Дворжецкую бросили за городомъ *нагой*, поваливъ на ея трупъ сосну, и что на другой годъ тамъ были найдены коса, голова и рука; между тѣмъ по даннымъ своевременно произведеннаго слѣдствія оказалось, что предъ смертью Дворжецкая была вовсе не у евреевъ, а у какихъ то русскихъ мѣщанъ, пьянствовала съ ними, а ночью двое ея знакомыхъ проводили ее почти до самаго дома, а что съ ней случилось дальше—осталось неизвѣстнымъ; спустя же нѣсколько времени тамъ были найдены лоскутья отъ ея шубы, табакерка и проч.

Но особый интересъ долженъ былъ представить вопросъ объ умерщвленіи въ Брусованской корчмѣ двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ. Резолюція государя «Надо непременно узнать, кто были несчастныя сіи дѣти. Это должно быть легко, есть ли все это не гнусная ложь»,—эта резолюція побудила, конечно, комиссію принять всевозможныя мѣры, чтобы показаніе женщинъ подтвердилось тѣмъ или другимъ реальнымъ фактомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ резолюціей было предрѣшено, что если разслѣдованіе не приведетъ къ положительному результату, то показаніе христіанокъ должно быть признано за «гнусную ложь». И оказалось, что слѣдователямъ не удалось обнаружить, кто были эти жертвы брусованскаго злодѣянія; тогда, «находя, что открытіе умерщвленныхъ тѣлъ можетъ служить убѣдительнѣйшимъ и неоспоримымъ доказательствомъ сего событія», члены комиссіи отправились туда, гдѣ, по указанію Максимовой, были зарыты трупы, но несмотря на то, что все мѣсто вокругъ было перерыто, никакихъ труповъ или костей не было найдено...

Къ подобному же отрицательному результату привело разслѣдованіе (въ началѣ 1828 г.) по поводу заявленія Терентьевой, сдѣланнаго ею въ Ноябрь 1826 г., будто въ 1824 и 1825 г. она подвергалась нападенію со стороны евреевъ, желавшихъ ее убить; цѣлый рядъ христіанъ, на которыхъ она указала, какъ на свидѣтелей, не подтвердили ея разсказа. И любопытнѣе всего то, что въ Ноябрь 1826 г. Терентьева говорила, будто евреи въ теченіе 1824 и 1825 г. хотѣли ее убить, а въ 1827 г. она показываетъ, что въ эти 1824 и 25 годы евреи совмѣстно съ нею продолжали убивать христіанскихъ дѣтей въ корчмахъ, и слѣдователи не только не остановились надъ этой явной не-

сообразностью, но, несмотря на отрицательные отвѣты свидѣтелей-христіанъ, признали показаніе Терентьевой «вѣроятнымъ», объясняя, что «или то, что она говоритъ, или что нибудь похожее случилось съ ней».

Такимъ образомъ по цѣлому ряду кровавыхъ обвиненій комиссія не нашла ни одного факта, который подтвердилъ бы справедливость показанія христіанокъ. Это обстоятельство не могло не остановить на себѣ вниманія комиссіи, хотя и не потому, конечно, что указанные данныя обнаруживали клевету доносчицъ; комиссію тревожило то, что при такомъ положеніи дѣла необходимо добиться отъ евреевъ признанія въ преступленіяхъ, а это представляло много трудностей. Между тѣмъ наступилъ моментъ, когда дальнѣйшее промедленіе въ производствѣ дѣла могло повлечь за собою самыя непріятныя послѣдствія для комиссіи: Терентьева стала обнаруживать нетерпѣніе.

Свидѣтельствовала ли она противъ евреевъ потому, что желала «быть въ раю» или потому, что помимо прощенія за «соучастіе» ей была обѣщана и другая, матеріальная, награда,—продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ, коему не было видно конца, стало внушать ей страхъ за будущее. Еще тогда, когда по требованію сената евреи были освобождены отъ оковъ, свидѣтельница откровенно высказала опасеніе, что подобно облегченіе побудитъ евреевъ упорнѣе отрицать свою вину; затѣмъ въ Левнѣ Терентьева также вела себя рѣзко и угрожающе въ отношеніи членовъ комиссіи. А нѣсколько времени спустя, жалуясь на то, что ее терзають допросами и заявляя, что не будетъ болѣе «доказывать», она замѣтила что «правда ея стирается и жидамъ пишутъ точно такъ, какъ они говорятъ, что они ничего не знаютъ». Уже эти эпизоды указывали, что у Терентьевой возникъ вопросъ: приведутъ ли къ цѣли ея доказательства, съумѣетъ ли она побѣдить евреевъ своими обвиненіями? Но ея отчаяніе или по крайней мѣрѣ смущеніе еще замѣтнѣе обнаружилось тогда, когда она обратилась къ старшему члену комиссіи Беклешеву, съ сѣтованіемъ: «докуда же они (евреи) будутъ говорить, что это неправда. Я за правду пропадаю. Какъ всѣ вы не заставите ихъ говорить правду? И если будете писать только то, что они говорятъ, такъ они и вѣкъ не скажутъ правды». При такомъ на-

строении Терентьева—неровень часъ—могла усомниться въ силѣ своихъ руководителей, вѣроятно обманувшихъ ее на счетъ своей власти, и тогда ничто не удержало бы ее отъ новыхъ признаний, которыя обнаружили бы весь механизмъ велижскаго процесса. Въ такое критическое время необходимо было прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ воздѣйствія на евреевъ и вотъ, вслѣдствіе представленія комиссіи, кн. Хованскій донесъ (4 мая 1829 г.) государю, что евреи буйствуютъ и дерзятъ и государь (25 іюля) разрѣшилъ кн. Хованскому наказывать ихъ плетьюми.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ воспользовался кн. Хованскій этимъ правомъ, во всякомъ случаѣ никто изъ евреевъ не принялъ на себя вины и даже Фратка Девирць совершенно отказалась отъ всего, что раньше показывала, говоря, что была тогда сумаспешей, что ей никто не сообщалъ, будто евреи умертвили ребенка,—и такимъ образомъ надежда, выраженная кн. Хованскимъ въ всеподданнѣйшимъ рапортѣ по поводу наговора Фратки Девирць, рухнула...

Комиссіи приходилось продолжать свой прежній путь, т. е. собирать матеріалы, которые, не имѣя непосредственнаго отношенія къ велижскому событію, все же, трактуя объ употребленіи евреями христіанской крови, могли бы задавить своею тяжестью велижскихъ подсудимыхъ; въ этомъ отношеніи комиссіи оказывалъ содѣйствіе Паздерскій; прибывъ въ Велижь для провѣрки перевода Грудинскаго, онъ оставался «безотлучно» при комиссіи въ теченіе около двухъ лѣтъ, переводя для нея различныя еврейскія книги. По его же указанію Страховъ розыскивалъ за границею нѣкоторыя произведенія кровавой литературы; особенное вниманіе комиссіи было обращено на книгу «Опроверженіе еврейской вѣры», о которой въ одномъ сочиненіи *) сообщалось, что въ 1803 г. выкрестъ изъ евреевъ, бывшій раввинъ, написалъ ее на молдавскомъ языкѣ, но, благодаря подкупу евреями господаря, она была вся истреблена, случайно остался одинъ экземпляръ и съ него въ 1818 г. былъ сдѣланъ греческій переводъ. Вслѣдствіе просьбы Страхова кн. Хованскій обратился по поводу книги къ находившемуся тогда въ Молдавіи главноначальствующему 2-ой арміи, ген.-ад. Дибичу, но оказалось, что еще до того (въ апрѣлѣ

*) Вальша. „Путешествіе по Турціи“. Лондонъ. 1828 г.

1829 г.) по высочайшему повелѣнію Дибичъ розыскалъ эту книгу и отослалъ въ Петербургъ.

Г Л А В А X.

Кн. Хованскій періодически представлялъ государю доклады о ходѣ слѣдственнаго производства, наполняя ихъ показаніями христіанокъ и подробнымъ описаніемъ того, какъ «упорствующіе» подсудимые дрожали и блѣднѣли на очныхъ ставкахъ.

Ободренный тѣмъ довѣріемъ и вниманіемъ, которыми государь почтилъ его, предоставивъ ему, по его ходатайству, изслѣдовать еврейскія преступленія «до корня», кн. Хованскій упустилъ изъ виду суровое безпристрастіе государя; онъ не обратилъ также вниманія на то, что государь устранилъ комиссію и Шкурина отъ разслѣдованія тѣхъ злодѣяній, которыя Грудинскій, по его словамъ, совершилъ со своими родственниками: это порученіе было возложено на штабъ-офицера корпуса жандармовъ; кн. Хованскій упорно продолжалъ представлять всеподданнѣйшія донесенія съ прежними настойчивыми голословными увѣреніями въ виновности евреевъ, но чаша терпѣнія и довѣрія государя переполнилась, и 5 августа 1829 г. начальникъ гл. штаба увѣдомилъ кн. Хованскаго, что по ознакомленіи съ его докладомъ отъ 23 іюля; *«Государь Императоръ не видя, чтобы слѣдствіе, столь долго уже продолжающееся, приближалось къ концу, и замѣчая, что комиссія наиболѣе основываетъ свои заключенія на догадкахъ, на толкованіи припадковъ и отмѣнныхъ движеній обвиненныхъ при допросахъ и очныхъ ставкахъ, и на показаніяхъ обвинителей. не получивъ ни одного признанія отъ томящихся долговременно въ неволѣ обвиненныхъ, опасается, что комиссія, увлеченная своимъ усердіемъ и нѣкоторымъ предубѣжденіемъ противу евреевъ, дѣйствуетъ нѣсколько пристрастно и длитъ безъ пользы дѣло.* По сему Его Величеству угодно, чтобы кн. Хованскій представилъ теперь свое мнѣніе о семъ дѣлѣ, о причинахъ, кои онъ имѣетъ полагать, что преступленіе, евреямъ приписываемое, дѣйствительно учинено и наконецъ *увѣренъ-ли онъ, что комиссія точно дѣйствуетъ правильно и безпристрастно.*

Резолюціей государя была заклеимена дѣятельность ком-

мисси; вмѣстѣ съ тѣмъ требованіе, чтобы Хованскій указаль обстоятельства, которыя устанавливали бы фактъ преступленія евреевъ, ясно говорило, что все, что до сего времени докладывалось государю, далеко еще не было достаточно въ его глазахъ для осужденія евреевъ. Болѣе того, ссылка на то, что евреи не признались во вводимомъ на нихъ преступленіи, не смотря на долгую неволю, свидѣтельствовала, что государь какъ бы проникся извѣстнымъ сочувствіемъ къ заключеннымъ.

Не трудно предвидѣть, что Хованскій не могъ найти въ процессѣ какихъ-либо новыхъ обстоятельствъ, которыя доказывали бы виновность евреевъ: такихъ данныхъ не было. Впрочемъ, даже имѣя въ виду представить государю требуемое заключеніе, кн. Хованскій не обратился къ самостоятельному изученію этого сложнаго и важнаго дѣла; онъ просто предложилъ Беклешеву съ прочими сочленами составить соответствующую записку... Черезъ мѣсяць это порученіе было исполнено.

Записка комиссіи состояла изъ 26 обвинительныхъ пунктовъ. Послѣ осужденія, которому государь подвергъ систему обвиненія евреевъ на основаніи «толкованія припадковъ и отмѣнныхъ движеній обвиняемыхъ», комиссія не рѣшилась болѣе основывать свое заключеніе на паталогическомъ матеріалѣ; благодаря этому обвинительный приговоръ комиссіи потерялъ не только значительную часть своего вѣса, своего внутренняго содержанія, но и часть внѣшняго блеска, тотъ колоритъ драматизма, который былъ приданъ обвинительному акту картинно-изображенными испуганными, дрожавшими евреями и бившимися въ истерикѣ еврейками. Вмѣсто этого утраченнаго матеріала комиссія не нашла другого равноцѣннаго: ей пришлось ограничиться тѣми «фактическими данными», которыя, будучи уже извѣстны государю, не вызвали въ немъ ни малѣйшей увѣренности въ виновности евреевъ, ибо по самому своему существу эти данныя, въ большинствѣ, легко и естественно получали толкованіе, противоположное тому, которое придавалось имъ комиссіей.

Что-же, по мнѣнію комиссіи, служило доказательствомъ виновности евреевъ? Прежде всего, удостовѣреніе Терентьевой, что ею былъ похищенъ солдатскій сынъ; затѣмъ, признаніе Те-

рентьевой, Максимовой и Козловской въ совершении злодѣянія; тождественность медицинскаго протокола съ обстоятельствами, сопровождавшими мученіе, совершенное надъ ребенкомъ; фактъ обрѣзанія ребенку ногтей (?); ночной караулъ въ домѣ Берлинскихъ въ лицѣ Абрама Глушкова и Юсея Турновскаго; ворожба Терентьевой и предсказанія Еремѣевой; поѣздка двухъ евреевъ къ мѣсту, гдѣ былъ найденъ трупъ; подкупъ священника; наконецъ то, что евреи со страхомъ смотрѣли на кровавый доскутъ холста, что они не шли, вопреки своему природному любопытству, смотрѣть трупъ ребенка, что они совѣщались на собраніяхъ, что Максимова держала себя свободно и властно въ домѣ своихъ господъ, что христіанки одинаково описывали синагогу и порядокъ злодѣянія.

Коммиссія нѣсколько ошиблась, ссылаясь на тождественность медицинскаго протокола съ обстоятельствами, сопровождавшими мученія ребенка; на трупѣ, напримѣръ, было согласно протоколу 14 уколовъ, а если подсчитать сколько, по словамъ Терентьевой, уколовъ было нанесено евреями мальчику, то ихъ оказалось бы нѣсколько десятковъ; свидѣтельницы также не могли объяснить, почему на трупѣ носъ былъ прижать къ губамъ, а на затылкѣ имѣлось пятно. Но уже совершенно недѣльной со стороны коммиссіи являлась ссылка на ночной караулъ, на нежеланіе евреевъ взглянуть на трупъ—эти обстоятельства, какъ справедливо указалъ впоследствии Мордвиновъ,—проистекали отъ естественнаго опасенія быть привлеченными къ дѣлу.

Для обвиненія евреевъ коммиссія воспользовалась и другимъ, по ея мнѣнію—вѣскимъ, матеріаломъ, именно нѣкоторыми заявленіями обвиняемыхъ, заявленіями, которымъ коммиссія придавала особый смыслъ, не имѣвшійся въ виду самими обвиняемыми. Такъ, напримѣръ, столь простое, безхитростное заявленіе Абрама Кисина, что онъ не ручается за другихъ евреевъ—свидѣтельствовало, по мнѣнію коммиссіи, о его виновности. Какъ будто коммиссія не усмотрѣла бы заговора евреевъ, если бы Кисинъ, наоборотъ, сказалъ, что онъ ручается за всѣхъ евреевъ. Вѣдь придала же коммиссія значеніе улики какъ разъ противоположнымъ заявленіямъ другихъ обвиняемыхъ, что никто изъ евреевъ не могъ совершить подобное злодѣяніе. Вопросъ „это была жидовка?“, вырвавшійся изъ устъ удивлен-

наго или пораженнаго Йоселя Турновскаго когда ему заявили что Максимова была обращена въ еврейскую вѣру, комиссія превратила въ утвержденіе: «это была жидовка». Комиссія также объяснила, что «Шифра Берлинова, если бы не знала совершенно, что жертвою умерщвленія всегда были ходившіе по міру или самаго бѣднаго класса людей малолѣтнія дѣти, какъ и доказательницы показываютъ, не могла бы послѣ очной ставки съ Козловской говорить, что если бы евреямъ нуженъ былъ мальчикъ, то могли бы обойтись и безъ доказательницъ, потому что много ихъ ходитъ по міру!» Вообще, всё заявленія евреевъ, по мнѣнію комиссіи, являлись лучшимъ доказательствомъ ихъ виновности, такъ какъ вмѣсто оправданій они «только разсуждаютъ, что сего по тому или по другому быть не можетъ!»

Не ограничиваясь приведенными данными, непосредственно относившимися къ велижскому событію, комиссія, слѣдую своей старой системѣ, пыталась превратить весь еврейскій народъ въ клятвoprеступниковъ и фанатическихъ изувѣровъ, но мы не остановимся на этихъ строкахъ и приведемъ лишь заключительныя слова доклада комиссіи: «Послѣ всего изъясненія—такъ заканчивалось донесеніе—ничего не остается болѣе дѣлать съ виновными, какъ изобличить ихъ, на основаніи законовъ, обстоятельствами, кои такъ ясны и опредѣлительны, что признаніе ихъ остается ненужнымъ».

Заявленіе о томъ, что признаніе евреевъ «остается не нужнымъ» было сдѣлано комиссіей съ болью въ сердцѣ: до послѣдняго момента и комиссія, и кн. Хованскій добивались признанія евреевъ. Такъ, за нѣсколько дней до представленія комиссіей указаннаго доклада кн. Хованскій,—какъ онъ описалъ объ этомъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ, — былъ въ Велижѣ для «личнаго удостовѣренія»; комиссію онъ нашелъ «въ дѣятельнѣйшемъ занятіи»; что же касается обвиняемыхъ, то онъ «не оставилъ отъ испытанія: не возъмѣютъ ли надъ евреями дѣйствія сильныя и убѣдительнонѣйшія его внушенія, каждому дѣланнаго, къ чистосердечному раскаянію и признанію: такъ какъ сіе есть единственное средство къ скорѣйшему прекращенію томленія ихъ въ тюремномъ заключеніи, а можетъ быть и къ облегченію участи ихъ»... А христіанскимъ женщи-

намъ кн. Хованскій «напоминаль обратиться къ дѣйствию совѣсти, и представить себѣ страхъ Божій и кару законовъ, объявить чистосердечно во всемъ правду и не клеветуютъ ли онѣ почему либо на евреевъ... Но къ величайшему сожалѣнію,—писаль кн. Хованскій,—быль свидѣтелемъ со стороны евреевъ одного упорнаго заирательства, тогда какъ христіанки, все единогласно, а нѣкоторыя въ слезахъ и съ чувствомъ соболѣзнованія объ упорствѣ евреевъ, подтвердили свое признаніе». Надежда на «сознаніе» евреевъ была утрачена...

Кн. Хованскій использоваль донесеніе комиссіи въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ; но помимо этого онѣ привель и другія данныя, которыя могли внушить государю увѣренность въ виновности евреевъ.

Это были тѣ матеріалы, которые Страховъ собралъ чрезъ посредство самого же кн. Хованскаго. Слѣдственной кимиссіи были извѣстны эти матеріалы, но такъ какъ указомъ 27 марта 1827 г. государь приказаль придерживаться высочайшаго повелѣнія отъ 6 марта 1817 г., въ силу котораго обвинять евреевъ въ преступленіяхъ можно было лишь «по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся», комиссія была лишена возможности внести эти данныя въ свою записку. Въ сущности, ими не долженъ былъ воспользоваться и кн. Хованскій, но они представляли въ глазахъ велижскихъ союзниковъ столь значительную цѣнность, что кн. Хованскій не оставилъ и предѣ лицемѣріемъ, лишь бы ознакомить государя съ этими свѣдѣніями. И свидѣтельствуя предѣ государемъ, что комиссія дѣйствовала безпристрастно и правильно, придерживаясь, между прочимъ, только что упомянутаго высочайшаго повелѣнія, коимъ, какъ говорилъ самъ кн. Хованскій, было предписано «руководствоваться не предположеніемъ преступленія, но судебными уликами», кн. Хованскій съ своей стороны все же привель эти не относящіяся къ дѣлу матеріалы, завѣряя государя, что «не увлекаясь нисколько предубѣжденіемъ противъ евреевъ, видитъ себя въ обязанности» отмѣтить таковыя данныя «какъ предметы, которые могутъ быть приняты въ соображеніе» при разсмотрѣніи дѣла. Такимъ образомъ получалось впечатлѣніе, будто комиссія отнюдь не руководство-

валась этими данными и что лишь кн. Хованскій собралъ ихъ, дабы впослѣдствіи дѣло могло быть разсмотрѣно всесторонне.

«Кромѣ дѣла, показывающаго тиранское злодѣйство евреевъ, совершенное въ Велижѣ надъ невиннымъ страдальцемъ, — писалъ кн. Хованскій въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ, — подобныя злодѣйства существовали во многихъ памятныхъ вѣкахъ и въ разныхъ христіанскихъ странахъ, куда токмо проникали евреи, сіи враги рода христіанскаго», въ доказательство чего онъ привелъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ленчицкомъ процессѣ, а затѣмъ сообщилъ, что въ 1805 г. въ велижскомъ повѣтѣ былъ найденъ трупъ мальчика-пастуха, но двое евреевъ, на коихъ пало подозрѣніе, были освобождены за отсутствіемъ уликъ; что въ 1811 г. въ Невельскомъ повѣтѣ пропалъ 8-ми недѣльный младенецъ, а въ 1816 г., въ Гроднѣ, четырехъ лѣтняя дѣвочка (кн. Хованскій не отмѣтилъ вызваннаго этимъ дѣломъ высочайшаго выговора губернскимъ властямъ). Наконецъ, доложивъ о своемъ стараніи раздобыть книгу «Опроверженіе еврейской вѣры», онъ упомянулъ «объ обвиненіяхъ однимъ евреемъ другихъ во вредныхъ дѣйствіяхъ противъ христіанъ и правительства» (не указавъ темной личности доносчика) и, приведя выписки изъ еврейскихъ книгъ, въ свое время доставленныхъ доносчикомъ, кн. Хованскій заключилъ свой докладъ увѣреніемъ, что «сверхъ того есть многія другія подобныя постановленія».

2-го октября 1829 г. кн. Хованскій отправилъ государю записку комиссіи по велижскому дѣлу и свой рапортъ, а 29 октября наступилъ моментъ, давно ожидавшійся обвиняемыми. Въ этотъ день управляющій штабомъ Е. И. В. извѣстилъ кн. Хованскаго, что его всеподданнѣйшій рапортъ вмѣстѣ съ запиской препровождены, по высочайшему повелѣнію, министру юстиціи для внесенія ихъ вмѣстѣ со „всѣми дѣлами, комиссіей законченными“ въ сенатъ „на разсмотрѣніе и для постановленія по оному рѣшительнаго опредѣленія на основаніи законовъ“ и что вслѣдствіе этого, по приведеніи въ порядокъ бумагъ, ген.-губернаторъ имѣетъ доставить ихъ министру юстиціи.

Правда, заключенные все время мечтали, что они будутъ присутствовать при судебномъ разбирательствѣ, что тамъ, въ

судебномъ мѣстѣ, они уличать доносицѣ во лжи—съ перенесеніемъ дѣла въ сенатъ эти ожиданія рушились—но тѣмъ не менѣе извѣстіе, что комиссія оправдывается, не могло не наполнить измученное сердце евреевъ бодрящей надеждой, внести душевный покой въ ихъ тюремную жизнь.

Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, кн. Хованскій предписалъ комиссіи составить краткія записки по разбиравшимся ею дѣламъ. Съ этимъ распоряженіемъ должна была, въ сущности, прерваться дѣятельность Хованскаго, но онъ отнюдь не думалъ сложить съ себя заботу по велижскому процессу. Какъ усердно ни нагромоздила комиссія обвинительный матеріалъ, Хованскій все еще опасался, что таковой недостаточенъ, чтобы похоронить подъ собою евреевъ.

Въ апрѣлѣ 1830 г. онъ обратился къ архіепископу Минскому и Литовскому, Анатолю, съ просьбою доставить свѣдѣнія о младенцѣ Гавріилѣ, замученномъ яко-бы евреями въ 1690 г., мощи котораго хранились въ монастырѣ близъ Слуцка, и въ своемъ письмѣ Хованскій, между прочимъ, сообщалъ:

„...Сіи три христіанки преступницы въ дѣлѣ мученія младенца Θεодора, многія обстоятельства, показанія и разныя событія, слѣдствіемъ открытыя, явственно уличаютъ евреевъ въ совершеніи сего злодѣянія, хотя они, по свойственному имъ ухищренію, закорененію въ порокахъ и совершенной нераскаянности въ злодѣянιάхъ, противъ христіанства совершаемыхъ, и не сознаются въ томъ. Между тѣмъ и по обязанности званія мною носимаго, и по долгу чловѣка-христіанина, озабочиваясь представить сіе дѣло предъ Верховнымъ Судилищемъ сколько возможно полнѣйшимъ и яснѣйшимъ, я старался и собралъ въ подкрѣпленіе онаго нѣсколько примѣровъ, актами доказанныхъ, подобныхъ мучительствъ христіанъ, въ разныхъ странахъ и вѣкахъ, отъ евреевъ учиненныхъ“.

Архіепископъ исполнилъ просьбу кн. Хованскаго и, сообщая ему текстъ „тропаря младенцу Гавріилу“, онъ послалъ ему также печатный экземпляръ „Эпитафіи“ (передававшей подробность умерщвленія ребенка), по поводу которой писалъ:

„...Я разсудилъ за благо доставить вашему сіятельству печатный экземпляръ, хотя въ монастырѣ, кромѣ наклееннаго на табличкѣ, висящей при мощахъ, для чтенія всѣмъ прихо-

дящимъ, другого не осталось. По моему мнѣнію, нужно-бы напечатать ихъ вновь достаточное количество и разослать во всѣ присутственныя мѣста губерній, евреями обитаемыхъ, для предупрежденія христіанъ отъ подобныхъ приключеній. Весьма вѣроятно, что сія ужасная тайна у евреевъ хранится между немногими, а потому раскрыть ее было-бы полезно для нихъ самихъ. Многие ужаснулись бы узнавъ, что столь преступныя дѣйствія совершаются въ ихъ религіи и поспѣшили-бы къ источнику спасенія“.

Эти слова архіепископа придали, повидому, смѣлости еп. Хованскому; если до этого времени онъ болѣе или менѣе маскировалъ свое стремленіе обосновать обвинительный приговоръ по велижскому дѣлу не фактами самаго велижскаго событія, а „историческими“ данными, то теперь, прочтя письмо архіепископа, онъ сталъ выражаться откровеннѣе: прося (1 августа 1830 г.) оберъ-прокурора св. синода розыскать свѣдѣнія о томъ-же умерщвленіи евреями младенца Гавріила, онъ съ циничной прямою писалъ, что *„засвидѣтельствованіе о мученіи сего младенца, ознаменованнаго властію Всемогущаго нетлѣніемъ, было бы новымъ самымъ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ и подобнаго безчеловѣчія, совершеннаго евреями въ Велижѣ надъ младенцемъ Θεодоромъ“*...

Между тѣмъ пока ген.-губернаторъ такъ усердно розыскивалъ документы объ умерщвленіи евреями Гавріила, комиссія не бездѣйствовала; она слѣдовала по стопамъ Хованскаго. По ея порученію Паздерскій продолжалъ дѣлать выписки изъ разныхъ еврейскихъ книгъ „показывающія разнаго рода оскорбленія всѣмъ прочимъ народамъ, допускаемая самою еврейскою вѣрою“. Это требовало много времени и неудивительно, что комиссія медлила изготовленіемъ записокъ, потребованныхъ еп. Хованскимъ.

Отмѣтимъ здѣсь, что въ это время выяснился уже результатъ разслѣдованія по дѣлу о наговорѣ Грудинскаго.

По прибытіи вмѣстѣ съ Грудинскимъ въ Бобовну, жандармскій полковникъ Рудковскій, на котораго было возложено производство слѣдствія, тотчасъ убѣдился въ лживости разсказа Грудинскаго; все, что онъ говорилъ о себѣ, о родителяхъ и родныхъ, оказалось неправдой; лживыми оказались и другія его

показанія; наконецъ Грудинскій сознался, „что не участвовалъ онъ въ умерщвленіи какихъ-либо христіанскихъ мальчиковъ, что не видалъ и не знаетъ, чтобы таковые объявленными имъ лицами или къмъ либо другимъ были умерщвлены и что все объ умерщвленіи христіанскихъ мальчиковъ объяснилъ въ велижской комиссіи ложно“, что онъ „былъ побужденъ къ такому поступку несчастною своею жизнью и что не зная, какъ и чѣмъ существовать, рѣшился явиться въ комиссію“. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія государя и 26 марта 1830 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе сдать Грудинскаго въ солдаты... *) Такой исходъ наговора Грудинскаго, вокругъ котораго комиссія преждевременно подняла радостный побѣдный шумъ, значительно, надо думать, поколебалъ въ государѣ довѣріе къ кровавымъ навѣтамъ вообще...

Въ августѣ 1830 г. „записки“ комиссіи были закончены; согласно распоряженію Хованскаго, онѣ должны были быть составлены „безъ выпущенія нужныхъ обстоятельствъ“, но вѣдь то, что являлось „нужнымъ“ для правосудія, не имѣло значенія въ глазахъ Хованскаго и комиссіи, и потому записки оказались составленными въ томъ духѣ, въ какомъ велось все слѣдствіе.

Въ этомъ отношеніи важно отмѣтить, что комиссія не привела въ запискахъ всѣхъ высочайшихъ резолюцій. Резолюцію государя: „ислѣдовать все до корня“ комиссія нѣсколько разъ повторила въ запискахъ, такъ какъ ею какъ-бы устанавливалась связь между велижскимъ событіемъ и другими подобными происшествіями, но комиссія совершенно умолчала о резолюціи: „узнать кто были сіи несчастныя дѣти. Это легкость ли все это не гнусная ложь“, а между тѣмъ, зная эту резолюцію и видя изъ дѣлъ, что комиссія не доискала, кто были эти несчастныя дѣти, будущіе судьи евреевъ, сенаторы, не могли-бы не остановиться на вытекающемъ изъ сего выводѣ, въ связи съ чѣмъ велижскій процессъ, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, могъ бы получить иное направленіе.

*) Объ этомъ эпизодѣ имѣется сообщеніе С. М. Дубнова въ Альманахѣ „Ахіасафъ“ за 1894—95 г.; въ альманахѣ слѣдующаго года приведены нѣкоторые дополненія.

Рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго хода велижскаго дѣла имѣло также умолчаніе о другой резолюціи государя, именно той, которая осуждала систему обвиненія евреевъ на основаніи „отмѣнныхъ тѣлодвиженій“ и которая—что особенно важно—бросила тѣнь подозрѣнія на дѣятельность слѣдственной комиссіи.

ГЛАВА XI.

Еще въ 1827 г., какъ было указано выше, сенатъ потребовалъ, чтобы подсудимымъ евреямъ было объявлено объ ихъ правѣ приносить жалобы на «пристрастіе» и чтобы комиссія, въ связи съ этимъ, отбирала у нихъ подписки «о нечиненіи пристрастія»; но тогда это требованіе сената было оставлено безъ исполненія, такъ какъ по ходатайству кн. Хованскаго государь повелѣлъ предоставить дѣло вѣдѣнію одного лишь Хованскаго и устранить сенатъ отъ вмѣшательства въ дѣйствія комиссіи.

Но теперь, когда разсмотрѣніе дѣла было поручено именно сенату, предъ кн. Хованскимъ предсталъ тревожный вопросъ о «пристрастіяхъ»; онъ зналъ, что не всѣ подсудимые дадутъ требуемыя подписки; поэтому онъ обратился къ министру юстиціи съ отношеніемъ, въ которомъ выразилъ сомнѣніе, слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ придерживаться закона объ отобраніи отъ подсудимыхъ подписокъ о «нечиненіи пристрастія», разъ въ комиссіи присутствовалъ флигель-адъютантъ Шжуринъ, «свидѣтельствующій своимъ наблюденіемъ о порядочномъ производствѣ слѣдствія». Министръ юстиціи предложилъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе сената, который не согласился съ мнѣніемъ кн. Хованскаго и возложилъ отобраніе подписокъ на витебскаго губернатора и маршала.

Увы, не всѣмъ евреямъ, заключеннымъ Страховымъ въ тюрьму, суждено было дожить до того дня, когда предъ ними мелькнулъ слабый, но давно жданный лучъ законности и справедливости!

Шмерка Берлинъ, его зять Гирша Аронсонъ и невѣстка Шифра, а также Поселенный отошли въ вѣчность, никому не повѣдавъ повѣсти своихъ страданій; неизвѣстными остались обстоятельства, при которыхъ они простились со стѣнами тюрьмы:

радовались-ли они переходу въ иной міръ, не надѣясь найти правду на землѣ, или ихъ сердце съ болью сжималось при мысли, что они никогда уже не увидятъ близкихъ, дорогихъ людей, не увидятъ ихъ свободными, сами будучи свободны... Быть можетъ, живыми изъ тюрьмы не вышли также велижскій мѣщанинъ Абрамъ Везменскій и Рывка Нахимовская, жена Ицки Нахимовскаго,—ихъ судьба невѣдома намъ *).

Изъ числа 42 заключенныхъ евреевъ, 21 человѣкъ, согласно списку, составленному губернаторомъ и маршаломъ, дали подписки «въ безпристрастномъ допрашиваніи»; однако, изъ нихъ Итка Цетлинъ указала, что ее чрезмѣрно долго допрашивали; Зуся Рудняковъ заявилъ, что его заставили подписать допросъ въ субботу, что несомнѣнно было для него тяжелымъ нравственнымъ насиліемъ; Бася Аронсонова, Мейеръ Берлинъ и Хаимъ Хрипунъ жаловались, что Страховъ чинилъ имъ пристрастіе; Носонъ Берлинъ также отмѣтилъ, что на первыхъ допросахъ «было пристрастіе».

Остальные же евреи подписали заявленія «о пристрастіи», за исключеніемъ Славки Берлинъ; полная презрѣнія и ненависти къ членамъ комиссіи, она, сильная духомъ, осталась вѣрной себѣ: она отказалась дать отвѣтъ на вопросы губернатора и маршала.

Изъ этихъ 20 человѣкъ—пятеро глухо заявили о чинимомъ имъ пристрастіи, четверо указали на «большое пристрастіе», двое на пристрастіе и принужденіе, трое, и среди нихъ престарѣлая Рывка Берлинъ, говорили, что комиссія прибѣгала къ пристрастію и «обидамъ», Евзикъ Цетлинъ, Гирша Берлинъ и Иосель Мирласъ заявили, что были «допрашиваемы слѣдователями пристрастно и показанія подписаны ими по принужденію», Шмерка Аронсонъ сообщилъ, что «при допросахъ было пристрастіе и

*) Въ докладѣ отъ 23 Авг. 1829 г. Хованскій сообщаетъ, что нѣкоторые арестованные были освобождены; быть можетъ въ числѣ ихъ и были эти двое лицъ, но вообще были освобождены тѣ евреи, имена коихъ мы не привели въ нашемъ очеркѣ и которые очутились въ тюрьмѣ не по показанію христіанокъ, а по рвенію слѣдователей и, какъ видно, не по поводу велижскаго злодѣянія, а по поводу самаго процесса; среди этихъ арестованныхъ былъ бургомистръ Юфе, а также оцѣнщикъ Хаимъ Черный.

первую очную ставку подписалъ въ безпамятствѣ, Ицка Нахимовскій показалъ, что подписалъ показаніе въ «безчувствіи». Къ сему 20 человекъ присовокупили, что, не смотря на протесты съ ихъ стороны, показанія подсудимыхъ были записаны не ихъ словами, и что христіанкамъ не давали говорить, а члены комиссіи сами читали обвиненія...

Послѣ отобранія подписокъ комиссія была закрыта.—Кн. Хованскій прочиталъ совмѣстно съ Шкуринымъ и Беклешевымъ записки комиссіи и, «убѣдясь совершенно, всеми обстоятельствоми, слѣдствіемъ открытыми», что евреи виновны во всѣхъ разслѣдованныхъ ритуальныхъ преступленіяхъ, онъ въ своемъ новомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (27 авг. 1830 г.) повторилъ свое прежнее заключеніе, согласное съ утвержденіемъ комиссіи, что евреи дѣйствительно убили солдатскаго сына. При этомъ, ссылаясь на свой предыдущій рапортъ и отмѣчая указанныя въ немъ обстоятельства, доказывающія вину евреевъ, кн. Хованскій присовокупилъ, что съ тѣхъ поръ «представились еще новыя доказательства» виновности евреевъ, а именно: выписки, составленныя Падзерскимъ изъ разныхъ еврейскихъ книгъ, свидѣтельствующія о томъ, что евреи не признаютъ остальныхъ народовъ за людей; затѣмъ сочиненіе ксендза Пиккульскаго, говорящее о «надобности» христіанской крови, «эпитафія» Гавріила и, наконецъ, выдержка изъ литовскаго статута, требующаго для обвиненія евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ не менѣе трехъ христіанъ-свидѣтелей, изъ чего Хованскій заключилъ не то, что въ Польшѣ возникали ложныя обвиненія, а что «въ той странѣ дѣйствительно существовали такого рода преступленія, когда законодательная власть признала нужнымъ для каранія онаго постановить законъ».

Одновременно съ отсылкой всеподданнѣйшаго доклада кн. Хованскій препроводилъ министру юстиціи составленныя комиссіей записки и нѣкоторые относящіеся сюда документы, причемъ Хованскій старался убѣдить министра, что отзывы евреевъ о пристрастіи «не только не достойны ни малѣйшаго вѣроятія, но означаютъ болѣе наглую дерзость обличенныхъ уже, отчаянныхъ преступниковъ, полагающихъ для спасенія своего надежду въ одномъ продолженіи дѣла, въ освобожденіи себя, какими бы средствами ни было, отъ бдитель-

наго надвора и въ достиженіи до сообщенія съ доказательницами христіанками, коихъ они надѣются обольстить или застрашать угрозами жестокаго наказанія... и чрезъ то самое склонить къ сговору съ нихъ ужасныхъ злодѣяній, совершенно явныхъ и доказанныхъ, но только по одному упорству не подтвержденныхъ... Въ журналы, — говорилъ кн. Хованскій, — все заносилось своевременно въ подробности и даже записаны со всей точностью самыя тѣ слова, что онѣ (христіанки) произносили, а равно замѣчены происходившія въ то время въ евреяхъ перемѣны отъ дѣлаемыхъ имъ столь сильныхъ уликъ, что они приходили отъ оныхъ, вмѣсто ожидаемаго раскаянія, въ ожесточеніе... И въ виду этого кн. Хованскій просилъ министра засвидѣтельствовать передъ сенатомъ безпристрастіе комиссіи.

Въ теченіе трехъ лѣтъ кн. Хованскій былъ полнымъ хозяиномъ слѣдственнаго производства; все, что было въ предѣлахъ возможности, онъ сдѣлалъ для того, чтобы виновность евреевъ была доказана. Но былъ ли онъ увѣренъ, что слѣдственный матеріалъ дѣйствительно свидѣтельствовалъ явнымъ образомъ о виновности подсудимыхъ? Нѣтъ, въ немъ не только не было этой увѣренности, въ немъ даже гнѣздилося сознаніе, что данныя, относящіяся къ событію, говорятъ о непричастіи евреевъ къ злодѣянію, и вотъ почему даже теперь, когда слѣдствіе было вполне завершено, кн. Хованскій былъ радъ случаю пополнить обвинительный матеріалъ. Болѣе того, опасаясь, что теперь человеческое слово безсильно убѣдить государя въ виновности евреевъ, кн. Хованскій рѣшилъ призвать Бога и навявать ему роль «доказчика».

26 августа 1830 г. крещеный еврей, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка рядовой Александръ Федоровъ, явившись въ С.-Петербургскій ордонансъ-гаузъ, заявилъ, что въ мартѣ 1824 г. велижскій раввинъ Смерка Берлинъ велѣлъ своему прислужнику Іосифу Миркину привести христіанскаго мальчика, потомъ, по приходѣ прочихъ старшинъ, Афроима Минца, Смерки Берлина и Орлика, мальчика посадили въ погребъ; на другой день ребенокъ былъ найденъ мертвымъ за городомъ, а такъ какъ по свидѣтельству Левена мальчикъ былъ «изрѣзанъ и перевязана каждая жилка», то Федоровъ и полагаетъ, что

евреи убили мальчика. Однако, какъ ему извѣстно, евреи не сознались, а онъ самъ съ того времени, когда мальчика посадили въ погребъ, по сію пору «упрекается совѣстью», то онъ и пришелъ въ ордонансъ-гаузъ рассказать обо всемъ... Въ виду того, что Федоровъ былъ родомъ изъ Велижа, государь поручилъ кн. Хованскому доставить свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ Федоровъ поступилъ на военную службу.

Урокъ, преподаваемый Грудинскимъ, прошелъ безслѣдно для кн. Хованскаго: чтобы вновь выступить съ обвиненіемъ противъ евреевъ, онъ беретъ подъ свое покровительство новаго невѣдомаго выкреста Федорова, показаніе котораго, въ основѣ противорѣчившее тому, что было извѣстно о велижскомъ событіи, явно изобличало въ немъ клеветника *), и старается внушить государю довѣріе къ этому свидѣтелю.

Сообщивъ свѣдѣнія о военной карьерѣ Федорова, кн. Хованскій присовокупилъ, что въ Велижѣ дѣйствительно произошло умерщвленіе христіанскаго мальчика, о которомъ показалъ Федоровъ, «но только онъ, рядовой, нѣкоторыя обстоятельства сего событія неизвѣстно почему (?) *переиначиваетъ*»: такъ, напри- мѣръ, Федоровъ сообщилъ, что ребенокъ умерщвленъ въ 1824 г., между тѣмъ какъ это произошло въ 1823 г. Это противорѣчіе, однако, не вызвало въ кн. Хованскомъ сомнѣнія въ достовѣрности показанія Федорова; напротивъ, по мнѣнію кн. Хованскаго, *добровольное признаніе рядоваго Александра Федорова... есть весьма важное въ семъ дѣлѣ свидѣтельство, которое, чрезъ обличеніе прежнихъ единовѣрцевъ его, если не доведетъ ихъ до совершеннаго признанія въ учиненномъ злодѣяніи, то по крайней мѣрѣ представитъ уже самую вѣрную и ничѣмъ не отвергаемую улику, по которой тѣмъ скорѣе можно ожидать окончанія и разрѣшенія самаго дѣла, столь долгое время, единственно отъ упорства евреевъ, продолжающагося.*

Итакъ, послѣ пятилѣтней дѣятельности комиссіи, собран- шей многопудовое «досье» по дѣлу, важнымъ свидѣтельствомъ противъ евреевъ является показаніе Федорова, заявившаго соб- ственно лишь о томъ, что ребенка въ его присутствіи посадили въ

*) Отмѣтимъ, кстати, что, по словамъ Федорова, мученіе и умерщ- вленіе ребенка произошло въ теченіе одного дня, а по описанію доносчиць—это потребовало 8 дней.

погребѣ! Но, впрочемъ, сила обличенія Федорова заключалась не въ томъ, что онъ показалъ; мощные духомъ, еврей—мнилось кн. Хованскому—устоять противъ самаго сильнаго человѣческаго удара; чтобы сломить упорство злодѣевъ, нужна Божья помощь, и кн. Хованскій поясняетъ, что *«случай сей можно признавать видимымъ промысломъ Всевышняго. Тогда какъ послѣ тончайшаго, продолжительнаго изслѣдованія злодѣи - евреи, источившіе кровь христіанскую, обличаемые всѣми обстоятельствами и четырьмя христіанками, вмѣстѣ съ ними въ семь убійствъ участвовавшими, упорствуютъ сознаться въ своемъ злодѣянніи, является вдругъ, вдалекѣ, прежній единовѣрецъ ихъ, видѣвшій страдальца мальчика заключеннымъ въ погребѣ, и доказываетъ добровольно, по дѣйствию совѣсти, что такое злодѣйство есть дѣло евреевъ... Самый случай сей есть чудесное даже событіе! Августа 27 числа онъ, генераль-губернаторъ,—читаемъ мы въ документѣ, передающемъ содержаніе донесенія кн. Хованскаго,—подписываетъ послѣднее всеподданнѣйшее донесеніе свое Государю Императору, содержащее все изложеніе дѣла сего и заключеніе по оному, и въ тотъ же самый день на разстояніи 600¹/₂ верстѣ, въ С.-Петербургѣ—ибо у Всемогущаго нѣтъ ни времени, ни пространства!—является въ ордонансгаузъ рядовой изъ евреевъ Александръ Федоровъ и тамъ своимъ свидѣтельствомъ удичаетъ велижскихъ евреевъ въ совершенномъ ими злодѣянніи! Въ то самое время, какъ судя по ходу почты и представленію Государю Императору докладовъ, Его Величество изволитъ разсматривать всеподданнѣйшее донесеніе его, генераль-губернатора, о велижскихъ евреяхъ, показывающее упорство ихъ, въ Витебскѣ сообщена ему (кн. Хованскому) тогда же Высочайшая воля, показывающая, что признаніемъ рядоваго Федорова заключеніе о злодѣйствѣ велижскихъ евреевъ подтверждается!.. Много пролито евреями христіанской крови въ разныхъ странахъ и вѣкахъ и много было судейскихъ опредѣленій о преданіи таковыхъ дѣлъ суду и волѣ Божіей; нынѣ воля Божія открывается явственно и судъ Его будетъ праведенъ»...*

Въ этихъ заключительныхъ строкахъ съ особенной силой и выразительностью вылился тотъ лейтъ-мотивъ, который, быть можетъ, вдохновлялъ кн. Хованскаго и его сподвижниковъ въ

теченіе ихъ пятилѣтней дѣятельности и которымъ—что ужъ несомнѣнно—эти печальной памяти герои велижской драмы пытались поработить мысль и сердце другихъ вершителей судьбы подсудимыхъ.

Съ чуда—явленія Архистратига Михаила—началась повѣсть о еврейскихъ преступленіяхъ, чудомъ же, по мысли кн. Хованскаго, она должна была завершиться...

Тайна воровбы Терентьевой была, по мнѣнію комиссіи, раскрыта признаніемъ Терентьевой въ соучастіи въ злодѣяніи, хотя въ дѣйствительности соучастіе въ преступленіи и воровба были несомнѣстимы; если евреи въ самомъ дѣлѣ умертвили ребенка, предварительно столь долго мучивши его, Терентьевой не представлялось необходимымъ воровать, ибо она могла выдать евреевъ на мѣстѣ преступленія; но комиссія заключила, что Терентьева только потому и могла воровать, что она сама участвовала въ злодѣяніи. Но на ряду съ этимъ комиссія не объявила предсказанія Еремѣевой, арестованной въ декабрѣ 1825 г. и находившейся въ тюрьмѣ уже пятый годъ. Какимъ образомъ случилось, что Еремѣева заблаговременно разгласила о велижскомъ событіи, — этого обстоятельства комиссія не выяснила. Превратить дѣвочку Еремѣеву въ соучастницы было слишкомъ нелѣпо и пожалуй рисковано, и комиссія предпочла не доискиваться истины; въ запискѣ, составленной комиссіею для сената, строки, посвященныя Михаилу Архистратигу, сохранили на себѣ печать чудеснаго...

Вдругъ 15 декабря 1830 г., т. е. тогда, когда сенатъ уже знакомился съ дѣлопроизводствомъ комиссіи, велижскія власти, при участіи бывшаго члена упраздненной велижской комиссіи Зайковскаго, призываютъ Еремѣеву (не знаемъ, по какой причинѣ) къ допросу и ея новое показаніе совершенно разрушаетъ сказаніе о явленіи Михаила Архистратига*). Еремѣева, быв-

*) Въ маѣ 1830 г., завершивъ въ свою работу въ комиссіи, Шкуринъ сообщилъ кн. Хованскому, что Еремѣева пожертвовала велижской грекороссійской Николаевской церкви богатыя священническія ризы, по поводу чего велижская полиція, по его предписанію, приступила къ разслѣдованію. Оказалось, что сперва Еремѣева заявила, что она сама сшила ризы, но потомъ она показала, будто онѣ пожертвованы крестьяниномъ Козловскимъ отъ ея имени; при этомъ обнаружилось, что Козловскаго соединяли съ Еремѣевой, съ ея 11-ти

шая въ моментъ велижскаго злодѣянiя подросткомъ, теперь, по прошествiи семи лѣтъ, сообщаетъ, что дѣло произошло слѣдующимъ образомъ: проживая въ Велижѣ, она однажды зашла въ домъ Ханны Цетлинъ и тамъ услышала, что Терентьева обѣщала принести что-то евреямъ; въ это время изъ комнатъ вышли евреи, которые, завидя ее, вызвали изъ передней Максимова; Максимова спросила Еремѣву, кто она такая; опасаясь, не о ней ли шла рѣчь, Еремѣва, раньше знавшая, что евреи употребляютъ христіанскую кровь, назвалась крестьянкой одной помѣщицы, дабы ей ничего худого не сдѣлали. Весь тотъ день Еремѣву не покидало желанiе узнать, о чемъ говорили евреи и, не смотря на страхъ, что евреи ее захватятъ, она вечеромъ вернулась въ домъ Ханны, рѣшивъ въ случаѣ опасности крикомъ позвать на помощь. Она спряталась въ углу и услышала разговоръ между Терентьевой и Максимовой. Максимова говорила, что евреямъ очень хотѣлось захватить Еремѣву, но она отсовѣтовала, такъ какъ помѣщица стала бы ее искать; на это Терентьева замѣтила, что и она видѣла, какъ евреи бросали жадные взоры на Еремѣву; къ этому Терентьева присоветовала, что она приведетъ евреямъ христіанскаго мальчика, а изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что мальчикъ будетъ умерщвленъ въ домѣ Мирки. (Ни Максимова, ни Терентьева не сообщили ничего подобнаго въ своихъ показанiяхъ; напротивъ, изъ показанiя Терентьевой вытекало, что она не знала, гдѣ произойдетъ умерщвленiе). Еремѣва рѣшила слѣдить за евреями,

лѣтняго возраста, какiя-то особыя узы; онъ ее часто навѣщаль въ тюрьмѣ, она заочно была воспріемницей его новорожденной дочери и, наконецъ, онъ отъ ея имени пожертвоваль ризы. Наши документы указываютъ, что при разслѣдованiи этого послѣдняго обстоятельства кн. Хованскiй предписаль вновь произвести разслѣдованiе по поводу предсказанiя Еремѣвой, но принадлежала ли ему въ данномъ случаѣ инициатива, не видно изъ документовъ. Быть можетъ, разслѣдованiе было вызвано предписанiемъ сената, который не могъ основываться на предсказанiяхъ. О ризѣ Шкуринъ донесъ Хованскому въ маѣ, а новое признанiе Еремѣвой послѣдовало лишь въ декабрѣ; сомнительно, чтобы между этими двумя разслѣдованiями была непосредственная связь. Во всякомъ случаѣ эпизодъ съ ризами указываетъ, что и Еремѣва находилась подъ извѣстнымъ религіознымъ воздѣйствiемъ.

но она заболѣла и ей пришлось покинуть городъ. А выздоровѣвъ, она никому не говорила о происшедшемъ, опасаясь, что ей не повѣрятъ. Но ей было жалко будущей жертвы евреевъ, поэтому, отправившись въ Сентюры, она стала разглашать о сновидѣннн, символически указывая и злодѣевъ, и мѣсто преступленія *).

Это показаніе сорвало съ велижскаго событія завѣсу таинственности. Стало ясно, что не старикъ, явившійся во снѣ, а нѣкто другой посвятилъ Еремѣеву въ замысль убить ребенка и возвести обвиненіе на евреевъ, и что именно это неизвѣстное лицо навязало ей роль пророчицы, имѣющей сношенія съ неземнымъ міромъ. Еще одинъ шагъ—и слѣдователи узнали бы, въ чьихъ рукахъ находился клубокъ велижской драмы. Но этотъ шагъ не былъ сдѣланъ, ибо онъ привелъ бы къ правдѣ...

Г Л А В А XII.

Когда сенаторы 2 отдѣленія 5 департамента приступили къ ознакомленію съ велижскимъ дѣломъ—кровавый миѣ тотчасъ распростеръ надъ ними свои крылья.

Прежде всего сенаторы увидѣли передъ собою докладъ кн. Хованскаго отъ 2 октября 1829 г., изъ котораго они узнали, что въ книгѣ „Хошенъ Мишпатъ“ говорится, что „всякій выдающій еврея въ руки иновѣрцевъ или лично, или особу его, или же имѣніе, не имѣетъ частицы въ будущей жизни. Доволяется выдающаго убить на всякомъ мѣстѣ, даже въ нынѣшнее время и дозволяется убить его прежде даже, пока выдастъ“, а въ книгѣ Іоре-Деа сказано: «князь или государь когда приказываетъ наложить клятву на какое либо дѣло, которое не есть по закону, таковая клятва вовсе не имѣетъ никакого уваженія, даже не требуетъ запрещенія въ сердцѣ... Когда король или государь повелѣваетъ учинить присягу въ предметъ узнанія отъ кого (т. е. еврея), имѣлъ ли онъ полюбовную связь съ иновѣркой, дабы наказать его смертью, то сіе называется принужденною присягой, отъ которой можно отречься въ мысли».

Эти цитаты изъ еврейскихъ книгъ, долженствовавшія, по

*) Мы не привели въ подробностяхъ сновидѣнній Еремѣевой; отмѣтимъ, что послѣ предсказанія о смерти солдатскаго сына Еремѣеву стали возить „по господамъ“ какъ пророчицу.

мысли кн. Хованскаго, лишить евреевъ, такъ сказать, гражданскаго облика въ глазахъ судей, превратить евреевъ въ антиправительственный элементъ, достигли, вѣроятно, своей цѣли: о чуждомъ, заподозрѣнномъ въ преступленіи еврей можно было всему повѣрить.

Изъ того же доклада кн. Хованскаго сенаторы узнали о существованіи книги выкреста Неофита „Опроверженіе вѣры евреевъ“, отысканной по высочайшему повелѣнію въ Валахіи; это сочиненіе ихъ заинтересовало и департаментъ иностранныхъ исповѣданій прислалъ въ сенатъ выписки изъ „Опроверженія“, снабженныя примѣчаніями чиновника департамента. Первая глава книги Неофита, озаглавленная „О крови, которую евреи источаютъ изъ христіанъ, и о употребленіи оной“, подробно говорила о цѣляхъ, для которыхъ служить кровь христіанъ, и при этомъ дѣлались ссылки на соответствующія произведенія еврейской литературы. Чиновникъ департамента указалъ въ своихъ примѣчаніяхъ, что „нѣкоторыхъ мѣстъ по ссылкамъ совѣмъ не оказалось въ оныхъ, нѣкоторыя оказались несходными“, но это, по увѣренію чиновника, все же „не можетъ служить надежнымъ основаніемъ къ опроверженію оныхъ“, ибо приведенныя Неофитомъ „не найденныя или несходныя мѣста, можетъ быть, писаны имъ по слуху (!) о книгахъ, въ которыхъ они заключаются, или взяты изъ книгъ тайнаго изданія“ *). Такимъ образомъ сенаторы по необходимости должны были признать, что ужасы, наполняющіе сочиненіе Неофита, это факты дѣйствительной жизни; когда же сенаторы прочитали и второй докладъ кн. Хованскаго отъ 27 августа 1830 г., равно приложенія, составившія своего рода кровавую библіотечку, передъ ними развернулась во всей своей пестротѣ потрясающая картина еврейскихъ преступленій. Такъ, въ книгѣ Пикульскаго „Злость жидовская противъ Бога и ближняго, противъ правды и совѣсти и проч.“ подробно повѣ-

*) Для иллюстраціи познаній Неофита приведемъ первыя строки изъ его сочиненія: „Сія тайна (т. е. источеніе крови) извѣстна не всѣмъ евреямъ, а только рабинамъ, хахамамъ и фарисеямъ, кои называются ими хасидами“. По этому повѣду Д. Хвольсонъ (стр. 130) пишетъ: „Это похоже на то, какъ если бы кто нибудь сказалъ: епископы, архимандриты и православные христіане, кои называются духоборами, знаютъ ту или другую тайну“.

ствовалось и объ употребленіи христіанской крови, и о поруганіи святынь, и о враждѣ евреевъ къ прочимъ народамъ, при чемъ опять таки дѣлались ссылки на еврейскія книги *).

Нѣтъ основанія предположить, чтобы кто либо изъ сенаторовъ усомнился въ достовѣрности этого книжнаго матеріала, грознаго по своему содержанію и авторитетнаго по тону изложенія. Но если-бы такое сомнѣніе и возникло, то оно во всякомъ случаѣ тотчасъ бы разсѣялось, когда извѣстный кievскій митрополитъ Евгеній, освѣдомленный о велижскомъ дѣлѣ, прислалъ выписки изъ той-же книги Пикульскаго, аттестуя ее, какъ заключающую въ себѣ, „доказательства объ умерщвленіи жидами христіанскихъ дѣтей“. Къ тому же, свидѣтельство литературныхъ произведеній подтверждалось и лѣтописью ритуальныхъ преступленій. Пусть по всѣмъ подобнымъ дѣламъ, съ которыми кн. Хованскій познакомилъ сенаторовъ, евреи и были оправданы, такой благополучный исходъ объяснялся не непричастіемъ евреевъ къ злодѣяніямъ, а лишь несовершенствомъ судебного слѣдствія.

Но можетъ быть, что, даже властвуя надъ сенаторами, легенда не предопредѣлила бы судьбы обвиняемыхъ, если бы сенаторы разсмотрѣли дѣло при обычныхъ условіяхъ своей судейской дѣятельности, если бы съ перваго же шага они не встрѣтились лицомъ къ лицу съ исключительной по своему характеру и необычайной по своему значенію задачей.

По существу дѣла сенаторамъ предстояло разрѣшить вопросъ: виновны ли подсудимые евреи въ тѣхъ злодѣяніяхъ, о которыхъ сообщили свидѣтельницы? Но въ слѣдственномъ матеріалѣ, пред-

*) Эти еврейскія книги въ дѣйствительности вовсе не существовали. Пикульскій, со словъ Серафимовича, говоритъ, что ребенка качаютъ въ особой бочкѣ съ гвоздями и эта бочка, „какъ пишется въ книгѣ Hulen, имѣетъ такое свойство, что будучи закупорена не издаетъ изъ себя смрада, и никто не узнаетъ, что въ ней скрывается“. — „Мы можемъ и здѣсь увѣрить, — заявляетъ Д. Хвольсонъ (стр. 308), — что въ еврейской литературѣ не существуетъ книги съ такимъ заглавіемъ, да и существовать не можетъ, такъ какъ Гуленъ не есть ни древне-еврейское, ни раввинское слово“. О характерѣ сочиненія Пикульскаго вполне ясно говоритъ то обстоятельство, что онъ приводитъ, какъ сущую правду, заявленіе Серафимовича, что у одного замученнаго ребенка „вытекло около половины кварты *бѣлой крови*, какъ молоко“!

ставленномъ въ сенатъ, заключались такія данныя, которыя, не находясь въ непосредственной связи съ велижскимъ событіемъ и убійствами, совершенными въ окрестностяхъ Велижа, все же придавали показаніямъ христіанокъ характеръ искренней, правдивой исповѣди; направляя судью на мысль, что убійцами дѣтей могли быть только евреи, успокаивая такимъ образомъ его совѣсть, взволнованную отсутствіемъ какихъ либо реальныхъ доказательствъ виновности велижскихъ евреевъ, эти данныя распространяли обвиненіе огульно на все еврейское населеніе, и сенаторы должны были остановиться передъ вопросомъ: дѣйствительно ли существуютъ у евреевъ, какъ нѣчто необходимое, ритуальныя преступленія?

Вообще, вслѣдствіе резолюціи государя „изслѣдовать все до корня“, т. е. изслѣдовать до корня возникшія въ то время противъ евреевъ обвиненія въ ритуальныхъ преступленіяхъ, сфера дѣятельности сената приняла необычайные размѣры; сенату предстояло разобратся въ такихъ дѣлахъ, коимъ давность давно истекла, по которымъ вовсе не было произведено слѣдствія или таковое не дало положительныхъ результатовъ, т. е. въ дѣлахъ, которыя по общему правилу не подлежали разсмотрѣнію сената. Въ сущности, необычно было и то, что сенату было высочайше повелѣно совокупно съ дѣлами, присланными велижской комиссіей, разобратъ и тельшевскій процессъ *).

Но своей резолюціей государь отнюдь не имѣлъ въ виду искать „корень“ въ историческомъ прошломъ кровавыхъ обвиненій, а это именно и было поставлено сенаторами себѣ за-

*) Уже послѣ того, какъ велижская комиссія закрылась, совѣтникъ виленскаго губ. правленія Новицкій, членъ комиссіи, образованной по высочайшему повелѣнію, по образцу велижской, для разслѣдованія тельшевскаго событія, запросилъ (октябрь 1830 г.) Шкурина „не пожелаетъ ли онъ сообразить оба дѣла (т. е. велижское и тельшевское), яко связь имѣтъ могущія“. Шкуринъ представилъ это письмо при докладѣ начальнику гл. штаба и гр. Чернышевъ перedalъ оба документа, конечно съ одобренія государя, министру юстиціи для отсылки въ сенатъ „на совмѣстное разсмотрѣніе съ дѣломъ по обвиненію евреевъ въ умерщвленіи солдатскаго сына“. Сенатъ тогда-же вытребовалъ это дѣлопроизводство, но оказалось, что судебное разслѣдованіе въ низшихъ инстанціяхъ еще не было завершено.

дачей. И тутъ-то несомнѣнно сказался результатъ коварнаго образа дѣйствія велижской комиссіи, включившей въ записку изъ трехъ государевыхъ резолюцій лишь одну— „изслѣдовать все до корня“. Эта многократно повторявшаяся въ запискѣ резолюція привела сенаторовъ къ мысли, что имъ поручено изслѣдовать до конца не одни дѣла, присланныя велижской комиссіей и тельшевское дѣло, но вообще вопросъ о ритуальныхъ преступленіяхъ у евреевъ или, по крайней мѣрѣ, обосновать свой приговоръ не только обычными судебными уликами, но и общими данными по этому страшному вопросу.

И такой взглядъ на предстоящую задачу не могъ не укрѣпиться, когда, розыскивая матеріалы о ритуальныхъ преступленіяхъ, сенатъ получилъ справку изъ госуд. совѣта, изъ которой было видно, что, разсмотрѣвъ возобновленное дѣло объ умерщвленіи въ 1816 г. въ Гродненской губ. дѣвочки Адамовичъ, государственный совѣтъ, признавъ, что по этому дѣлу, за давностью, не должно послѣдовать новаго рѣшенія, вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, чтобы показанія по этому процессу выкреста унтеръ-офицера Савицкаго *) были приняты во вниманіе государственнымъ совѣтомъ при предстоящемъ разсмотрѣніи велижскаго процесса, и государь съ этимъ согласился **).

Имѣя въ виду разрѣшить общій вопросъ о ритуальныхъ преступленіяхъ у евреевъ, сенатъ, повидимому, хотѣлъ собрать еще какія либо данныя по этому вопросу, но ему удалось получить лишь экстрактъ изъ дѣла объ умерщвленіи въ 1753 г. въ Житомирѣ евреями младенца Студзинскаго; изъ этого документа сенаторы узнали, что „для открытія истины“ заподозрѣнныхъ евреевъ троекратно пытали, а потомъ, по осужденіи, ихъ подвергли жесточайшей смертной казни; нѣкоторымъ обвиненнымъ обвили руки осмоленной пенькой и зажгли ее; потомъ

*) Савицкій говорилъ, что онъ „все докажетъ по еврейскимъ книгамъ, если главное правительство дастъ ему въ томъ пособіе и обезпечить его особу“. О немъ имѣется у Хвольсона нѣкоторыя свѣдѣнія.

**) Эта санкція послѣдовала до того, когда государь осудилъ дѣйствія велижской комиссіи и вообще усомнился въ справедливости обвиненія.

вырвали „изъ плечей“ по три полосы, засимъ четвертовали и, наконецъ, обезглавили *).

Такимъ образомъ сенаторы познакомились съ обширнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, и передъ ними открылась вѣковая исторія кроваваго навіта, эта безконечная цѣпь обвиненій, своимъ однообразіемъ претворявшихъ легенду въ дѣйствительность. Очевидцы-христіане и выкресты, такъ настойчиво называвшіе евреевъ убійцами христіанскихъ дѣтей; образы подсудимыхъ-евреевъ, величавые образы мучениковъ, превращенные по волѣ клеветниковъ въ отвратительныя фізіономіи нераскаившихся убійць—все это смѣшалось въ глазахъ сенаторовъ въ какой-то калейдоскопъ дикихъ, нечеловѣческихъ преступленій. Пораженные яркостью красокъ, сенаторы не поняли, что то была вакханалія преступной лжи и безчеловѣчныхъ обвиненій, и они стали безвольными слугами кроваваго мѣа! При такомъ условіи обвинительный приговоръ по велижскому дѣлу долженъ былъ отразиться не на однихъ подсудимыхъ, но на всемъ еврейскомъ населеніи Россіи; кара должна была поразить не только тѣхъ, противъ кого было возбуждено преслѣдованіе, но и десятки тысячъ другихъ людей. Это такъ и произошло.

27 мая 1831 г. **) сенаторы 2-го отдѣленія 5 департамента собрались, чтобы высказать свое заключеніе. Такъ какъ „кромѣ подсудимыхъ, обвиняются вообще евреи или нѣкоторыя секты между ними, въ потребности имъ для суевѣрныхъ и зловредныхъ ихъ обрядовъ христіанской крови и въ существованіи у нихъ

*) Въ Житомирѣ по сію пору сохранилась братская могила казненныхъ. Въ „Евр.-Сем. библ.“ за 1903 г. кн. IX помѣщенъ снимокъ съ могилы.

**) Видя, что показанія Федорова не соотвѣтствуютъ тому, что говорили о велижскомъ событіи другія лица, сенатъ призвалъ его къ передопросу, но Федоровъ еще больше обнаружилъ свое полное незнакомство съ общеизвѣстными фактами, касавшимися смерти ребенка; такъ, онъ отнесъ теперь событіе не къ 1824 г., какъ раньше показывалъ, а къ 1825 г. Любопытно, что онъ даже не поинтересовался узнать, что говорили доносчицы объ умерщвленіи ребенка. По словамъ Федорова, для поимки христіанскаго мальчика Іосель Мирласъ рассыпалъ по двору черносливъ и когда 8 христіанскихъ дѣтей сбѣжались, евреи одного схватили и унесли въ домъ, а другихъ разогнали.

правиль и обѣтовъ къ уничтоженію христіанскаго исповѣданія и ко вреду христіанъ“, четверо сенаторовъ: И. Ф. Саврасовъ, П. И. Полетика, кн. А. Н. Хованскій и К. Г. Михаловскій, не высказываясь пока по вопросу о виновности велижскихъ евреевъ, озабочиваясь разрѣшеніемъ болѣе широкаго вопроса о ритуальныхъ преступленіяхъ у евреевъ вообще или, по крайней мѣрѣ, о существованіи среди нихъ особыхъ преступныхъ сектъ, пришли къ заключенію, что необходимо передать дѣла министру духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій „для дачи по онимъ мнѣнія“ и для сообщенія еще какихъ-либо свѣдѣній по затро-нутому вопросу.

Нѣсколько иначе отнесся къ своей задачѣ сенаторъ А. М. Безбородко. Онъ ранѣе всего обратился къ разрѣшенію вопроса о виновности подсудимыхъ и пріида къ убѣжденію, что они дѣйствительно виновны въ приписываемыхъ имъ преступленіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заключивъ, что выясняющіяся изъ дѣла обстоя-тельства „имѣють отношеніе до всего еврейскаго общества“, со-гласился съ прочими товарищами о необходимости обратиться къ авторитетному въ данномъ вопросѣ министерству духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

Но министръ юстиціи Дашковъ объяснилъ сенату, что дѣло подлежить разсмотрѣнію одного лишь сената, что къ тому же въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ не имѣется никакихъ данныхъ, ко-торыя не были бы приобщены къ дѣлопроизводству, и потому предложилъ приступить къ „рѣшительнымъ мнѣніямъ“, дабы ускорить разрѣшеніе участи многихъ узниковъ. Вслѣдствіе этого 1 Декабря 1831 года сенаторы вынесли свои „рѣшительныя“ мнѣнія.

„Сверхъ имѣющихся при дѣлахъ выписокъ изъ книгъ, ука-зывающихъ о источникѣ (ритуальныхъ преступленій) и о раз-личныхъ относительно сего еврейскихъ обрядахъ, довольно одного разительнаго сходства въ умерщвленіи Емельянова съ съ убіеніемъ прочихъ дѣтей, — писали сенаторы Саврасовъ и Михаловскій,—чтобы удостовѣриться въ существованіи такой секты; подобные случаи и въ другихъ государствахъ, о кото-рыхъ имѣются при дѣлахъ свѣдѣнія, подтверждаютъ сіе мнѣніе“. И увѣрившись, такимъ образомъ, въ существованіи „жидовской секты, которая по ложному законоученію убѣждается добывать

христіанскую кровь для исполненія проистекающихъ отъ злобы и суевѣрія правилъ“, сенаторы Саврасовъ и Михаловскій признали нужнымъ „изобрѣсти средства къ прекращенію столь губительной секты“, а такъ какъ „искорененіе секты, наипаче предупрежденіе дальнѣйшихъ злодѣяній“ не подлежитъ уголовному суду, то выработку соответствующихъ мѣръ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ и главноуправляющему дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Сенаторъ кн. Хованскій предложилъ въ цѣляхъ искорененія секты регламентировать синагоги и предписать, чтобы всѣ евреи даннаго мѣста молились въ одной синагогѣ, дабы непричастные къ сектѣ не допускали убійствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ, „чтобы изъ города или селенія, гдѣ откроется хищеніе или убійство дѣтей“, всѣ, даже не участвовавшіе въ преступленіи, евреи ссылались на поселеніе въ Сибирь, если не выдадутъ виновныхъ.

Сенаторъ Полетика ограничился указаніемъ на то, что подсудимые принадлежатъ къ особой сектѣ, а сенаторъ В. Гечевичъ, отмѣтивъ, что данныя изъ дѣла доказываютъ существованіе „между евреями такихъ заблужденныхъ, кои и нынѣ могутъ рѣшаться на подобныя злодѣянія“, предложилъ, чтобы власти впредь всюду наблюдали за евреями, „особливо предъ праздниками, въ которые подозрѣваются въ употребленіи крови“.

Такимъ образомъ, сенатъ, въ лицѣ пяти особъ, пришелъ къ заключенію, что среди еврейскаго населенія существуетъ преступная секта, черпающая въ еврейской религіи мотивы для пролитія христіанской крови, а при такомъ взглядѣ на евреевъ, какъ на людей, на коихъ подозрѣніе въ злодѣяніи падаетъ уже въ силу одной принадлежности ихъ къ еврейству, сенаторамъ трудно было остаться безпристрастными въ отношеніи подсудимыхъ. Если велижскіе слѣдователи, вдохновившись мѣломъ, создали матеріалъ, якобы устанавливавшій вину евреевъ, то сенаторы, подъ тяжестью давившаго ихъ кошмара, приняли матеріалъ велижской комиссіи, не усомнившись въ его истинности, не подвергнувъ его критикѣ.

И опять извѣстную роль сыграло то обстоятельство, что въ „записку“ не были включены двѣ революціи государя, изъ

коихъ одна гласила, что если трупы умерщвленныхъ дѣтей не будутъ найдены, то показаніе христіанокъ — „гнусная ложь“ и другая, осуждавшая комиссію, строившую обвиненіе евреевъ на «толкованіи припадковъ и отмѣнныхъ движеній обвиненныхъ». Мы видимъ, что кусокъ окровавленнаго холста, приводившій въ трепеть преступниковъ на допросахъ, служилъ въ глазахъ сенаторовъ Саврасова и Михаловскаго такую же уликою противъ обвиняемыхъ, какъ ихъ „примѣтное смущеніе въ комиссіи на очныхъ ставкахъ съ доказательницами; измѣненіе въ лицѣ и судорожныя движенія, изнеможеніе и дрожаніе во всѣхъ членахъ, головокруженіе и иные припадки“... На ряду съ этими обстоятельствами противъ евреевъ говорило также „однообразное всѣхъ трехъ (женщинъ) показаніе во всѣхъ отношеніяхъ“, хотя сенаторы (указывавшіе между прочимъ, что христіанки, „будучи, по ихъ словамъ, преступницами, не заслуживаютъ законнаго довѣрія) могли видѣть изъ записки, что даже по главнѣйшимъ моментамъ событія свидѣтельница не только противорѣчили одна другой, но безпрестанно противорѣчили самимъ себѣ.

Слуги легенды, оба сенатора потеряли свой судейскій обликъ, а заявивъ, что однимъ изъ доказательствъ виновности евреевъ является также „общій голосъ всѣхъ обывателей христіанъ въ Велижѣ, что это дѣло евреевъ“, тѣмъ самимъ превратили высокое учрежденіе въ базарную площадь.

Кромѣ вышесказаннаго, евреевъ уличали, по словамъ Саврасова и Михаловскаго, и такія обстоятельства, какъ напр., „стараніе отвести подозрѣніе на ксендзовъ или родить мысль о нечаянности убіенія (кѣмъ-либо изъ христіанъ) ребенка“, наемъ сторожей, „нелюбопытство евреевъ, столь противное природному свойству ихъ, взглянуть на найденное тѣло“, „подобные случаи, какъ открываемые самими же женщинами (не заслуживающими всего довѣрія!), такъ и обнаружившіеся изъ особо произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ дѣлъ и т. д.“. — «Всѣ сіе, — говорили Саврасовъ и Михаловскій, — можетъ служить достаточною имъ (евреямъ) уликою. Впрочемъ, — прибавляли они, — при всемъ упрямствѣ, при всей обнаруженной подсудимыми увѣренности ихъ, что они внѣ комиссіи будутъ имѣть сильную защиту и рѣшительно дадутъ желаемый въ ихъ пользу обо-

ротъ дѣлу, многіе изъ нихъ нерѣдко въ смущеніи или въ жару при спорахъ проговаривались и, такъ сказать, исторгали невольныя признанія другъ у друга, напр., говорили: если мнѣ это сказать, то и мать родную уличать должно; если въ этомъ признаться, то всѣхъ жидовъ погубить... высочайше воспрещено подозрѣвать евреевъ въ подобныхъ преступленіяхъ... хотя бы 50 человѣкъ показали тоже и 25 лѣтъ о семь допрашивали — все не признаются“... «

Виновость подсудимыхъ, по мнѣнію Саврасова и Михаловскаго, доказывалась и такими фактами, какъ „побѣгъ нѣкоторыхъ евреевъ изъ подъ стражи (какъ будто пристрастные допросы не обѣщали печальнаго будущаго, отъ котораго каждый бѣжалъ бы), удаленіе иныхъ вовсе изъ Велижа передъ началомъ слѣдствія, желаніе вывести изъ терпѣнія слѣдователей различными дерзостями, дабы имѣть право жаловаться на пристрастіе; усиліе обезоружить ласками или застрашать доказательницъ; наконецъ, неимѣніе никакихъ доказательствъ или свидѣтелей невинности въ подкрѣпленіе голословныхъ показаній, что кровь евреямъ не нужна“... „По всѣмъ симъ убѣжденіямъ, заключили сенаторы, не представляется ни малѣйшаго сомнѣнія, что Емельяновъ, похищенный и преданный евреямъ на жертву, точно мученически умерщвленъ ими съ соблюденіемъ зловредныхъ обрядовъ. А потому остается постановить мѣру наказанія всѣхъ, участвовавшихъ въ преступленіи“.

И сенаторы Саврасовъ и Михаловскій опредѣлили кару: Терентьеву, Максимову и Козловскую сослать въ Сибирь на поселеніе, а изъ евреевъ: Ханну и Евзика Цетлинъ, Славку, Гиршу Носона и Ривку Берлинъ, Румана Нахимовскаго, Йоселя Мирласа, Гликмана, Фейгу Вульфсонъ, Орлика и его жену Фратку Девирць и Ноту Прудкова — сослать въ каторжныя работы, подвергнувъ мужчинъ—20, а женщинъ—15 ударамъ плетью; на мужчинъ кромѣ того наложить клеймо; Мейера Берлина, Шмерку Аронсона, его жену Басю и Ицку Вульфсона—сослать въ Сибирь на поселеніе, подвергнувъ мужчинъ.—25, а Басю Аронсонъ—20 ударамъ; Рохлю Фейтельсонъ, Хасю Шубинскую, Зусю и Лью Рудняковыхъ, Хайку Черномордидъ, Лейзера Зарѣцкаго, Ицку Бѣляева и Абрама Кисина, оставивъ

въ сильномъ подозрѣннн, сослать въ Сибирь. Прикосновенныхъ, но не участвовавшихъ въ умерщвленнн солдатскаго сына, Брусованскаго, Хаима Хрипуна, Янкеля и Эстерь Черномордикъ, Блюму Нафанову, Малку Барадудину, Рохлю Ливенсонъ, Рису Мельникову, Глушкова, Йоселя Турновскаго, Ицку Нахимовскаго и Катсона—сослать въ Сибирь на поселенн; Итку Цетлинъ и Генемелиху, вмѣнивъ имъ въ наказанн долговременное пребыванн въ тюрьмѣ, освободить отъ дальнѣйшаго взыскаанн. Освободить отъ заключенн также Мовшу Бѣленицкаго и Нохима Дукаровскаго, обвинявшихся по двумъ дѣламъ, которыя за давностю лѣтъ не были разслѣдованы сенатомъ.

Къ этому предложенн Саврасова и Михаловскаго присоединился и сенаторъ Полетика, но лишь въ отношенн тѣхъ евреевъ, которые были прикосновены къ умерщвленн солдатскаго сына; въ виду отсутствн достаточныхъ доказательствъ Полетика отказался отъ осужденн евреевъ, виновныхъ въ другихъ преступленнхъ.

Но сенаторъ кн. Хованскнй, предложившн въ цѣляхъ искорененн преступной секты, какъ было выше отмѣчено, суровыя мѣры въ отношенн всего еврейскаго населенн, призналъ достаточнымъ ограничиться ссылкой всѣхъ подсудимыхъ въ Сибирь, такъ какъ они совершили преступленн не изъ корысти или злобы къ жертвамъ, „а въ пагубномъ заблужденн содѣлать по ложному законоучителя ихъ и самихъ ихъ мнѣнн, угодное Богу“, а потому суровое наказанн усилило бы фанатизмъ.

И только Гечевичъ, допускавшн возможность существованн зловердной секты, заявилъ, что обвиненн подсудимыхъ въ умерщвленн солдатскаго сына вовсе не доказано, „ибо прикосновенные къ дѣламъ евреи во взводимыхъ на нихъ преступленнхъ не признавались; оговаривающн ихъ христанки, отступницы отъ православной вѣры, показывающн себя участницами тѣхъ же самыхъ злодѣяннй, учинили извѣты по прошествн долгаго времени отъ случаевъ, ими высказываемыхъ, и не только при первыхъ, но и при всѣхъ допросахъ разнообразно показали о всемъ ими объясненномъ и даже о самыхъ главныхъ обстоятельствахъ происшествнй; рассказываютъ о совершенн преступленн такимъ образомъ, что нельзя дать имъ полной вѣры, ибо не естественно, чтобы люди, рѣшившнися на подобныя

злодѣянiя, и видя, что по оглашенiи объ оныхъ подвергнутся строгой казни, производили злодѣянiя сіи несокровенно, а при толпѣ разнаго пола и возраста людей, и даже при нихъ, христіанкахъ, а потомъ тѣла умерщвленныхъ не истребляя вовсе, или по крайней мѣрѣ не сохраняя сокровенно, вывозили оныя на отдаленныя и такія мѣста, гдѣ вскорѣ могли быть найдены и послужить къ обличенiю вины ихъ“. И поэтому, не находя въ дѣлахъ „совершенно полнаго и точнаго, требуемаго опредѣлительно законами обличенiя оговореннымъ евреямъ, не рѣшается безсомнѣнно обвинить ихъ въ тяжкихъ столь преступленiяхъ и подвергнуть соотвѣтственной казни, то оставить ихъ подъ подозрѣніемъ и наблюденiемъ полиціи“...

Возникшее такимъ образомъ разногласіе между сенаторами отсрочило рѣшеніе судьбы подсудимыхъ; оберъ-прокуроръ предложилъ приступить къ единогласному окончательному рѣшенiю (евреевъ наказать по степени участiя и проч.), но сенаторы остались каждый при своемъ мнѣнiи и тогда дѣло перешло на разсмотрѣніе общаго собранiя 4, 5 и межеваго департаментовъ сената.

Въ этой судебной инстанціи велижское дѣло не получило новаго направленiя. Суровый приговоръ Саврасова и Михаловскаго съ одной стороны, и болѣе справедливое и гуманное заключеніе Гечевича—съ другой, встрѣтили въ общемъ собранiи, въ отношенiи количества голосовъ, одинаковое сочувствіе; однако губительная атмосфера, проникшая въ общее собраніе вмѣстѣ съ дѣлопроизводствомъ, атмосфера предубѣжденiя противъ евреевъ, какъ преступниковъ *quand même*, склонила побѣду въ пользу ихъ обвинителей.

Полностью приговоръ Саврасова и Михаловскаго поддержали въ общемъ собранiи сенаторы Г. С. Вистицкiй и Б. Я. Княжнинъ. Признавая, что, кромѣ умерщвленiя солдатскаго сына, остальные преступленiя, приписанныя евреямъ, за истеченiемъ давности, не подлежатъ нынѣ разсмотрѣнiю, Вистицкiй вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ необходимымъ принять въ соображеніе эти событiя при рѣшенiи вопроса о виновности евреевъ вообще въ умерщвленiи христіанскихъ дѣтей, и на основанiи всего находившагося въ распоряженiи сената матеріала онъ пришелъ къ заключенiю, что, во первыхъ: евреи умертвили солдатскаго

сына „съ общемо при всѣхъ убійствахъ цѣлю употреблять добытую христіанскую кровь по суевѣрнымъ, въ праздники еврейскіе, обрядамъ“, и что, во-вторыхъ: существуетъ секта, „которая по ложному законоученію убѣждается добывать христіанскую кровь для исполненія приистекающихъ отъ злобы и суевѣрія правилъ“...

Вліяніе миеа сказалось и на рѣшеніи сенаторовъ П. Фролова, А. Стога, П. Меркулова и М. Обрѣзкова. Добросовѣстно припомнивъ высочайшія повелѣнія руководствоваться не предположеніемъ преступленія, а судебными уликами, столь же добросовѣстно отмѣтивъ, что законная давность погашаетъ преступленія, и придя къ заключенію, что въ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ нѣтъ „въ полной мѣрѣ законныхъ уликъ евреевъ въ преступленіяхъ“, эти сенаторы все же „въ совокупности всѣми изъ дѣлъ сихъ обстоятельствами“ убѣдились „въ убійствѣ евреями Емельянова и другихъ въ разныхъ мѣстахъ христіанскихъ младенцевъ для источенія крови къ употребленію по введеннымъ издавна и, какъ случаи удостовѣряютъ, нынѣ существующимъ у нѣкоторыхъ евреевъ обрядамъ“, и что оговоренные евреи „достаточно изобличены“, а посему подсудимые подлежали бы наказанію, опредѣленному сенаторомъ Вистицкимъ, но такъ какъ они совершили злодѣяніе, какъ объяснилъ сенаторъ кн. Хованскій, „въ пагубномъ заблужденіи“, то слѣдуетъ нѣсколько смягчить кару, освободивъ обвиненныхъ отъ тѣлеснаго наказанія *).

Въ такомъ же духѣ состоялось рѣшеніе и другихъ 5 сенаторовъ И. Д. Данилова, И. З. Ващенко, Д. М. Мордвинова, П. А. Перовскаго и И. С. Горголи. Соглашаясь съ мнѣніемъ Гечевича, что вина евреевъ отнюдь не доказана данными, заключающимися въ дѣлопроизводствѣ, удостовѣряя съ своей

*) Общее собраніе было увѣдомлено о томъ, что Виленская палата уголовного суда по дѣлу объ умерщвленіи въ Тельшахъ мальчика Петровича нашла, что „при слѣдствіи евреи въ томъ прямо не обличены, но по множеству обстоятельствъ въ показаніяхъ Жуковскаго (единственнаго обличителя, 16-ти лѣтняго пастуха), предъ разными слѣдователями подтверждаемыхъ и потомъ *отмѣняемыхъ*, наводится сильное подозрѣніе, въ которомъ они (т. е. евреи) по рѣшенію палаты и оставлены“.

стороны, что не найдя „совершенно полнаго и точнаго, требуемаго опредѣлительно законами обличенія оговоренныхъ евреевъ“, не рѣшаются „безсомнѣнно обвинить ихъ въ тяжкихъ столь преступленіяхъ и подвергнуть соотвѣтственно казни“, упомянутые 5 сенаторовъ предложили, кромѣ пяти подсудимыхъ, подлежавшихъ по общему мнѣнію освобожденію отъ наказанія, остальныхъ 37 евреевъ „оставить въ сильнѣйшемъ подозрѣніи“, а такъ какъ „самое подозрѣніе въ подобныхъ злодѣяніяхъ не дозволяетъ оставить ихъ на мѣстахъ жительства“, то сослать въ Сибирь на поселеніе, размѣстивъ ихъ тамъ порознь.

Послѣ того, какъ сенаторы высказали (20 января 1833 г.) эти мнѣнія, общему собранію было предложено дать свое заключеніе. И получилось слѣдующее.

Всѣ сенаторы единогласно постановили, что дѣла слѣдуетъ разсматривать „*по судебнымъ уликамъ*“, и не „въ отношеніе причинъ, отъ которыхъ преступленія сіи указуются проистекающими“; вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторы единогласно постановили судить лишь по тѣмъ дѣламъ, коимъ не минула 10-ти лѣтняя давность. Такимъ образомъ, собранный велижской комиссіей и сенатомъ „историческій“ матеріалъ, равно какъ книги и показанія выкреста Савицкаго—все это должно было потерять свое значеніе, значеніе данныхъ, неизбежно устанавливавшихъ фактъ употребленія евреями христіанской крови; предъ сенаторами оставался теперь лишь слѣдующій вопросъ: виновны ли подсудимые въ умерщвленіи солдатскаго сына и въ поруганіи святынь? При чемъ этотъ вопросъ долженъ былъ быть рѣшенъ на основаніи данныхъ, непосредственно относившихся къ велижскому событію.

Къ чему же привела такая постановка вопроса о виновности подсудимыхъ? Шесть сенаторовъ нашли улики правдоподобными, четыре признали улики законными, а одинъ сенаторъ заявилъ, что хотя улики не въ полной мѣрѣ законны, но въ совокупности всѣ обстоятельства дѣлъ убѣждаютъ, что обвиненіе справедливо. И всѣ сенаторы пришли къ заключенію, что обвиняемые должны быть сурово наказаны. Разногласіе возникло лишь по поводу требованія нѣкоторыхъ сенаторовъ, не увѣрив-

шихся вполне въ виновности евреевъ, чтобы эти послѣдніе были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія.

Слѣдующія два засѣданія (24 февр. и 10 марта), на которыхъ присутствовали еще нѣкоторые сенаторы, не внесли ничего новаго въ рѣшеніе судьбы подсудимыхъ; разногласіе по вопросу о тѣлесномъ наказаніи не было устранено и вслѣдствіе этого исправляющій должность товарища министра юстиціи, статсъ-секретарь, графъ Панинъ взялъ на себя разсмотрѣніе процесса.

1-го сентября 1833 г. онъ представилъ въ сенатъ обширную записку.

ГЛАВА XIII.

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ, какъ по показаніямъ христіанокъ велижская драма постепенно все болѣе и болѣе развивалась, отмѣтивъ многія противорѣчія въ ихъ свидѣтельствѣ, равно несоотвѣтствія между показаніями женщинъ и слѣдственными данными*), гр. Панинъ писалъ: «Обвиненія Терентьевой...не согласны между собою въ самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ. Она участвовала во многихъ преступленіяхъ и сама разглашала сіи дѣйствія. Она была пьяна при совершеніи сихъ злодѣяній, имѣла худое зрѣніе**) и рассказываетъ мелочныя подробности, замѣченныя по различнымъ дѣйствіямъ, происходившимъ въ одно время. Въ то самое время, когда совершается въ городѣ ужасное злодѣяніе, подвергающее всѣхъ участвующихъ въ ономъ всей строгости законовъ, еврей, обгаренные кровью ихъ жертвы, издѣ-

*) Среди противорѣчій и несообразностей, изъ коихъ нѣкоторыя были приведены нами въ текстѣ, гр. Панинъ отмѣтилъ, что именно въ тѣхъ мѣстахъ, куда по показаніямъ Терентьевой кололи ребенка, никакихъ ранъ на трупѣ не оказалось. Гр. Панинъ остановилъ, между прочимъ, вниманіе и на томъ, что Терентьева 25-го апрѣля „приходила къ матери пропавшаго младенца и объявляла, что онъ находится въ опасности. Къ сему дѣйствію она могла быть побуждена раскаяніемъ или злостію противъ евреевъ; но 25-го она приняла, какъ удостовѣряетъ, еврейскую вѣру, не бывъ къ тому принуждена насильственными мѣрами, ибо она находилась на свободѣ и никогда впоследствии не показывала, чтобы за нею было тогда присмотрѣ“.

**) Было обнаружено слѣдствіемъ, что въ то время, когда по показаніямъ Терентьевой происходило мученіе ребенка, она сама была почти совершенно слѣпа.

ваются надъ Терентьевой, дѣлая для шутки продолжительныя съ нею обряды; въ присутствіи женщинъ пьяную нищую раздѣваютъ до нага и, — продолжалъ гр. Панинъ, понявшій грубый вымыселъ христіанокъ, — для потѣхи позволяютъ себѣ поруганіе надъ собственными обычаями и нравами. Для совершенія злодѣяній они неоднократно прибѣгаютъ къ сей самой женщинѣ, которая въ преступленіяхъ ожесточена, надъ вѣрой издѣвается, не имѣетъ ни крова, ни семейства, обращается въ распутствѣ и скитается на свободѣ съ ужасными тайнами, безъ всякаго призора. Тайны сіи она раскрываетъ добровольно, но сперва однихъ евреевъ обвиняетъ, скрывая свое участіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Когда же она въ нихъ сознается, то не умѣетъ вѣрно пересказать своихъ дѣйствій, отмѣняетъ часто свои показанія, но постоянно *увеличиваетъ злодѣйство и умножаетъ обстоятельства онаго*. Она получаетъ подарки, наряжается въ богатое платье и ходитъ по міру. Она ловитъ дѣтей, умерщвляетъ ихъ въ продолжительныхъ и мучительныхъ истязаніяхъ, кровь ихъ развозитъ, а въ судѣ она плачетъ и тронута ожесточеніемъ обвиненныхъ».

Коснувшись ватѣмъ въ нѣсколькихъ словахъ признанія Максимовой и Козловской, гр. Панинъ писалъ:

«Преступникъ не рѣдко продолжительное время скрываетъ свои дѣйствія, прежде нежели объявить въ судѣ, что онъ въ самомъ дѣлѣ учинилъ преступленіе, но сдѣлавъ уже сіе сознаніе, онъ другія обстоятельства скрываетъ тогда токмо, когда они могутъ отягощать его участь. Въ семъ дѣлѣ, напротивъ, замѣтны значительныя промежутки между допросами, въ коихъ, наконецъ, преступники *дополняютъ* токмо прежнія показанія такимъ образомъ, что рассказы, сперва неполные и различные, получаютъ уже нѣкоторое сходство»...

Гр. Панинъ, конечно, не могъ не остановиться на наговорахъ Фратки Девирицъ и Ноты Прудкова. Показанія ихъ, говорилъ гр. Панинъ, «навлекаютъ на подсудимыхъ нѣкоторое подозрѣніе, но ни одно изъ показаній Фратки не можетъ служить судебною уликой. Она говоритъ по наслышкѣ; ссылки ея не подтверждены; показанія не согласны съ обстоятельствами, о коихъ упоминали русскіе свидѣтели; въ нихъ заключаются разнорѣчія и они носятъ отпечатокъ народной молвы, а не собственнаго

сознанія, раскаяніемъ вынужденнаго. Важнѣе, — продолжалъ гр. Панинъ,—были-бы извѣты Прудкова, если бы онъ дополнилъ оныя сознаніемъ всего того, что ему могло быть извѣстнымъ, и если бы самое предложеніе съ его стороны открыть истину не послѣдовало за удостовѣреніемъ, что онъ не подвергнется *никакому наказанію*, буде сознается въ преступленіи. Такимъ образомъ показанія Прудкова и Фратки не могутъ послужить къ подтвержденію или къ поясненію показаній Терентьевой, Максимовой и Козловской».

Наконецъ, гр. Панинъ приступилъ къ выясненію характера того обвинительнаго матеріала, который члены комиссіи создали изъ тѣлодвиженій и отдѣльныхъ выраженій подсудимыхъ. «Всѣ сіи признаки смущенія,—пояснялъ гр. Панинъ,—могли бы служить къ поддержанію другихъ уликъ, но изъ оныхъ вывести заключенія къ обвиненію евреевъ невозможно. Напротивъ того, слѣдователи, упоминая о томъ, признавали, что симъ изобличались подсудимые въ преступленіяхъ. *Произвольное* сіе толкованіе не согласно ни съ духомъ нашихъ законовъ, ни съ обязанностями слѣдователей. При разсмотрѣніи же дѣла должно имѣть въ виду, что страхъ, продолжительное заключеніе подъ стражею, необразованность людей низкаго состоянія могли причинять смущеніе подсудимыхъ и побуждать ихъ къ восклицаніямъ необдуманнымъ. Нѣкоторыя изъ употребленныхъ ими выраженій заключаютъ въ себѣ обороты, свойственные языкамъ восточнымъ и, вѣроятно, употребительные на еврейскомъ».

И вотъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, обвиненія и оправданія, содержащіяся въ показаніяхъ русскихъ свидѣтелей, подсудимыхъ евреевъ и постороннихъ лицъ, обративъ при томъ вниманіе на всѣ улики и возраженія, основанныя на свѣдѣніяхъ собранныхъ слѣдователями», гр. Панинъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

«во 1-хъ, что подсудимые евреи ни въ умерщвленіи солдатскаго сына Федора Емельянова, ни въ другихъ подобныхъ преступленіяхъ не сознались и судебными доказательствами не изобличены;

«во 2-хъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ падаетъ подозрѣніе, но что подозрѣніе сіе основано на выраженіяхъ, которыя, служа

неполными доказательствами, безъ другихъ уликъ судомъ уважены быть не могутъ;

«въ 3-хъ, что нѣкоторые изъ подсудимыхъ изобличены въ ложныхъ показаніяхъ и что многіе упорствовали въ дачѣ отвѣтовъ и отзывались о слѣдователяхъ съ дерзостью;

«въ 4-хъ, что за таковыя поступки можетъ быть вмѣнено имъ въ наказаніе 8-лѣтнее содержаніе подъ стражею, но, что слѣдуетъ предъ освобожденіемъ отъ онаго сдѣлать имъ надлежащее внушеніе, дабы впредь исполняли безпрекословно всѣ требованія судебныхъ мѣстъ и земской полиціи;

«въ 5-хъ, что по неизобличенію подсудимыхъ евреевъ, слѣдуетъ ихъ всѣхъ отъ суда и слѣдствія нынѣ-же освободить;

«въ 6-хъ, что Терентьева, Максимова и Ковловская за ложный извѣтъ и за преступленія, въ коихъ онѣ сознались, по всей строгости законовъ должны бы подвергнуться вѣчной ссылке въ каторжную работу, но такъ какъ дѣйствительное совершеніе преступленій, въ коихъ онѣ себя обвинили, слѣдствіемъ не обнаружено... (слѣдуютъ ссылки на законы)... евреи же разными ложными показаніями, въ коихъ изобличены, дали поводъ къ подозрѣнію, то я полагаю, что участь сихъ трехъ преступницъ слѣдуетъ передать Высокомонаршему милосердію;

«въ 7-хъ, касательно общаго обвиненія евреевъ въ томъ, что между ними существуетъ секта, которая по суевѣрію умерщвляетъ христіанъ съ совершеніемъ таинственныхъ обрядовъ, изъ дѣла явствуетъ, что не всѣ велижскіе евреи посѣщали тамошнюю большую школу. Петлинъ показывалъ, что онъ въ оной не бываетъ, потому что онъ не *миснагедъ а хоседъ*; Ицка Вульфсонъ равномѣрно объявилъ, что онъ для богомоленія ходилъ не въ большую, а въ другую еврейскую школу *).

«Въ разныхъ сочиненіяхъ евреи обвиняются въ злодѣянιάхъ, предписываемыхъ особенной между ними сектѣ. Но книги сіи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ писаны евреями, не имѣютъ достовѣрности судебныхъ актовъ, и на самыхъ приговорахъ по дѣламъ давнопрошедшимъ невозможно бы основать судебного рѣшенія о

*) О религіозномъ расколѣ, выдѣлившемъ часть еврейскаго населенія Россіи и Галиціи въ хасидскую секту, см. статью С. М. Дубнова въ Энцикл. Слов. Брокгауза и Ефрона „Хасидизмъ“.

лицахъ, другими доказательствами не изблеченныхъ, тѣмъ менѣе о цѣломъ сословіи. Но для огражденія евреевъ отъ подобныхъ преслѣдованій и для успокоенія христіанскихъ жителей, между которыми распространились, какъ видно изъ настоящаго дѣла, сильныя предубѣжденія, я полагалъ бы полезнымъ, согласно мнѣнію одной особы въ 5 Д-тъ Прав. Сената, предписать, чтобы общественное богослуженіе всегда происходило въ назначенныхъ для того зданіяхъ и въ извѣстное время; чтобы сборища въ домахъ ночью, подъ предлогомъ молитвы, градская полиція не допускала, чтобы, наконецъ, за участіе въ подобныхъ сборищахъ каждый еврей, какого пола и возраста бы онъ ни былъ, а въ случаѣ бѣдности его общество обязано было внести въ казну штрафъ, равняющійся подушному сбору, независимо отъ преданія суду и наказанія по законамъ за уголовныя преступленія и полицейскіе проступки. На семъ основаніи, — заключилъ гр. Панинъ свою записку, — не благоугодно-ли будетъ Правительствующему Сенату постановить единогласное заключеніе».

Записка гр. Панина была представлена общему собранію сената. Сосредоточивъ все свое вниманіе на судебной сторонѣ велижскаго событія, оставаясь все время на юридической почвѣ, гр. Панинъ вполне убѣдительно доказалъ несостоятельность введеннаго на подсудимыхъ обвиненія; благодаря этому изъ присутствовавшихъ (15 сентября) въ засѣданіи 20 сенаторовъ тринадцать особъ *) приняли его предложеніе объ освобожденіи евреевъ отъ суда и слѣдствія. Но по существу своей задачи, гр. Панинъ не могъ остановиться на разсмотрѣніи самого мѣста и тѣхъ данныхъ, вошедшихъ въ дѣлопроизводство, которыя не находились въ непосредственной связи съ велижскимъ событіемъ, и надо думать, что если не предубѣжденіе, не тупая злоба къ евреямъ, то именно этотъ пробѣлъ во всестороннемъ разслѣдованіи обвинительнаго матеріала побудилъ остальныхъ 7 сенаторовъ **) отвергнуть предложеніе гр. Панина.

*) И. Даниловъ, И. Ваценко, А. Стогъ, В. Гечевичъ, П. Меркуловъ, Дм. Мордвинновъ, Г. Вистицкій, И. Лавровъ, Б. Княжнинъ, И. Горголи, А. Абакумовъ, М. Обрѣзковъ, А. Васильчиковъ.

**) И. Саврасовъ, К. Михаловскій, А. Хованскій, П. Фроловъ, Л. Перовскій, П. Полетика и кн. Шаховской.

Это новое разногласіе въ сенатѣ привело къ тому, что дѣло перешло на обсужденіе государственнаго совѣта.

ГЛАВА XIV.

Разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ отнеслись члены государственнаго совѣта къ кровавому мѣу вообще и къ велижскому злодѣянію въ частности, представило бы, несомнѣнно, извѣстный историко-культурный интересъ, но мы остановимся лишь на отношеніи графа Мордвинова къ роковому обвиненію. Какъ члену государственнаго совѣта и предсѣдателю департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, адм. Мордвинову представился теперь случай непосредственно воздѣйствовать на судьбу подсудимыхъ и всѣхъ ихъ единовѣрцевъ въ Россіи. И, дѣйствительно, графъ Мордвиновъ выступалъ въ защиту евреевъ съ громкимъ убѣжденнымъ словомъ. Въ пяти засѣданіяхъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ (23, 25 и 30 мая, 6 іюня и 19 октября 1834 г.) онъ подробно ознакомилъ своихъ товарищей по департаменту, Оленина и Бахметьева, съ этимъ сложнымъ и громоздкимъ дѣломъ. Не ограничившись, подобно гр. Панину, разрушеніемъ тѣхъ яко-бы судебныхъ основъ, на которыхъ велижскіе слѣдователи построили обвиненіе, адм. Мордвиновъ ясно, безъ обиняковъ, заявилъ, что евреи пали жертвою заговора, жертвою омраченныхъ предубѣжденіемъ и ожесточенныхъ фанатизмомъ слѣдователей, съ кн. Хованскимъ во главѣ! Онъ поднялъ тяжело-опущенный занавѣсъ и показалъ, при помощи какихъ бутафорскихъ средствъ авторы велижской драмы наполняли ужасомъ и смятеніемъ судей-зрителей, какія грубо-намалеванныя полотнища обманчиво казались судьямъ картинами дѣйствительной жизни.

Члены департамента гражд. и дух. дѣлъ всецѣло присоединились къ мнѣнію гр. Мордвинова и тогда производитель дѣлъ, помощникъ статсъ-секретаря А. М. Яковлевъ составилъ отъ имени департамента, «подъ руководствомъ и направленіемъ» Мордвинова, докладную записку.

«Департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, — такъ начиналась записка, — по обзорѣніи въ совокупности всѣхъ дѣлъ, входящихъ въ составъ многосложнаго и запутаннаго производства о велижскихъ евреяхъ, обвиненныхъ въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей, находить, что дѣло сіе въ томъ видѣ, въ

какомъ оно генераль-губернаторомъ кн. Хованскимъ доведено до высочайшаго свѣдѣнія и представлено въ правительствующій сенатъ, заключаетъ въ себѣ не одно разрѣшеніе частныхъ случаевъ, но общій и весьма важный вопросъ: объ употребленіи евреями христіанской крови—вопросъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій составлявшій предметъ недоумѣній и изысканій». И вотъ, въ виду важности самаго вопроса и принимая во вниманіе, что и общій этотъ вопросъ, и частный велижскій случай были представлены государю не въ надлежащемъ правдивомъ освѣщеніи, адм. Мордвиновъ, имѣя по установившемуся порядку право высказать—для сообщенія сенату—одно лишь свое заключеніе, не приводя мотивовъ такового, счелъ необходимымъ «единственно для доведенія до высочайшаго свѣдѣнія» изложить также «разсужденія и замѣчанія» по велижскому процессу.

«Дабы съ надлежащей зрѣлостью—гласила записка—разрѣшить частные случаи, наполняющіе велижское дѣлопроизводство, департаментъ призналъ необходимымъ первоначально изслѣдовать причины возрожденія и упадка сего мнѣнія».

Конечно, адм. Мордвиновъ, подобно сенаторамъ, судившимъ евреевъ, не былъ компетентенъ въ этомъ вопросѣ, но, въ противоположность имъ, онъ, человекъ просвѣщенный и гуманный, не могъ не отнестись критически къ сочиненіямъ крещенныхъ евреевъ, наполненнымъ злобою и небылицами, и къ показаніямъ невѣжественныхъ унтеръ-офицеровъ, и мы видимъ, что адм. Мордвиновъ принимаетъ отъ одного образованнаго еврея записку на французскомъ языкѣ, посвященную опроверженію на вѣта *), и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне самостоятельно, на основаніи печатныхъ матеріаловъ, разбираетъ вопросъ о средневѣковыхъ обвиненіяхъ.

«Противоположность христіанскаго вѣроисповѣданія съ еврейскимъ,—говорилъ адм. Мордвиновъ въ своемъ мнѣніи,—съ отдаленныхъ вѣковъ положила вражду между почитателями сихъ вѣръ и долго служила источникомъ взаимныхъ упрековъ въ преступленіяхъ важныхъ. Въ первые вѣка евреи обвиняли христіанъ въ умерщвленіи собственныхъ дѣтей, но когда восторжествовала христіанская вѣра, обвиненіе сіе обращено на евреевъ

*) Имя этого еврея неизвѣстно. Записка, представленная гр. Мордвинову, напечатана въ X т. „Архива гр. Мордвиновыхъ“.

и, поддерживаемое силою фанатизма и ненавистью къ евреямъ, обладавшимъ богатыми капиталами, въ началѣ XI в. во всей Европѣ приняло видъ истины. При семъ направленіи умовъ, евреи, кромѣ частныхъ казней по приговорамъ судебнымъ, подвергались общимъ бѣдствіямъ: разграбленію имуществъ и изгнанію изъ государствъ. Наконецъ, твердость, съ какой они переносили преслѣдованія, и вмѣстѣ неосновательность судебныхныхъ обвиненій, многими опытами обнаруженная, заставили сомнѣваться въ справедливости сего мнѣнія и подвергнуть строгому изслѣдованію основанія онаго. Изученіе восточныхъ языковъ открыло удобные къ тому способы, и водворившаяся терпимость вѣръ, успокоивъ умы и ослабивъ предубѣжденіе противъ евреевъ, подала возможность изслѣдовать предметъ сей съ соотвѣтственной важности онаго зрѣлостью...»

Коснувшись затѣмъ папскихъ буллъ и постановленій польскаго правительства, отрицавшихъ употребленіе евреями христіанской крови, адм. Мордвиновъ продолжалъ: «Но разрушенное въ главныхъ основаніяхъ, мнѣніе сіе получило другое направленіе. Евреевъ начали въ позднѣйшее уже время обвинять, какъ сектаторовъ. Кромѣ того, что существованіе таковой ужасной секты ни однимъ фактомъ не обнаруживается, нельзя предполагать, чтобы талмудисты, уклоняясь отъ закона моисеева, запрещающаго даже употребленіе крови животныхъ, могли произвести секту, совершенно основаніямъ онаго противную, и чтобы евреи, въ теченіе вѣковъ претерпѣвавшіе бѣдствія отъ ужасныхъ правилъ ея, не открыли существованія оной, особенно при той ненависти, какую евреи сектаторы взаимно между собою питаютъ» *). Вслѣдъ за симъ, остановившись на извѣстномъ повелѣніи Александра I 1817 г., адм. Мордвиновъ писалъ: «Но отвергнутое такимъ образомъ просвѣщенными державами предубѣжденіе, стоившее столькихъ бѣдствій для еврейскаго народа, сохранило еще остатки по общему дѣйствію человѣческихъ заблужденій. Ген.-губернаторъ, князь Хованскій рѣшительно утверждаетъ, что евреи, враги христіанъ, въ теченіе вѣковъ много пролили ихъ крови. По важности тѣхъ послѣдствій для

*) Здѣсь адм. Мордвиновъ дѣлаетъ выноску: „Извѣстна ненависть евреевъ къ сектѣ хасидовъ, кои предаваемы были проклятію, а сочиненія ихъ сжигаемы“.

всѣхъ обитающихъ въ Россіи евреевъ, съ какими неизбежно сопряжено водвореніе сего мнѣнія въ правительствѣ, въ видѣ истины доказанной, гражданскій департаментъ не могъ оставить безъ надлежащаго обзорѣнія тѣхъ основаній, на которыхъ утверждается рѣшительное заключеніе ген.-губернатора», и, отмѣтивъ ленчицкій, житомирскій и другіе процессы, нашедшіе себѣ мѣсто въ велижскомъ дѣлопроизводствѣ, адм. Мордвиновъ указалъ, что всѣ эти процессы служатъ доказательствомъ только того, что подобныя убійства совершаются лишь въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ. „Но какъ оныя (т. е. процессы),— продолжалъ Мордвиновъ,— не содержатъ въ себѣ уликъ противъ евреевъ, то и не могутъ служить фактами къ поддержанію мнѣнія объ употребленіи ими христіанской крови».

Переходя затѣмъ къ произведеніямъ кровавой литературы, отмѣтивъ, что они снабжены ложными ссылками на еврейскія книги, что они «наполнены понятіями, несообразными съ здравымъ разсудкомъ *) и взаимно себѣ противорѣчащими, что само собою обличаетъ сочинителей или въ вымыслѣ описываемыхъ ими истязаній христіанскихъ дѣтей и употребленія ихъ крови, или въ безотчетномъ и рабскомъ пересказѣ ими слышаннаго», адм. Мордвиновъ указывалъ, что «всѣ сіи сочиненія, служація отголоскомъ господствовавшаго въ свое время фанатизма, не могутъ быть приняты въ соображеніе ни въ качествѣ историческихъ свѣдѣній, какъ произведенія ума, омраченнаго предубѣжденіемъ, ни въ видѣ судебныхъ доводовъ, какъ наполненныя противорѣчіями и разительными несообразностями».

«Засимъ»,—гласитъ записка,—«гражданскій департаментъ обращается къ велижскому дѣлу, составляющему новѣйшій судебный фактъ и главное основаніе возобновляемаго предубѣжденія противъ евреевъ. При настоящемъ состояніи просвѣщенія дѣло сіе не долженствовало бы входить въ кругъ предметовъ судебного разсмотрѣнія, но какъ по оному подвергнуты заключенію 42 человека евреевъ разнаго пола и возраста, а притомъ оное является въ такомъ свойствѣ, въ какомъ подобныхъ не пред-

*) Какъ напр., вытекающая изъ христіанскаго ребенка *бѣлая кровь*; появляющаяся на явствахъ евреевъ, при перемѣнѣ времени года, *воздушная кровь*.

ставляетъ и древняя судебная область, то гражданскій департаментъ вмѣнилъ себѣ въ обязанность разсмотрѣть всѣ обстоятельства онаго съ подробностью и полнымъ вниманіемъ, дабы такимъ образомъ положить конецъ предубѣжденію, наносящему укоризну просвѣщенному вѣку».

И точно, адм. Мордвиновъ «съ подробностью и полнымъ вниманіемъ» изучилъ это громоздкое, запутанное дѣло. Говоря о предсказаніяхъ Еремѣевой и ворожбѣ Терентьевой, предшествовавшихъ нахожденію трупа, адм. Мордвиновъ писалъ: «Таковыя явленія и послѣдствія оныхъ Коммиссія, поставляя въ заглавіи своихъ общихъ доказательствъ, *для вящаго убѣжденія, указываетъ на день Благовѣщенія*, но департаментъ усматриваетъ, что обстоятельства сіи ясно обнаруживаютъ замыселъ обвиненія евреевъ, заблаговременно обдуманной, ибо если бы Терентьева, зная о положеніи солдатскаго сына и бездѣйствіи родителей къ спасенію его, имѣла чистое намѣреніе обнаружить угрожавшихъ ему убійць, то она должна была, не теряя времени въ бесполезныхъ разглашеніяхъ, объявить о семъ Правительству. Самая дѣвочка Еремѣева, по возрасту своему, не долженствовала бы участвовать въ семъ замыслѣ, употреблена въ ономъ для вѣрнѣйшаго успѣха, какъ извѣстная уже въ простомъ народѣ предсказательница... При надлежащемъ изслѣдованіи, обстоятельства сіи повели бы къ важнѣйшимъ въ дѣлѣ открытіямъ, но ни начальное, ни повторенное слѣдствіе не объяснило оныхъ, какъ будто бы можно было довольствоваться показаніями Еремѣевой о видѣніяхъ, вымышленныхъ съ тою единственною дѣлюю, дабы скрыть лица, отъ коихъ она получала подробныя свѣдѣнія о положеніи солдатскаго сына. Исправленіе сего важнаго упущенія предпринято тогда уже, когда вторичное слѣдствіе было совершенно кончено, но и въ семъ положеніи дѣла надлежащій допросъ Еремѣевой, хотя и повдновенный, не былъ бы бесполезнымъ, если-бы не удовольствовались разговоромъ о подслушаніи, невѣроятнымъ по способу ея описываемому и несообразнымъ съ ея возрастомъ. Въ семъ разговорѣ 12-лѣтняя дѣвочка представляется съ размышленіемъ зрѣлымъ, расчетомъ вѣрнымъ и съ необыкновенною предприимчивостью проникнуть въ тайныя замыслы евреевъ съ опасностью жизни. Самое пожертвованіе чрезъ Еремѣеву въ церковь крестьяниномъ Козло-

вымъ, по окончаніи уже изслѣдованія о солдатскомъ сынѣ, дѣлаеть Еремѣеву и самое происшествіе сіе весьма подозрительнымъ»...

Отмѣтивъ далѣе появленіе Авадкевича, подачу государю прошенія Терентьевой, остановившись подробнѣе на томъ, что евреи не призвали-бы къ участию въ страшномъ преступленіи такихъ пьяницъ, какъ Максимова и Терентьева, указавъ также на то необычайное явленіе, что ребенокъ, находясь среди чужихъ людей, голодая нѣсколько дней и даже положенный въ сундукъ, не издавалъ крика, не плакалъ когда его переносили, по показаніямъ христіанокъ, изъ дома Ханны къ Миркѣ и обратно *), адм. Мордвиновъ обратилъ вниманіе также и на то весьма важное обстоятельство, что «Терентьева и Максимова, по показанію ихъ участвовавшія во многихъ предшествовавшихъ убійствахъ, при истязаніи солдатскаго сына... являются дѣйствующими какъ бы въ первый разъ».

Дѣйствительно, давая показанія по дѣлу объ умерщвленіи солдатскаго сына, христіанки представлялись впервые вступившими на путь преступленія. Напр., Терентьева говорила, что, прося привести мальчика, Ханна Цетлинъ увѣряла ее, что мальчику будетъ хорошо житься, такъ что Терентьева и не предвидѣла готовившейся ему участи; Терентьева и Максимова также подробно рассказывали о томъ, какъ евреи, давая имъ деньги, упрашивали ихъ держать въ тайнѣ злодѣяніе и даже обратили ихъ съ этой цѣлью въ еврейство. Но вѣдь Терентьева должна была знать, что ожидаетъ ребенка, если она, по ея словамъ, съ той же Ханной еще раньше умерщвляла христіанскихъ дѣтей? А евреямъ нечего было бояться нескромности христіанокъ, если по опыту прежнихъ убійствъ они знали, что соучастницы не нарушатъ молчанія?

Адм. Мордвиновъ привелъ еще нѣкоторыя обстоятельства, рисовавшія дѣйствительную картину наѣта и опять повторилъ, что они «обнаруживаютъ одинъ замыселъ оговорить евреевъ, въ который по какому то сильному вліянію вовлечены христіанки, для вѣрнѣйшаго достиженія сей цѣли принявшія на себя участіе въ убійствѣ». А затѣмъ, подробно разобравъ показанія

*) На это указалъ и гр. Панинъ въ своей запискѣ.

христіанокъ, сопоставивъ ихъ рассказы съ слѣдственными данными и съ требованіями логики, адм. Мордвиновъ на основаніи всего дѣлопроизводства вновь удостовѣрилъ, «что обвиненіе евреевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ имѣло источникомъ злобу и предубѣжденіе и было ведено подъ какимъ-то сильнымъ вліяніемъ, во всѣхъ движеніяхъ дѣла обнаруживающимся. Велижская слѣдственная Коммиссія, на обязанности коей лежало объяснить истину и оградить невинныхъ, не обращала никакого вниманія ни на тѣ, ясно видимыя обстоятельства, которыя могли раскрыть обдуманнѣйшій замыселъ, ни на самыя противорѣчія, ложь и вымыселъ, которыми наполнены показанія доказчицъ... Такимъ образомъ, подвергнувъ,—говорилъ адм. Мордвиновъ,—тяжкому тюремному заключенію велижскихъ евреевъ, коммиссія простерла изысканія свои даже въ Витебскъ и Лезну, по несогласнымъ съ здравымъ смысломъ извѣтамъ одной Терентьевой Къ большому обремененію участи подсудимыхъ, коммиссія, отъ вниманія коей не могли скрыться сіи разительныя несообразности въ дѣлѣ объ умерщвленіи солдатскаго сына, приняла нѣсколько другихъ подобныхъ извѣтовъ отъ доносчицъ“.

И, чтобы связать эту злобную и преступную дѣятельность коммиссіи съ именемъ кн. Хованскаго, адм. Мордвиновъ вслѣдъ затѣмъ привелъ изъ его всеподданнѣйшихъ докладовъ увѣренія, что коммиссія «дѣйствовала во всемъ съ примѣрной правильностью и точностью», что показанія рядоваго Федорова могутъ «служить неоспоримою уликою противъ упорныхъ преступниковъ», и въ заключеніе Мордвиновъ процитировалъ тѣ строки, въ коихъ кн. Хованскій ссылался на Промыселъ Всевышняго...

На основаніи всего вышеизложеннаго гражданскій департаментъ предложилъ:

1. Евреевъ, подсудимыхъ по дѣлу объ умерщвленіи солдатскаго сына Емельянова и по другимъ подобнымъ дѣламъ, заключающимся въ велижскомъ производствѣ, а равно и по дѣламъ о поруганіи надъ христіанскою святыней, какъ ничѣмъ не уличенныхъ, немедленно освободить.

2. Запечатанныя еврейскія яголы въ Велижѣ открыть, позволивъ въ оныхъ служеніе.

3. Участъ означенныхъ подсудимыхъ, претерпѣвшихъ тюремное заключеніе въ продолженіе 8 лѣтъ и неразлучное съ

онимъ разстройство въ торговлѣ и промыслахъ, подвергнуть Монаршему возвращенію, съ тѣмъ, что не благоугодно-ли будетъ Его Императорскому Величеству, въ вознагражденіе, освободить ихъ впредь на восемь лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей.

Въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ департаментъ высказался о ссылкѣ Терентьевой, Максимовой и Козловской въ Сибирь (освободивъ первыхъ двухъ отъ наказанья плетью въ виду того, что онѣ дѣйствовали подъ чужимъ вліяніемъ), о ссылкѣ Еремѣевой въ монастырь и объ освобожденіи, какъ ни въ чемъ не виновныхъ, Маланьи Желновой и Агафьи Демидовой.

А послѣдній 7-ой пунктъ гласилъ: «Дабы положить конецъ предубѣжденію объ употребленіи евреями христіанской крови въ обрядахъ ихъ вѣры, и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ велижскому производству, подтвердить повсемѣстно, чтобы Высочайшее повелѣніе, объявленное бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, княземъ Голицынымъ, 6 марта 1817 г., исполняемо было во всей силѣ».

Защитительное слово гр. Мордвинова оказалось спасительнымъ для евреевъ. Общее собраніе государственнаго совѣта разсмотрѣвъ (въ засѣданіяхъ 15, 17 и 20 декабря 1834 г. и 3 января 1835 г.) дѣлопроизводство по велижскому событію и представленіе департамента гражд. и дух. дѣлъ, стало на точку зрѣнія адм. Мордвинова, отмѣтивъ, между прочимъ, что въ докладахъ кн. Хованскаго древнее *«противъ евреевъ предубѣжденіе рѣшительно уже признается достовѣрнымъ и принимается за основу всего мнѣнія»*.

Общее собраніе государственнаго совѣта постановило евреевъ-подсудимыхъ освободить отъ суда и слѣдствія, а съ христіанками поступить, согласно предложенія департамента гражд. и дух. дѣлъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ошибочно предположивъ, что закрытіе молеленъ въ Велижѣ послѣдовало по предписанію мѣстной власти, госуд. совѣтъ постановилъ предоставить министру внутр. дѣлъ открыть таковыя.

Но особенно важно было то, что госуд. совѣтъ одновременно постановилъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ: «подтвердить въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ высочайшее повелѣніе 6 марта 1817 г., которымъ строго воспрещено

давать ходъ нелѣпымъ обвиненіямъ противъ евреевъ, которое въ данномъ случаѣ было нарушено самимъ-же генераль-губернаторомъ *)).

Постановленіе госуд. совѣта было подписано предсѣдателемъ Новосильцевымъ и многими членами, среди коихъ были такія лица, какъ вел. князь Михаилъ Павловичъ, Мордвиновъ, Сперанскій, гр. Паленъ, гр. Бенкендорфъ, Уваровъ, Блудовъ и др.

Госуд. совѣтъ не принялъ лишь одного предложенія департамента гражд. и духовн. дѣлъ, именно объ освобожденіи евреевъ отъ податей на 8 лѣтъ, и адм. Мордвиновъ внесъ въ протоколъ особое заявленіе, въ которомъ доказывалъ, что «правительство, карающее виновныхъ, обязано и вознаграждать невинныхъ».

18-го января 1835 г. революціей «Быть по сему» государь утвердилъ мнѣніе государственнаго совѣта.

И сбылись слова Славки Берлинъ, говорившей на допросахъ: «Будетъ время — я опять буду Славкой! И всѣ евреи будутъ дома! Все кончится ничѣмъ!». Утомленные, израненные, но не побѣжденные въ неравной борьбѣ, вышли евреи изъ тюрьмы. Раскрылись тогда двери синагоги и она, безмолвствовавшая въ долгіе годы страданія велижскихъ мучениковъ, огласилась новыми и все-же старыми, знакомыми ей звуками. Тяжкая скорбь и робкая радость, затаенный страхъ и слабая надежда — все слилось въ молитвѣ-плачѣ.

И вернувшись въ свои дома, велижскіе страдальцы не разъ, пробуждаясь въ глухую ночь отъ сна, съ ужасомъ смотрѣли въ мрачное прошлое...

*) Эти послѣднія и нѣкоторыя другія строки мы заимствовали изъ примѣчаній В. А. Бильбасова, сопровождающихъ „мнѣніе“ Мордвинова въ 8 т. Арх. граф. Мордвиновыхъ.

Оглавленіе.

	Стр.
I глава. Высоч. повелѣніе 1817 года. Нахожденіе трупа Емельянова (1823 г.). Ворожба Терентьевой и предсказаніе Еремѣевой. Обвиненіе евреевъ въ умерщвленіи ребенка и источеніи изъ него крови. Отношеніе мѣстнаго общества и властей къ этому обвиненію. Разсмотрѣніе дѣла повѣтовымъ судомъ (1824 г.) и его приговоръ. Отмѣна приговора и оправданіе евреевъ Витебскимъ главнымъ судомъ	6
II глава. Ленчицкій эпизодъ. Подача государю Терентьевой прошенія (1825 г.). Возобновленіе дѣла. Ген.-губ. кн. Хованскій и чиновникъ Страховъ. Арестъ Терентьевой и ея признаніе въ соучастіи въ преступленіи. Соучастницы Максимова и Козловская. Священническое увѣщаніе. Показанія христіанокъ-соучастницъ. Арестъ обвиненныхъ евреевъ. Учитель Петрища и сапожникъ Азадкевичъ. Высоч. повелѣніе (1826 г.) о закрытіи въ Велижѣ еврейскихъ молитвенныхъ домовъ	18
III глава. Собираніе Страховымъ историческаго матеріала по ритуальнымъ преступленіямъ. Новые аресты среди велижскихъ евреевъ. Образованіе особой слѣдственной комиссіи. Жалобы евреевъ на незаконныя дѣйствія Страхова. Смерть Гирши Аронсона. Жалоба евреевъ, представленная государю (1827 г.). Выс. повелѣніе о командированіи въ Велижъ флиг.-адъютанта Шкурниа	33
IV глава. Новые показанія Терентьевой и Максимовой касательно умерщвленія ребенка и обращенія ихъ въ еврейскую вѣру. Заявленіе объ отвозѣ крови въ Лезну и Витебскъ	45
V глава. Указъ сената (авг. 1827 г.). Ходатайство кн. Хованскаго о недопущеніи еврейскаго депутата къ производству слѣдствія. Высочайшее повелѣніе о производствѣ слѣдствія кн. Хованскимъ и о невмѣшательствѣ сената	57
VI глава. Очныя ставки подсудимыхъ и обвинительницъ-христіанокъ.	64

6206

- VII глава. Заявленіе Максимовой и Терентьевой о другихъ преступленіяхъ, совершенныхъ ими съ евреями: убійство Дворжецкой; умерщвленіе дѣтей въ корчмахъ, въ окрестности Велижа; надруганіе надъ святынями. Резолюціи Николая I отъ 16 окт. 1827 г и 8 ноября 1827 г. Передопросы христіанокъ. Новые аресты. Поѣздка слѣдственной комиссіи въ Лезну и Витебскъ. 73
- VIII глава. Возобновленіе очныхъ ставокъ. Переписка арестованныхъ евреевъ. Наговоръ Фратки Девирцъ. Рѣшеніе люблинскаго трибунала 1639 г. по Ленчицкому процессу. Письмо мнѣ. внут. дѣлъ Ланскаго (1827). Дальнѣйшее собраніе Страховымъ и кн. Хованскимъ матеріаловъ къ обвиненію евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ 86
- IX глава. Возобновленіе Гродненскаго и Тельшевскаго процессовъ. Наговоръ Грудинскаго. Ксендзъ Паздерскій. Новый наговоръ Грудинскаго. Слѣдствіе по преступленіямъ, яко бы совершеннымъ въ окрестностяхъ Велижа. Собраніе Страховымъ литературы по обвиненію евреевъ въ ритуальныхъ преступленіяхъ . . 96
- X глава. Резолюція государя (авг. 1829 г.) касательно дѣйствій слѣдственной комиссіи. Записка комиссіи и всеподданнѣйшій докладъ кн. Хованскаго (2 окт. 1829 г.) о виновности подсудимыхъ. Высоч. повелѣніе о внесеніи дѣла въ сенатъ. Письмо Минскаго и Литовскаго архіепископа (1830 г.). Раскрытіе навѣта Грудинскаго. Записки слѣдственной комиссіи 104
- XI глава. Подписки подсудимыхъ „опрестрастіи“. Закрытіе слѣдственной комиссіи. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. Хованскаго (27 авг. 1830 г.) о признаніи евреевъ виновными. Наговоръ рядоваго Федорова (авг. 1830 г.). Объясненіе кн. Хованскаго. О воровствѣ Еремѣевой. 113
- XII глава. Разсмотрѣніе дѣла 2 Отд. 5 Деп. сената. Мнѣнія сенаторовъ (май 1831 г.). Обвинительный приговоръ. Перенесеніе дѣла въ Общее Собраніе сената. Осужденіе евреевъ (январь 1833 г.). 121
- XIII глава. Записка товарища мнѣ. юстиціи, гр. Панина (сент. 1833 г.). Представленіе ея въ сенатъ. Перенесеніе дѣла въ гос. совѣтъ 135
- XIV глава. Графъ Мордвиновъ. Департаментъ граж. и дух. дѣлъ гос. совѣта. Общее Собраніе госуд. совѣта (1834 г.). Освобожденіе евреевъ отъ суда и слѣдствія. Высочайшее утвержденіе мнѣнія госуд. совѣта. 140